TOM SHARPE

'Britain's leading practitioner of black humour.'
Punch

Indecent Exposure

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Once again the setting is Piemburgem, the deceptively peaceful-looking capital of Zululand, where Kommandant van Heerden, Konstabel Els and Luitenant Vekramp continue to terrorise true Englishman and even truer Zulus in their relentless search for a perfect South Africa. While that great Anglophile, Kommandant van Heerden, gropes his way towards attaining true 'Englishness' in the company of the eccentric Dornford Yates Club, Luitenant Verkramp, whose hatred of all things English is surpassed only by his fear of sex, sets in motion an experiment in mass chastity, with the help of the redoubtable lady psychiatrist Dr von Blimenstein, which has remarkable and quite unforeseen results.

The Kommandant, hunting the fox in the Aardvark mountains, succumbs to the bizarre charms of Mrs Heathcote-Kilkoon, as Luitenant Verkramp's essays in counter-espionage backfire in the bird sanctuary. Once more, Konstabel Els, homicidal to the last, saves the day — or what's left of it — in one of the most savage hunts ever chronicled in fiction.

- Оскорбление нравственности
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49

- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77

Оскорбление нравственности

Том Шарп
Оскорбление нравственности

Глава первая

В Пьембурге отмечали день героев, и по такому случаю скромная столица Зулулэнда, как бывало всегда в этот праздник, демонстрировала непростительное и безответственное веселье. Цвели и благоухали высаженные вдоль улиц деревья джакаранды, дома тонули за пышно распустившимися в садах азалиями, а на сотне флагштоков развевались знамена англичан и буров — символы бурской войны[1], позабыть о которой была не в силах ни одна сторона. Само соседство этих флагов друг с другом подтверждало все еще сохраняющуюся взаимную враждебность. Две белые общины отмечали свои исторические победы порознь и в разных частях города. На торжественной службе в англиканском соборе епископ Пьембурга напомнил своей необычно многочисленной сегодня пастве, что в прошлом англичане отстояли свободу от посягательств столь многих и разных ее врагов, как Наполеон, президент Крюгер[2], германский кайзер и Адольф Гитлер. В голландской реформистской церкви преподобный Шлахбалс призывал своих прихожан никогда не забывать о том, что именно англичане изобрели концентрационные лагеря, в которых во время бурской войны погибли двадцать пять тысяч женщин и детей-буров. Иными словами, празднование Дня героев предоставляло каждому желающему возможность позабыть о настоящем и разжечь в, себе ненависть, унаследованную от прошлого. Лишь зулусам запрещалось принимать участие в торжествах, — отчасти потому, что считалось, будто у них нет собственных героев, достойных таких почестей. Но главным образом по причине того что их участие в празднике, по всеобщему убеждению, привело бы лишь к усилению напряженности в отношениях между расами в городе.

По мнению коммандanта Ван Хеердена, начальника пьембургской полиции, ежегодные торжества по случаю Дня героев были событием, достойным всяческого сожаления. Начальник полиции остался в Пьембурге одним из тех немногих африканеров[3], среди предков или отдаленных родственников которых были герои бурской войны. Английский солдат застрелил деда Ван Хеердена уже после окончания сражения под Паардебергом за то, что тот не подчинился приказу о прекращении огня. Учитывая это историческое обстоятельство, от Ван Хеердена каждый праздник ожидали речи на тему о героизме, которую он обычно произносил на митинге националистов, проходившем на стадионе «Воортреккер». На этот раз, однако, уже в качестве одного из высших должностных лиц города

начальник полиции должен был присутствовать на торжественной церемонии в Парке первопоселенцев, где достойные сыны Альбиона называли очередную деревянную скамью именем одного из тех, кто пал во время зулусской войны[4], происходившей примерно на сотню лет раньше войны бурской.

В прошлом Ван Хеердену удавалось избегать подобных выступлений: обычно он ссылался на невозможность быть одновременно в двух местах. На сей раз город только что приобрел для своей полиции вертолет, и по этой причине отговорки коммандантa не были приняты во внимание. Пока вертолет кружил над городом, коммандант, ненавидевший высоту едва ли не сильнее, чем публичные выступления, лихорадочно рылся в своих записях, пытаясь сообразить, о чем же он будет говорить, когда прилетит на место. Эти записи, однако, были набросаны им много лет тому назад, еще во времена кризиса в Конго[5], и, поскольку ими пользовались ежегодно, за прошедшее время сильно поистрепались, стали почти неразборчивыми, а их содержание утратило актуальность и производило уже несколько странное впечатление. На стадионе «Воортреккер», говоря о героизме, коммандант Ван Хеерден заверил собравшихся: граждане Пьембурга могут не сомневаться, что южноафриканская полиция готова не оставить камня на камне, лишь бы ничто не потревожило спокойную жизнь обитателей города. В Парке же первопоселенцев он красноречиво возмущался участью, постигшей изнасилованных в Конго монахинь. Поскольку, однако, выступавший непосредственно перед ним миссионер методистской церкви страстно призывал к гармонии в межрасовых отношениях, слушатели сочли, что речи начальника полиции недоставало хорошего вкуса.

И, наконец, в завершение этого хлопотного дня предстоял еще парад стражей порядка. Он должен был проходить на территории казарм конной полиции, и во время его проведения мэр города согласился вручить награду одному из констеблей, отмеченному за выдающуюся храбрость и преданность долгу.

— История с монахинями, о которой вы говорили, по-моему, довольно любопытная, — сказал мэр, когда вертолет оторвался от площадки в Парке первопоселенцев. — Я о них почти позабыл. Это же произошло где-то лет двенадцать назад, наверное?

— Я считаю, полезно время от времени напоминать себе, что нечто подобное может случиться и здесь, — ответил коммандант.

— Пожалуй. Странно, что кафры как будто бы специально охотятся за монашками. И что им в них так нравится?

— Возможно, то, что они девственницы, — предположил

коммандант.

— Наверное, вы правы, — согласился мэр. — Надо будет сказать жене, она давно пыталась понять, в чем тут дело.

Под вертолетом проплывали крыши домов, ярко сверкавшие в лучах послеполуденного солнца. Построенная во времена расцвета Британской империи, крошечная столица Зулулэнда все еще несла на себе отпечаток былого великолепия. Над рыночной площадью возвышалось красное кирпичное здание мэрии и городского собрания, выстроенное в готическом стиле. Прямо напротив него стояло строгое классическое здание Верховного суда. Дальше, за железнодорожным вокзалом, располагался Форт-Рэйпир — прежде в нем размещался штаб английских войск, теперь же клиника для душевнобольных, но внешне здания форта совершенно не изменились. По огромному плацу, где могли бы маршировать до десяти тысяч солдат, теперь бродили пациенты больницы. Бывший дворец губернатора был превращен в педагогический колледж, и на его лужайках, где когда-то происходили великолепные приемы, теперь загорали студенты. По мнению Ван Хеердена, смотреть на все это было странно и грустно. Едва он задумался над тем, почему англичане с такой легкостью отказались от своей империи, как вертолет, зависнув над казармами полиции, пошел на снижение.

— Красиво стоят, — сказал мэр, показывая вниз на выстроившихся для парада полицейских.

Ничего, сухо подтвердил коммандант, вынужденный от размышлений о былом великолепии снова вернуться к серой действительности. Он посмотрел туда, где пятьсот человек, лицом к трибуне, ожидали прибытия начальства. На его взгляд, ничего великолепного и даже просто красивого не было ни в этих шеренгах, ни в стоящих позади них шести бронемашинах-«сарацинах»[6]. Вертолет опустился на землю, и, когда его винты перестали вращаться, коммандант помог мэру спуститься и проводил его к трибуне. Полицейский оркестр заиграл бодрый марш, а в нескольких железных клетках разразились лаем и рычанием шестьдесят девять сторожевых собак. Обычно в этих клетках сидели ожидавшие суда негры-заключенные, но сегодня по случаю проведения парада клетки освободили.

— Я за вами, — сказал коммандант у подножия лестницы, ведшей на возвышение к трибуне. Там, наверху, высокий стройный лейтенант держал на поводке огромного добермана-пинчера, зубы которого, как успел с тревогой заметить мэр, были злобно оскалены.

— Нет, только после вас, — ответил мэр.

— Вы первый, я настаиваю, — продолжал уступать дорогу комендант.

— Послушайте, не стану же я драться там, наверху, с этим доберманом, — сказал мэр.

Комендант Ван Хеерден улыбнулся.

— Не беспокойтесь, — ответил он. — Это чучело. Это и есть та самая награда.

Он неуклюже взобрался на возвышение и коленом отпихнул добермана в сторону. За начальником полиции поднялся и мэр.

— Лейтенант Веркрамп, руководитель местного отделения службы безопасности, — представил наверху комендант стройного лейтенанта.

Лейтенант улыбнулся холодно и как-то печально. Мэр уселся на предназначенное ему место. Он понял, что его познакомили с представителем БГБ[7] — Бюро государственной безопасности, организации, которой не было равных в деле пыток подозреваемых.

— Скажу несколько слов, — предложил комендант, — а потом вы вручите награду. — Мэр кивнул, соглашаясь, и комендант направился к микрофону.

— Господин мэр, леди и джентльмены, офицеры южноафриканской полиции! — прокричал он. — Сегодня мы собрались здесь для того, чтобы отдать должное героям, вошедшим в историю Южной Африки. И в частности, почтить память недавно ушедшего от нас констебля Элса, трагическая гибель которого лишила город Пьембург одного из лучших полицейских.

Громкоговорители разносили над плацем многократно усиленный голос коменданта, в котором не чувствовалось и следа той неуверенности и тех колебаний, какие испытывал начальник полиции, произнося имя Элса. Идея вручить в качестве награды чучело добермана принадлежала лейтенанту Веркрампу. Комендант согласился, довольный уже тем, что эту штуковину наконец-то заберут из его кабинета. Но сейчас, оказавшись перед необходимостью произнести панегирик в адрес покойного Элса, комендант уже не был уверен в том, что его посмертное награждение было удачной задумкой. При жизни Элс подстрелил, находясь при исполнении служебных обязанностей, больше черных, чем любой другой южноафриканский полицейский. К тому же он постоянно нарушал законы о нравственности[8]. Комендант взглянул в свои записи и продолжал дальше.

— Надежный товарищ, хороший гражданин, преданный христианин… — Мэр всматривался в лица стоявших перед ним полицейских и постепенно проникался сознанием того, что

гибель констебля Элса действительно была тяжелой для полиции Пьембурга потерей. Ни на одном из собравшихся лиц не было и следа тех замечательных качеств, которыми, по-видимому, в полной мере обладал констебль Элс. Судя потому, что видел сейчас мэр, средний уровень интеллекта у находившихся в строю должен был быть где-нибудь порядка 65[9]. Размышления мэра прервали последние слова коменданта, окончившего речь и теперь объявлявшего, что награда имени Элса будет вручена констеблю Ван Руйену. Мэр встал со своего места и принял из рук лейтенанта Веркрампа поводок, к которому было привязано чучело добермана-пинчера.

— Поздравляю с присуждением вам этой награды, — сказал он, когда вызванный из строя полицейский подошел к нему и по-уставному представился. — За что же вас так высоко отметили?

Констебль Ван Руйен смешался, покраснел и пробормотал что-то насчет того, что он застрелил кафра.

— Он предотвратил побег заключенного, — поспешно объяснил комендант.

— Что ж, это в высшей степени похвально, — сказал мэр и передал констеблю поводок. Под веселые выкрики своих коллег, аплодисменты публики и громкий туш оркестра награжденный призом имени Элса спустился по лестнице с чучелом в руках.

— Прекрасная идея — вручать такую необычную награду, — говорил мэр чуть позже, расположившись под тентом и потягивая холодный чай. — Но должен признаться, мне бы такое и в голову не пришло. Чучело собаки — как оригинально!

— Ее убил сам констебль Элс, — сказал комендант.

— Он, наверное, был человеком выдающихся качеств?

— Голыми руками, — продолжил комендант.

— О Боже! — воскликнул мэр. Воспользовавшись тем, что мэр начал обсуждать с преподобным Шлахбалсом вопрос о том, целесообразно ли разрешать приезжающим в страну японским бизнесменам пользоваться плавательными бассейнами, предназначенными только для белых, комендант покинул его и отошел. У входа под тент лейтенант Веркрамп увлеченно разговаривал о чем-то с крупной блондинкой, которой очень шло прекрасно сидевшее на ней бирюзовое платье. Всмотревшись в лицо, скрытое цветочной розовой шляпкой, комендант узнал доктора фон Блименстейн, известного психиатра, работавшую в клинике для душевнобольных в Форт-Рэйпире.

— Получаете бесплатную консультацию, лейтенант? — пошутил комендант, протискиваясь мимо них к выходу.

— Доктор фон Блименстейн рассказывала мне, как она лечит маниакально-депрессивные психозы, — ответил лейтенант.

— Похоже, лейтенанта Веркрампа больше всего интересует применение электрошоковой терапии, — улыбнулась доктор фон Блименстейн.

— Да, я знаю, — сказал комендант и вышел из-под тента, раздумывая о том, не увлекся ли Веркрамп блондинкой-психиатром. Ему такое увлечение казалось странным; впрочем, от лейтенанта Веркрампа можно ожидать чего угодно, Комендант Ван Хеерден давно уже оставил попытки понять своего заместителя.

Ван Хеерден нашел место ж тени и, усевшись, принялся рассматривать город. Да, мое сердце навеки принадлежит Пьембургу, думал он, слегка почесывая длинный шрам на груди. С того дня, когда ему сделали пересадку сердца, комендант Ван Хеерден во многих отношениях почувствовал себя новым человеком. У него улучшился аппетит, он редко стал уставать. Но самое главное — теперь хоть какая-то часть его тела могла претендовать на то, что ее происхождение восходит к норманнам-завоевателям. Это обстоятельство в значительной мере компенсировало недостаток у него уважения к другим частям своего тела[10]. Теперь, когда в нем билось сердце настоящего английского джентльмена, единственное, чего ему недоставало, — это тех внешних признаков «английскости», которыми он неизменно восхищался. Именно поэтому он приобрел твидовый костюм от Харриса норфолкскую тужурку с поясом и пару грубых коричневых полуспортивных ботинок. По выходным он облачался в эту тужурку и ботинки и в одиночестве гулял по лесам в окрестностях Пьембурга, погруженный в свои размышления — а точнее, в те интеллектуальные страдания, которые комендант считал размышлениями и которые сводились у него к поискам ответа на один и тот же мучительный вопрос: каким образом мог бы он добиться признания у английской части пьембургского высшего общества и быть принятым в его ряды.

Ван Хеерден уже предпринял некоторые действия в этом направлении, подав заявление о приеме в «Александрийский клуб» — самый закрытый из всех клубов Зулулэнда. Но безуспешно. Потребовались объединенные усилия президента, казначея и секретаря этого клуба, чтобы убедить Ван Хеердена, что неудача при попытке вступления в клуб не бросает никакой тени на, чистоту его расовой принадлежности и не содержит намеков на цвет его половых органов. В конце концов комендант вступил в местный гольф-клуб, членство в котором было более доступно, и где он теперь мог часами просиживать, с завистью прислушиваясь к чисто английскому, по его убеждению,

произношению. После таких посещений клуба он проводил дома вечера за разучиванием английских песен. И сейчас, подремывая в кресле, испытывал определенное удовлетворение оттого, что добился в этом некоторых успехов.

Лейтенанту Веркрампу перемены, произошедшие с комендантом после перенесенной им операции, не принесли ничего, хорошего. Те преимуществу, которыми пользовался лейтенант раньше — лучшее образование и более быстрая сообразительность, — оказались практически сведенными на нет. Комендант обращался с ним с высокомерной терпимостью, которая доводила лейтенанта до крайнего возмущения, а на саркастические замечания Веркрампа отвечал легкой, едва заметной улыбкой. Еще хуже было то, что комендант постоянно препятствовал попыткам Веркрампа освободить Пьембург от коммунизма, либерализма, гуманизма, англофильства, римского католицизма и прочих врагов южноафриканского образа жизни. Когда люди Веркрампа организовали налет на помещение местной масонской ложи, именно комендант Ван Хеерден высказал по этому поводу самое резкое осуждение. Он же настаивал и на освобождении археолога из местного университета, которого служба безопасности арестовала за якобы обнаруженные им доказательства, что на территории Трансвааля выделывали железо задолго до прибытия сюда в 1652 году Ван Рибеки[11]. Веркрамп был категорически против того, чтобы отпускать этого типа на свободу.

Никаких черномазых на Юге Африки до прибытия сюда белого человека не было. Кто утверждает противоположное, тот предатель, доказывал он коменданту.

— Знаю, — ответил комендант, — но этот парень и не утверждает, что здесь кто-то жил до нас.

— Утверждает. Он заявляет, что здесь выделывали железо.

— Если тут выделывали железо, это еще не значит, что здесь жили люди, — подчеркнул комендант. В результате археолога, у которого к тому времени были явные признаки сильного душевного расстройства, перевели в психбольницу Форт-Рэйпира. Тогда-то Веркрамп и увидел в первый раз доктора фон Блименстейн. Она ловко завернула пациенту руку за спину и почти строевым шагом повела его в палату, а лейтенант Веркрамп смотрел ей вслед, любовался ее широкими плечами и мощными ягодицами и чувствовал, что влюбился. После этого он стал почти ежедневно бывать в больнице, чтобы справиться о состоянии здоровья археолога, и, сидя в кабинете врачихи, внимательно изучал и запоминал мельчайшие подробности ее лица и фигуры. Назад в полицейский участок он возвращался с таким

ощущением, будто побывал в каком-то сексуальном Эльдорадо. Он мог часами мысленно восстанавливать образ прекрасной психиатрини в деталях, подсмотренных во время его бесчисленных визитов в клинику. Каждое новое посещение обогащало его каким-то дополнительным штрихом, и ее образ в его представлении становился все более полным. Один день это могла быть ее левая рука. В другой раз — мягкие изгибы ее живота, образующего резкие складки в том месте, где он был схвачен поясом. Или же одна из ее крупных грудей, плотно лежащая в бюстгальтере. А как-то летним днем ему удалось подсмотреть и ее бедра, скрытые под плотно облегавшей юбкой, — белые, покрытые легкой рябью. Лодыжки, колени, руки, подмышечные впадины — все это Веркрамп знал отлично и в подробностях, способных удивить саму докторшу. Впрочем, вполне возможно, что, узнай она об этом, она бы не удивилась.

Сейчас, когда они стояли в тени под тентом, под которым подавали прохладительные напитки и мороженое, лейтенант Веркрамп заговорил о происшедшей в коммандante перемене.

— Не понимаю, в чем дело, — сказал он, предлагая врачихе еще одну порцию мороженого. — Он стал так модно одеваться. — Доктор фон Блименстейн пристально посмотрела на Веркрампа.

— Что значит модно одеваться? — спросила она.

— Ну, он купил себе твидовый пиджак. С накладными карманами и поясом сзади. И начал носить какие-то странные ботинки.

— По-моему, это все совершенно нормально, — ответила Блименстейн. — А к духам или женскому белью он интереса не проявляет?

Лейтенант Веркрамп грустно покачал головой.

— У него и речь изменилась. Теперь он предпочитает говорить по-английски, а на письменном столе у себя в кабинете поставил портрет английской королевы.

— Вот это уже довольно странно, — сказала доктор.

Веркрамп почувствовал прилив вдохновения.

— Ведь настоящий африканер не станет ходить и у всех спрашивать: «Клево я прибарахлился, а?»

— Сомневаюсь, что это стал бы делать даже любой нормальный англичанин, — подтвердила врачиха. — А у него бывают внезапные смены настроений?

— Да, — многозначительно произнес Веркрамп.

— А приступы мании величия?

— Случается, — ответил Веркрамп.

— Что ж, похоже, ваш коммандант страдает каким-то психическим расстройством, — сказала доктор фон

Блименстейн. — Надо мне будет за ним последить.

День открытых дверей в полицейских казармах подходил к концу, поэтому, высказав свое предположение, доктор фон Блименстейн отбыла. Лейтенант же Веркрамп после разговора с ней испытывал состояние легкой эйфории. Замечание врача о том, что, возможно, комендант Ван Хеерден находится на грани нервного срыва, таило в себе перспективу продвижения по службе. Лейтенант Веркрамп предался мечтам о том, что в скором времени начальником полиции Пьембурга, возможно, станет он сам.

Глава вторая

Два дня спустя, когда лейтенант Веркрамп сидел у себя в кабинете и мечтал о докторе фон Блименстейн, из Бюро государственной безопасности поступила директива. На ней стоял гриф «Лично адресату», и потому, в соответствии с установившейся практикой, прежде чем директива легла на стол лейтенанта, ее прочли всего несколько констеблей. Веркрамп с жадностью набросился на документ и прочел его от первой до последней строчки. Он касался нарушений «законов о нравственности» сотрудниками южноафриканской полиции и был обычной памятной запиской, какие регулярно рассылаются во все полицейские участки Южной Африки.

«Настоящий документ обязывает вас провести расследования в тех случаях, когда подозревается наличие связей между офицерами полиции и женщинами банту». Веркрамп проверил слово «связей» по словарю и убедился, что оно означает именно то, на что он надеялся. Чем глубже он вчитывался в документ, тем яснее осознавал, какие возможности открывает перед ним эта директива. «Учитывая, что враги Южной Африки придают высокую пропагандистскую значимость всем случаям сообщений в печати о судебных процессах, по которым привлекаются офицеры южноафриканской полиции и женщины банту, национальные интересы требуют найти эффективные средства и методы противодействия наблюдаемой среди белых полицейских тенденции вступать в общение и иные связи с черными женщинами. В интересах поддержания расовой гармонии следует также предотвращать случаи межрасовых половых отношений. Судебное преследование лиц, в отношении которых существуют доказательства их противоправной сексуальной активности, — если хотя бы одно из таких лиц является сотрудником южноафриканской полиции, — могут возбуждаться только после предварительного уведомления о том Бюро государственной безопасности».

Закончив чтение документа, лейтенант Веркрамп так и не понял, должен ли он возбуждать дела против полицейских, нарушающих «законы о нравственности», или нет. Он понял, однако, что ему поручено проводить расследования в «случаях, когда подозревается наличие связей», и что «национальные интересы требуют найти эффективные средства и методы». Особенно вдохновляюще подействовала на него перспектива совершить что-либо такое, что отвечало бы требованиям национальных интересов. Лейтенант Веркрамп снял трубку

телефона и набрал номер психиатрической клиники Форт-Рэйпир. Ему необходимо было кое-что выяснить у доктора фон Блименстейн.

В то же утро, только чуть позже, на бывшем английском военном плацу, служившем сейчас местом для прогулок пациентов психбольницы, встретились двое.

— Это идеальное место для нашего разговора, — сказал Веркрамп врачихе, прогуливаясь с ней среди пациентов клиники. — Тут нас никто не подслушает. — Это замечание породило в груди психиатрини надежду, что ей собираются сделать предложение. Следующая фраза лейтенанта показалась ей даже еще более многообещающей: «Я хотел спросить вас кое о чем, что касается… э-э-э… секса».

Доктор фон Блименстейн холодно улыбнулась и посмотрела на свои туфли девятого размера.

— Продолжайте, — тихо прожурчала она, наблюдая, как кадык лейтенанта ходит вверх-вниз, выдавая его смущение.

— Конечно, в обычных условиях я бы не стал обсуждать такой вопрос с женщиной, — выдавил он наконец. Надежды доктора резко упали. — Но, поскольку вы психиатр, я подумал, что, возможно, вы сможете мне помочь.

Доктор фон Блименстейн холодно посмотрела на него. Она ожидала услышать вовсе не это.

— Продолжайте, — повторила она, и на этот раз ее голос звучал привычно профессионально. — Говорите, в чем дело.

Веркрамп наконец-то решился.

— Вот в чем. Многие полицейские проявляют антиобщественные наклонности. Делают то, чего они не должны были бы делать. — Лейтенант вдруг резко оборвал себя. Он начал уже сожалеть, что вообще начал этот разговор.

— А чего полицейские не должны были бы делать? — Голос врачихи звучал уже откровенно неодобрительно.

— Черные женщины, — выпалил Веркрамп. — Они ведь не должны трогать черных женщин?

Ответа можно было бы и не ждать. Лицо доктора фон Блименстейн приобрело розовато-лиловый оттенок, на шее у нее вздулись вены.

— Не должны трогать? — яростно завопила она. Несколько пациентов поспешно устремились к главному корпусу. — Не должны трогать?! Вы меня вытащили сюда только затем, чтобы признаться, что трахаете цветных девок?!

Лейтенант Веркрамп понял, что совершил жуткую ошибку. Голос докторши был слышен за добрых полмили отсюда.

— Не я! — отчаянно закричал он. — Я говорю не о себе.

Доктор фон Блименстейн недоверчиво взглянула на него.

— Не вы? — переспросила она после затянувшейся паузы.

— Клянусь честью, — заверил ее Веркрамп. — Я просто хотел сказать, что некоторые полицейские так поступают. И я хотел с вами посоветоваться, как можно положить этому конец.

— Почему нельзя их просто арестовать и предать суду за нарушение законов о нравственности, как поступают в отношении всех прочих нарушителей?

Веркрамп отрицательно помотал головой.

— Ну, во-первых, они полицейские, и поэтому их довольно трудно поймать. А кроме того важно избежать скандала.

Доктор фон Блименстейн уставилась на него с выражением полного отвращения.

— Вы хотите сказать, что нечто подобное происходит постоянно?

Веркрамп кивнул.

— Но тогда наказание должно быть еще более строгим, — сказала врачиха. — Семь лет тюрьмы и десять ударов плетьми — этого слишком мало, чтобы удержать от преступления. С моей точки зрения, любого белого, который идет на половые сношения с черной, надо кастрировать.

— Совершенно с вами согласен, — с энтузиазмом поддержал Веркрамп. — Это принесло бы массу пользы.

Доктор фон Блименстейн подозрительно посмотрела на него, но ничто в выражении лица Веркрампа не давало оснований думать, будто он иронизирует. Лейтенант глядел на нее с нескрываемым обожанием. Воодушевленная его откровенностью, врачиха стала развивать свою мысль дальше.

— Я столь нетерпима к смешению рас, так ненавижу межрасовые сношения, что готова даже делать эту операцию сама. Да — а что здесь такого?

Лейтенант Веркрамп внезапно смертельно побледнел. Мысль о том, чтобы оказаться кастрированным прекрасной врачихой, так совпадала с его собственными мазохистскими фантазиями, что ему стало плохо.

— Нет, нет, ничего. — Он попытался перевести дух и одновременно стряхнуть с себя видение — сам он лежит на операционном столе, а к нему подходит врачиха в маске и прочем облачении хирурга.

— Здесь немного жарко.

Доктор фон Блименстейн взяла его под руку.

— Давайте продолжим беседу у меня в коттедже там прохладно, и мы сможем приготовить чай.

Лейтенант Веркрамп позволил увести себя с плаца к

коттеджу. Как и все остальные корпуса больницы, этот дом тоже был построен еще в начале века; тогда в нем жили офицеры. С южной стороны дома была веранда, откуда открывался вид на холмы, за которыми проглядывало море. Внутри дома царил полумрак и было прохладно. Пока доктор фон Блименстейн готовила чай, лейтенант Веркрамп сидел в гостиной и несколько запоздало размышлял, стоило ли ему затрагивать тему секса в разговоре с такой сильной женщиной, как врачиха.

— Снимайте пиджак, располагайтесь как дома, — предложила докторша, войдя с подносом, на котором стояло все необходимое для чая. Веркрамп нервно замотал головой. Он не привык пить чай в обществе леди, которая предлагала бы снять пиджак. Кроме того, ему казалось, что его подтяжки будут констрастировать с убранством комнаты, отделанной с большим вкусом.

— Бросьте, не надо меня стесняться, — сказала докторша, — я вас не съем. — Мысль о том, чтобы оказаться съеденным врачихой, которая только что выступала как убежденная сторонница кастрации, подействовала на Веркрампа. Он поспешно пересел в кресло.

— Не волнуйтесь, мне тут очень удобно, — сказал он, но доктора фон Блименстейн это не убедило.

— Давайте я вам помогу, — сказала она, поднимаясь со своего кресла так, что лейтенанту Веркрампу стала видна гораздо бóльшая часть ее ног, чем ему удавалось подсмотреть раньше. — Я знаю, как это делается, — улыбнулась она. Веркрамп охотно поверил.

— У меня большой опыт в больнице. — Ощущая себя хорьком, перед которым вдруг возник гигантский кролик, Веркрамп сидел в кресле, как загипнотизированный, и смотрел на приближавшуюся к нему докторшу.

— Встаньте, — сказала она.

Веркрамп встал, очутившись с ней лицом к лицу. Пальцы доктора фон Блименстейн расстегнули пуговицы на его пиджаке, и в следующее мгновение она уже снимала с него пиджак, причем так, что он не смог бы даже пошевелить рукой.

— Вот и все, — мягко сказала она, улыбаясь ему прямо в лицо, — так ведь намного приятнее, правда?

Сам лейтенант Веркрамп вряд ли воспользовался бы словом «приятнее» для того, чтобы передать обуревавшие его в этот момент чувства. Когда ее холодные пальцы начали развязывать галстук, Веркрамп ощутил, что какая-то сила, противостоять которой он не властен, переносит его из отдаленного и безопасного мира сексуальных фантазий в мир реального и

близкого удовлетворения. Сказав нечто нечленораздельное и ощутив внезапное облегчение, лейтенант Веркрамп повис на врачихе, и только ее сильные руки удержали его от падения на пол. Он почувствовал около своего лица ее волосы, полумрак в комнате, казалось, сгустился еще больше, услышал ее шепот: «Ну вот и хорошо, мой милый», — и потерял сознание.

Спустя двадцать минут он снова сидел в кресле, испытывая скованность от угрызений совести и смущения, и гадал, как ему поступить, если ему предложат еще чашечку чая. Если он скажет «нет», то чашку у него заберут, и тем дело и кончится. Сказать же «да» означало бы лишиться того единственного средства, при помощи которого он как-то еще скрывал неспособность в достаточной мере контролировать собственное поведение. Тем временем доктор фон Блименстейн рассказывала ему о том, что причиной всех сексуальных проблем всегда является комплекс вины. По мнению Веркрампа, ее рассуждения не выдерживали критики. Однако ум его был слишком занят решением вопроса, соглашаться или нет на следующую чашку чая, и потому лейтенант не ввязывался в спор. В конце концов он решил, что лучше всего будет ответить «Да, пожалуйста» и одновременно положить ногу на ногу. Он пришел к этому заключению как раз в тот момент, когда доктор фон Блименстейн заметила, что его чашка уже пуста. «Еще чая?» — предложила она и потянулась за его чашкой. Тщательно составленный план рухнул, не начав даже претворяться в жизнь. Лейтенант Веркрамп полагал, что докторша подойдет к нему и возьмет чашку, а не станет дожидаться, пока ей эту чашку протянут. Пытаясь одновременно продемонстрировать скромность и хорошие манеры, Веркрамп заложил ногу на ногу и встал, попутно пролив себе на брюки те остатки чая, которые он оставил в чашке на случай, если решит ответить «нет». Пролитый чай смешался с прежними результатами его неумения держать себя. Лейтенант Веркрамп расставил ноги и посмотрел вниз, испытывая стыд и замешательство. Докторша среагировала практичнее. Подобрав с пола чашку и вовремя выхватив у него из руки блюдце, она вышла из комнаты и почти тут же вернулась, неся мокрое полотенце.

— Нельзя оставлять на форме пятна, — проворковала она по-матерински, тем самым тотчас сломив возможное сопротивление Веркрампа и не оставив ему времени подумать над возможными последствиями своей готовности к подчинению. Он еще не успел толком сообразить, что происходит, а прекрасная докторша уже протирала ему ширинку полотенцем.

Реакция лейтенанта Веркрампа оказалась мгновенной. Первый раз еще куда ни шло, но выдержать нечто подобное

дважды он не мог. Сложившись почти вдвое — как будто бы у него внезапно начались родовые схватки, — он судорожно отпрыгнул от врачихи и ее искушающих рук.

— Нет, — закричал он, — только не это! Хватит, — и спрятался позади кресла.

Его реакция крайне удивила доктора фон Блименстейн.

— Что хватит? — спросила она, все еще стоя на полу на коленях в том месте, где ее оставил прыжок Веркрампа.

— Нет… Что? Да нет, ничего, — бормотал Веркрамп, отчаянно пытаясь нащупать какую-нибудь точку опоры в том ералаше, что творился сейчас у него в голове.

— Нет? Что нет? Что ничего? — спрашивала врачиха, поднимаясь на ноги. — Что вы хотите сказать?

Веркрамп мелодраматично отвернулся и уставился в окно.

— Вам не надо было этого делать, — ответил он.

— Чего не надо было делать?

— Вы знаете, — сказал Веркрамп.

— Что я такого сделала? — не отступала докторша. Лейтенант Веркрамп с несчастным видом покачал головой куда-то в сторону холмов, но ничего не ответил. — Какой же вы глупый, — продолжала врачиха.

— Нечего тут стыдиться. У нас в больнице каждый день бывает по несколько непроизвольных эмиссий.

Веркрамп сердито повернулся к ней.

— Но это же у лунатиков, — возразил он, оскорбленный тем, что она отнеслась к происшествию с клинической отстраненностью. У нормальных людей такого не бывает. — Он замер на полуслове, почувствовав скрытый в его словах второй смысл.

— Конечно же, бывает, — примирительно сказала докторша. — Это ведь только естественно… между… страстными мужчиной и женщиной.

Но пение сирены не заставило лейтенанта Веркрампа сдаться.

— Это не естественно. Это противоестественно.

Доктор фон Блименстейн мягко засмеялась.

— Нечего надо мной смеяться! — заорал Веркрамп.

— А вам нечего на меня орать! — огрызнулась врачиха. Почувствовав в ее голосе властные нотки, Веркрамп сник. — Подойдите сюда, — приказала она. Веркрамп неуверенным шагом пересек комнату и подошел. Доктор фон Блименстейн положила руки ему на плечи. — Смотрите на меня, — сказала она. Веркрамп послушно смотрел. — Я вам нравлюсь? — Веркрамп тупо кивнул головой. — Я рада, — сказала докторша и, обхватив голову удивленного Веркрампа обеими руками, страстно

поцеловала его в губы. — Пойду соберу нам чего-нибудь поесть, — сказала врачиха, отрываясь от него. И прежде чем Веркрамп смог что-то ответить, она уже гремела посудой на кухне, орудуя там поразительно ловко для женщины ее размеров. Лейтенант Веркрамп, остановившись в дверях кухни, продолжал мучительную борьбу с собственными эмоциями. Он злился на самого себя, на нее и на то положение, в котором он сейчас очутился, и никак не мог найти, как бы и на ком бы можно было сорвать эту злость. Доктор фон Блименстейн пришла ему на помощь.

— Кстати, насчет той проблемы, о которой вы говорили, — сказала она, соблазнительно наклоняясь, чтобы достать сковородку из расположенного под мойкой шкафчика, — думаю, что я все-таки могла бы вам помочь.

— Насчет какой проблемы? — грубо переспросил Веркрамп. С него явно достаточно было и той помощи, которую он уже получил.

— С вашими полицейскими и черными девками, — ответила докторша.

— Ах, этой. — Веркрамп успел уже позабыть, зачем пришел.

— Я подумала, и мне кажется, что есть один способ, каким ее можно было бы решить.

— Да? — сказал Веркрамп, который мог бы легко назвать массу таких способов, но сейчас просто не хотел об этом думать.

— Тут все дело в психологической инженерии, — продолжала докторша. — Так я называю те эксперименты, которые я проводила здесь на многих пациентах. Лейтенант Веркрамп весь превратился в слух. Эксперименты его всегда интересовали.

— У меня есть уже несколько случаев успешного излечения, — продолжала докторша, одновременно ловко нарезая морковку. — Этот метод хорошо действует при лечении алкоголиков, извращенцев и гомосексуалистов. Мне кажется, он должен оказаться не менее действенным и в случаях склонности к межрасовым сношениям. Это ведь тоже одна из разновидностей извращения. — Интерес Веркрампа к ее объяснениям был искренним и несомненным. Лейтенант оторвался от дверного косяка, вошел на кухню и внимательно слушал.

— И что вы предлагаете сделать? — с любопытством спросил он.

— Ну, прежде всего выявить те особенности личности, которые предрасполагают человека к подобным сексуальным извращениям. Это, в принципе, нетрудно. Я могла бы достаточно легко очертить круг вероятных причин, обуславливающих подобные отклонения. Лучше всего было бы, если бы ваши

сотрудники ответили на специальную анкету.

— Анкету о чем? Об их половой жизни? — Веркрампу нетрудно было представить себе, какой прием встретила бы такая анкета в полицейском управлении Пьембурга.

— О половой жизни и о других вещах.

— О каких других вещах? — подозрительно спросил Веркрамп.

— О самых обычных. О том, какие отношения были у человека со своей матерью. Доминировала ли мать в семье. Любил ли он в детстве свою черную няньку. О первом сексуальном опыте. Самые простые вещи вроде этих.

Веркрамп слушал с открытым ртом: все, о чем говорила сейчас врачиха, казалось ему чем-то совершенно ненормальным.

— Тщательный анализ ответов позволил бы нам выявить тот тип людей, которым полезно было бы пройти курс лечения, — продолжала свои объяснения доктор фон Блименстейн.

— Вы хотите сказать, что ответы на подобные вопросы покажут, у кого из полицейских может возникнуть желание переспать с черной? — спросил Веркрамп. Доктор фон Блименстейн отрицательно покачала головой.

— Не совсем так. Но у нас появится какая-то основа, от которой можно будет идти дальше. После того как мы выявим круг лиц, у которых наиболее вероятны такие наклонности, я побеседую с ними — разумеется, совершенно конфиденциально, — и мы определим, кто из них нуждается в лечении.

Веркрампу как-то не верилось в пользу такого подхода.

— Не думаю, чтобы хоть один признался, что он хочет переспать с черной, — возразил лейтенант.

Докторша улыбнулась.

— Вы бы поразились, если бы узнали, в чем признавались мне люди.

— И что вы станете делать, после того как все выясните? — спросил Веркрамп.

— Вы все только о деле. Давайте сначала пообедаем. Здесь, на террасе, — ответила доктор фон Блименстейн, отлично знавшая, как полезно иногда бывает подержать человека некоторое время в подвешенном состоянии. Она взяла поднос и вышла из кухни. Веркрамп последовал за ней.

Когда после обеда лейтенант Веркрамп покидал коттедж, в кармане у него лежал проект анкеты, которую он должен был предложить сотрудникам пьембургской полиции. Однако он совершенно не представлял, в чем будет состоять курс лечения, который намеревалась предложить докторша. Ему лишь было

твердо сказано: она гарантирует, что после недели общения с ней ни один мужчина никогда больше не захочет даже взглянуть на черную женщину. Этому лейтенант Веркрамп готов был охотно поверить.

С другой стороны, теперь он гораздо отчетливее, чем прежде, представлял себе тот тип человека, у которого возникает предрасположенность к половым сношениям с представителями иной расы. Согласно доктору фон Блименстейн, явными признаками такого человека были одинокий образ жизни, склонность к внезапным переменам настроения, отчетливо выраженное чувство вины на сексуальной почве, какое-либо неблагополучие в семье в детские годы и, конечно же, неудовлетворительная половая жизнь. Чем больше лейтенант перебирал в уме офицеров и других сотрудников полиции Пьембурга, тем очевиднее из всех возможных кандидатур выделялась одна фигура. Лейтенант Веркрамп подумал, что, кажется, он открыл причину перемен, произошедших с комендантом Ван Хеерденом.

Вернувшись к себе в кабинет, он снова самым внимательным образом перечитал полученную из БГБ директиву, просто чтобы убедиться — у него есть полномочия начать действовать согласно уже созревшему в его голове плану. Полномочия были написаны на бумаге черным по белому: «Настоящий документ обязывает вас провести расследования в тех случаях, когда подозревается наличие связей между офицерами полиции и женщинами банту». Веркрамп запер документ в сейф и вызвал сержанта Брейтенбаха.

Чтобы отдать все необходимые приказы и указания, хватило часа.

— Наблюдение за ним должно быть круглосуточным, — инструктировал лейтенант собравшихся в его кабинете сотрудников службы безопасности. — Нужно фиксировать абсолютно все: что он делает, куда ходит, с кем встречается и особенно все то, что хоть как-то выбивается из обычного распорядка его жизни. Фотографируйте каждого, кто приходит к нему в дом. Установите микрофоны во всех комнатах и записывайте все разговоры. Установите прослушивание его телефона. Записывайте все разговоры. Все понятно? Мы должны сработать по высшему классу.

Веркрамп оглядел сидевших в комнате: все согласно кивали головами, давая понять, что задание им ясно. Только у сержанта Брейтенбаха возникли какие-то сомнения.

— Мне это кажется немного странным, сэр, — сказал он. — В конце концов, ведь комендант остается нашим начальником, не

так ли?

Лейтенант Веркрамп покраснел от злости. Он не любил, когда его приказы подвергались сомнениям.

— Вот здесь у меня, — сказал он, потрясая полученной из БГБ директивой, — приказ Претории провести такое расследование. Разумеется, — его голос из официального стал елейным, — я надеюсь — полагаю, как надеемся и мы все, — что, когда такое расследование будет завершено, мы сможем уверенно сказать, что коммандант Ван Хеерден абсолютно чист по всем пунктам. Но пока мы обязаны выполнять приказ. Надеюсь, мне нет необходимости напоминать вам, что на протяжении всей операции должна обеспечиваться ее полная секретность. У меня все, все свободны.

Когда подчиненные вышли, лейтенант Веркрамп распорядился, чтобы анкету для опроса полицейских размножили к утру и назавтра раздали ее.

На следующий день миссис Руссо, в обязанности которой входило надзирать за черными заключенными, которых ежедневно приводили из пьембургской тюрьмы для выполнения работ по хозяйству в доме коменданта, была крайне поражена. Когда она, как обычно, открыла утром дверь, перед ней предстала группа людей, отрекомендовавшихся сотрудниками коммунальных служб. Они заявили, что в доме коменданта повреждена проходящая под кухней газовая труба, в гостиной — замыкание электропроводки, на чердаке протекает бак для воды.

Миссис Руссо отлично знала, что дом вообще не подсоединен к газовой магистрали, что электрическая плита на кухне работает безукоризненно и что на потолке в спальне нет и намека на протечку воды с чердака. Поэтому она попыталась как-то помешать деятельности пришельцев, тем более что ее весьма удивило и другое — при всей их решимости что-то сделать они демонстрировали полное отсутствие профессиональной подготовки.

— Может быть, отключить в доме ток? — спросила она у человека, представившегося сотрудником электрической компании, который тянул какие-то провода в спальню коменданта.

— Пожалуй, — ответил тот и отправился вниз. Через десять минут, увидев, что свет на кухне все еще горит, миссис Руссо решила взять дело в свои руки. Она зашла в расположенный под лестницей чулан и сама вывинтила пробки. С чердака послышался приглушенный крик: водопроводчики, искавшие несуществующую течь в баке, пользовались переносной лампой,

которую они включили на площадке у лестницы, и теперь остались без света.

— Наверное, лампочка перегорела, — сказал один из них и начал спускаться по лестнице, намереваясь вывинтить другую из торшера в спальне коммандanta. Но, когда он снова забрался на погруженный во мрак чердак, сотрудник электрической компании сумел-таки убедить миссис Руссо в том, что отключать свет в доме нет никакой необходимости.

— Ну, если вы так считаете, — продолжала все же сомневаться миссис Руссо.

— Я вас заверяю, что это совершенно безопасно, — уговаривал тот. Миссис Руссо отправилась под лестницу и включила ток. На чердаке раздался громкий вопль: пальцы водопроводчика оказались в этот момент в патроне лампы. Из спальни донесся странный звук, как будто там что-то отрывали, и послышался стук падающей штукатурки. Миссис Руссо вновь отключила электричество и пошла посмотреть, что происходит.

— Как вы думаете, что скажет комендант, когда он увидит, что вы здесь натворили? — обратилась она к ноге, торчавшей через дыру в потолке. В ответ с чердака послышался стон. — С вами там все в порядке? — обеспокоенно спросила миссис Руссо. В ответ нога энергично задергалась.

— Я же вам говорила, надо было отключить ток, — сделала миссис Руссо выговор сотруднику электрической компании. На чердаке ее слова вызвали возражения, и нога опять конвульсивно задергалась. Электротехник поднялся на несколько ступенек вверх по лестнице.

— Что он говорит? — спросил он, вглядываясь с лестницы куда-то в темноту.

— Чтобы не выключали свет, — ответил голос сверху.

— Как скажете, — отреагировала миссис Руссо и снова отправилась под лестницу включать электричество. — Так лучше? — спросила она, повернув выключатель. Нога, торчавшая из потолка в спальне коммандanta, резко задергалась, а затем замерла.

— Держись, а я подтолкну тебя снизу, — сказал электротехник и залез на кровать.

Миссис Руссо вышла из чулана и снова поднялась наверх. Снование вверх-вниз начало ей уже надоедать. Едва она поднялась, как из спальни вновь раздался жуткий вопль. Она поспешила туда и увидела, что на кровати коммандanta распростерт электротехник, а вокруг него все усеяно кусками штукатурки.

— Ну, а сейчас в чем дело? — спросила она.

Мужчина обтер лицо и неприязненно посмотрел на торчавшую ногу.

— Она живая, — сказал он в конце концов.

— Это ты так думаешь, — ответил ему голос с чердака.

— Хотела бы я знать, что здесь происходит, — заявила миссис Руссо.

— Я знаю, что тут происходит, — ответил ей электротехник, усаживаясь на кровати. Пойдите и выключите свет. Пока вы этого не сделаете, я к этой ноге больше не прикоснусь.

Миссис Руссо, недовольно ворча, вновь отправилась под лестницу.

— В последний раз, — заявила она электрику, — я не собираюсь все время бегать взад-вперед.

В конце концов с помощью негров-заключенных им удалось спустить бесчувственного водопроводчика с чердака, и миссис Руссо настояла на том, чтобы ему сделали искусственное дыхание. Водопроводчика положили на кушетку в гостиной.

— Уберите отсюда этих негров, — потребовала миссис Руссо от электрика. — Я ничего не стану делать, пока они тут пялятся. Они еще подумают что-нибудь не то.

Электрик шуганул из комнаты заключенных, миссис Руссо сделала искусственное дыхание изо рта в рот, и через некоторое время водопроводчик пришел в себя настолько, что его уже можно было отправить назад в полицейский участок.

— Идиоты чертовы, — ругался Веркрамп, когда ему доложили о происшествии, — я же приказывал установить в доме жучки, а не разломать его на части!

Когда вечером комендант Ван Хеерден вернулся домой, там царил кавардак и почти ничего не работало. Он хотел вскипятить чай, но воды в кране не было. Двадцать минут ушло у него на поиски запорного вентиля и еще двадцать — ключа, которым его можно было бы открыть. В конце концов он наполнил водой быстрозакипающий чайник, прождал полчаса после того, как поставил его на плиту, — и с удивлением обнаружил, что вода в нем по-прежнему холодная.

— Черт побери, почему сегодня все не действует? — недоумевал комендант, ставя на плиту сковородку. Прождав еще двадцать минут, он, чиркая спичками, полез под лестницу, пытаясь отыскать в темноте распределительный щит. Он вывинтил все пробки, снова поставил их на место, и только тогда сообразил, что отключен общий выключатель. Со вздохом облегчения он перевел его в положение «включено». В распределительном щите раздался громкий хлопок, и зажегшийся было в прихожей свет вновь погас. Еще полчаса ушло у

коменданта на то, чтобы отыскать замкнувшийся провод; но к этому времени у него уже кончились спички. В отчаянии комендант сдался и отправился ужинать в находившийся неподалеку греческий ресторанчик.

Возвратившись домой, он мгновенно пришел в то состояние, когда мог взорваться в любую минуту. По дороге в одной из автомастерских он приобрел электрический фонарь и теперь, освещая им лестницу, смог подняться на второй этаж и увидел царивший в спальне разгром. В потолке зияла огромная дыра, вся кровать была засыпана штукатуркой. Комендант уселся на краешек кровати и направил луч фонаря в дыру на потолке. Посидев так некоторое время, он потянулся к телефону, стоявшему на тумбочке около кровати, и набрал номер полицейского управления. Коменданта несколько удивило, что ему долго не отвечал дежурный сержант, который должен был немедленно принять звонок. Но пока в ожидании ответа комендант от нечего делать смотрел в окно, он вдруг, к своему удивлению, обнаружил, как нечто, показавшееся ему сперва тенью от жакарандового дерева, курит сигарету. Комендант положил трубку телефона и подошел поближе к окну, чтобы получше разглядеть, что же там происходит. Пристально вглядевшись в темноту, он с беспокойством обнаружил еще одну тень, уже под другим деревом. Пока он ломал себе голову над тем, что это за тени наблюдают за его домом, телефон у него за спиной сердито зазвонил. Комендант поднял трубку, но успел лишь услышать, как дежурный сержант на другом конце кладет свою. Выругавшись, комендант снова набрал номер управления, однако передумал и, положив трубку, прошел в ванную комнату и открыл там окно, выходившее в сад за домом. В окно влетел легкий ветерок, занавески заколыхались. Комендант выглянул наружу и только было решил, что в саду никаких соглядатаев нет, как куст азалии зажег сигарету. Встревожившись уже не на шутку, комендант поспешил назад в спальню и снова схватился за телефон.

— За мной наблюдают, — сказал он дежурному сержанту, когда тот наконец ответил на звонок.

— Да? — ответил сержант, привыкший к тому, что среди ночи ему обязательно звонили какие-нибудь чокнутые, за которыми якобы охотились иностранные шпионы. — И кто же за вами наблюдает?

— Не знаю, — прошептал в трубку комендант. — Двое стоят на улице перед домом и один в саду позади дома.

— А почему вы шепчете? — спросил сержант.

— Да потому, что за мной наблюдают, — раздраженно

прошептал в ответ комендант. — С чего бы еще мне шептать?!

— Не знаю с чего, — сказал сержант. — Погодите, я запишу. Вы сказали, что за вами наблюдают два человека из сада перед домом и один из-за дома, так?

— Нет, — ответил комендант, начавший уже злиться на этого дежурного сержанта.

— Но вы только что сказали…

— Я сказал, что двое стоят перед моим домом и еще один — в саду позади дома, — повторил комендант, пытаясь еще как-то контролировать себя.

— Два… человека… перед… моим… домом, — сержант медленно записывал, повторяя каждое слово. — Я записываю, — сказал он, когда комендант поинтересовался, чем он там занимается.

— А быстрее вы не можете? — заорал комендант, потеряв наконец терпение. — У меня тут огромная дыра в потолке над кроватью, и в доме явно установили жучки, — продолжал он, но в ответ в трубку донеслось, как дежурный говорит кому-то, что у него на линии очередной сумасшедший.

— Поправьте меня, если я скажу что-то не так, — начал сержант, прежде чем комендант успел сделать ему выговор за плохое исполнение его обязанностей, — но вы заявили, что за вашим домом следят три человека, что в потолке у вас здоровенная дыра и что в вашем доме установлены подслушивающие устройства. Так? Вы ничего не забыли?

Комендант Ван Хеерден был уже в состоянии, близком к апоплексическому удару.

— Одно забыл, — проорал он в трубку. — Говорит комендант Ван Хеерден, ваш командир. И я приказываю вам немедленно послать патрульную машину к моему дому!

Ответом на это резко отданное приказание было скептическое молчание.

— Вы меня слышите? — прокричал комендант. Но было совершенно очевидно, что дежурный сержант его не слышал. Сержант прикрывал трубку рукой, но до коменданта все же доносилось, как он говорил дежурному констеблю, что звонит какой-то сумасшедший. Комендант раздраженно бросил трубку и стал думать, что же ему делать. Наконец он поднялся и снова подошел к окну. Зловещие фигуры наблюдателей оставались на своих местах. Комендант на цыпочках прокрался к комоду и начал рыться в ящике для носков в поисках револьвера. Наконец он нашел его, проверил, заряжено ли оружие, и, решив, что дыра в потолке делает невозможной оборону спальни, на цыпочках направился вниз по лестнице. В этот момент в спальне зазвонил

телефон. Первым побуждением коммандантa было не отвечать; но потом он подумал, что это может быть дежурный сержант, вознамерившийся проверить, на самом ли деле ему звонил комендант. Ван Хеерден поспешил наверх, но едва он добрался до телефона, как тот перестал звонить.

Комендант сам набрал номер полицейского участка.

— Вы мне сейчас звонили? — спросил он дежурного сержанта.

— Смотря по тому, кто вы, — ответил тот.

— Я — ваш начальник, — проорал комендант. Сержант подумал над ответом.

— Хорошо, — сказал он наконец, — положите трубку, мы вам сейчас перезвоним.

Комендант с ненавистью посмотрел на трубку.

— Послушайте, — сказал он, — мой номер 54—88. Проверьте. Я трубку класть не буду.

Через пять минут полицейские машины со всего Пьембурга съехались к дому коменданта Ван Хеердена, а дежурный сержант ломал себе голову, как он будет утром оправдываться перед начальством.

Глава третья

Такими же мыслями был занят и лейтенант Веркрамп. О фиаско в доме Ван Хеердена ему доложил сержант Брейтенбах, проведший накануне весь вечер за прослушиваним телефона коммандантa и сохранивший достаточную ясность ума, чтобы успеть приказать наружному наблюдению исчезнуть, прежде чем туда съехалась полиция. К сожалению, оставались еще установленные в доме микрофоны. Лейтенант Веркрамп понимал, что, если их обнаружат, это вряд ли будет способствовать улучшению его отношений с непосредственным начальником.

— Я вам говорил, что не стоило этого делать, — сожалел сержант Брейтенбах, пока лейтенант Веркрамп одевался.

Но Веркрамп придерживался иной точки зрения.

— А чего это он поднимает такой шум, если ему нечего скрывать? — возразил лейтенант.

— Ну, во-первых, из-за дыры в потолке, — ответил сержант. Однако лейтенант Веркрамп и с этим был не согласен.

— Такое может случиться в любом доме, — сказал он. — И винить ему за это надо водопроводную службу.

— Не думаю, что они согласятся взять ответственность на себя, — предположил сержант.

— Чем сильнее они будут отрицать свою вину, тем скорее комендант поверит, что это сделали именно они, — возразил Веркрамп, немного разбиравшийся в психологии. — Ну ничего, я придумаю, как объяснить микрофоны, не беспокойся.

Отпустив сержанта, Веркрамп поехал в полицейское управление и оставшуюся часть ночи провел за сочинением докладной записки, которую утром можно было бы положить на стол коменданту.

Однако записка не потребовалась. Комендант Ван Хеерден приехал на работу, преисполненный решимости заставить кого-нибудь поплатиться за ущерб, нанесенный его собственности. Правда, он не знал, какую из городских коммунальных служб привлекать к ответу, а объяснения миссис Руссо ничего не прояснили.

— И выглядите же вы сегодня, — сказала она утром, когда комендант спустился к завтраку, побрившись под холодной водой.

— Дом тоже выглядит не лучше, — ответил комендант, водя по щеке кровоостанавливающим карандашом. — Черт бы все побрал!

— Ну и выраженьица! — фыркнула миссис Руссо.

Комендант Ван Хеерден оглядел ее холодно и мрачно.

— Может быть, вы соблаговолите объяснить, что здесь произошло, — спросил он. — Когда я пришел вчера вечером, вода была отключена, электричество тоже, а в спальне откуда-то взялась огромная дыра на потолке.

— Это водопроводчик наделал, — объяснила миссис Руссо. — Мне пришлось делать ему искусственное дыхание, чтобы вернуть его к жизни.

Комендант пожал плечами, ничего не понимая.

— О чем вы говорите? — переспросил он.

— О том, почему получилась дыра на потолке, — ответила миссис Руссо.

Комендант попытался вообразить, какие события могли заставить провалиться сквозь потолок водопроводчика, которого только что вернули к жизни с помощью искусственного дыхания.

— Вы что, искусственное дыхание ему на чердаке делали? — скептически спросил он.

— Ну что вы говорите! Конечно же, нет, — ответила миссис Руссо. — Он искал дыру в баке для воды, когда я включила электричество…

Слушать эти путаные объяснения дальше у коменданта уже не было сил.

— Вы хотите сказать… — начал было он, но махнул рукой. — Впрочем, ладно. Я позвоню с работы в водопроводную компанию.

Пока он завтракал, миссис Руссо еще сильнее заморочила ему голову, рассказав, что виновником всего происшествия был электрик, который с самого начала не пожелал выключить ток.

— Так вот почему здесь такой беспорядок, — сказал комендант, глядя на лежавшую под мойкой груду строительного мусора.

— Нет, это все оставил газовщик, — поправила его миссис Руссо.

— Но у нас же в доме нет газа, — удивился комендант.

— Я знаю, я ему так и говорила, но он утверждал, что где-то под домом проходит магистраль.

Позавтракав, комендант, все еще ничего не понимая, отправился на работу. Хотя вчера полицейские никого не обнаружили, комендант был уверен, что за его домом и за ним продолжают наблюдать. Ему даже показалось, будто кто-то сопровождал его всю дорогу до самого полицейского участка; но когда на одном из перекрестков он посмотрел через плечо назад, улица позади него была пуста.

Добравшись до своего кабинета, он целый час просидел на телефоне, отчитывая управляющих газовой, электрической и

водопроводной компаний и пытаясь разобраться, что же все-таки произошло на самом деле. Объединенными усилиями трое управляющих сумели убедить его, что сотрудникам их компаний не поручались никакие работы в доме коменданта, что с электричеством и водопроводом в его доме все в полном порядке, что в радиусе целой мили вокруг дома нет ни одной утечки газа из труб и что они не несут ответственности за ущерб, нанесенный его собственности. Комендант заявил, что в отношении последнего он пока остается при собственном мнении и намерен посоветоваться со своим адвокатом. Управляющий водопроводной компанией, кроме того, разъяснил коменданту, что в служебные обязанности его сотрудников в любом случае не входит заделка течей в баках, которые устанавливают сами владельцы домов. Комендант в ответ возразил, что ни в чьи служебные обязанности не входит проделывание дыр в потолках и что он не намерен расплачиваться за подобные подарки из собственного кармана. В ходе этого обмена любезностями комендант распалил себя настолько, что давление у него поднялось до опасной черты. Закончив переговоры, он послал за дежурившим ночью сержантом, чтобы тот объяснил свое поведение. Сержанта подняли с постели: он отдыхал после дежурства.

— Я посчитал, что это чей-то розыгрыш, — оправдывался тот, стоя перед комендантом. — Вы так странно шептали в трубку.

Сегодня комендант уже не шептал. Его голос был слышен даже в расположенных двумя этажами ниже камерах для задержанных.

— Розыгрыш?! — орал он на сержанта. — Значит, ты решил, что это чей-то розыгрыш?!

— Да, сэр, мы получаем не меньше полудюжины таких звонков каждую ночь.

— И как же вас разыгрывают? — поинтересовался комендант.

— Звонят и говорят, что к ним в дом кто-то ломится, или что их насилуют, или что-нибудь еще. В основном женщины.

Комендант Ван Хеерден припомнил те времена, когда ему самому приходилось бывать дежурным сержантом. Он вынужден был согласиться, что ложных вызовов действительно поступает немало. Он отпустил сержанта, предварительно отчитав его.

— На будущее, если я вам снова позвоню, — сказал комендант, — нечего со мной спорить. Понятно?

Сержант подтвердил, что понятно, и уже собирался было уйти, но в этот момент комендант передумал.

— Куда это вы лыжи навострили? — гаркнул он. Сержант

объяснил, что намерен идти домой досыпать, поскольку всю ночь был на дежурстве. Но у коменданта были свои планы.

— Назначаю вас старшим группы по расследованию происшествия в моем доме, — заявил он. — И чтобы к обеду виновные были найдены. Доложите лично.

— Слушаюсь, сэр, — с недовольством в голосе произнес сержант и вышел. На лестнице ему повстречался лейтенант Веркрамп, вид у него был совершенно измученный.

— Комендант приказал, чтобы я к обеду закончил расследование взлома, — сказал сержант Веркрампу. Лейтенант вздохнул, вернулся наверх и постучал в дверь коменданта.

— Входите, — раздался громкий голос из кабинета. Лейтенант Веркрамп вошел. — Что с вами, Веркрамп? Выглядите так, будто всю ночь прокутили.

— Да чердак… — чуть было не проговорился Веркрамп, которого вывели из равновесия проницательность и наблюдательность коменданта.

— Что?

— Приступ колик[12], — поправился Веркрамп, пытаясь совладать с собственным языком. Оступился… то есть оговорился.

— Соберитесь, лейтенант, — приказал комендант.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Веркрамп.

— Что вы хотели мне сказать?

— Насчет происшествия у вас в доме, сэр. У меня есть кое-какая информация. Я подумал, что, возможно, она будет вам интересна, — ответил Веркрамп.

Комендант Ван Хеерден вздохнул. Он мог бы и сам догадаться, что лейтенант Веркрамп приложил к этому делу свою грязную лапу.

— Ну что там?

Лейтенант Веркрамп проглотил стоявший в горле комок.

— Мы в службе безопасности, — начал он, пытаясь разложить ответственность на как можно более широкий круг лиц, — получили недавно сигнал, что будет предпринята попытка установить в вашем доме подслушивающую аппаратуру. — Он сделал паузу, чтобы посмотреть, какое впечатление его слова оказывают на коменданта. Ван Хеерден среагировал, как и следовало ожидать. Он выпрямился в своем кресле и с выражением ужаса на лице уставился на лейтенанта.

— О Боже, — проговорил комендант, — вы хотите сказать, что…

— Совершенно верно, сэр, — ответил Веркрамп. — Действуя на основании этого сигнала, я поставил ваш дом под

круглосуточное наблюдение.

— То есть…

— Совершенно верно, сэр, продолжал Веркрамп. — Возможно, вы обратили внимание, что за вашим домом наблюдают.

— Действительно, — сказал комендант, — вчера вечером я их видел.

— Это были мои люди, сэр, — кивнул Веркрамп. — На противоположной стороне улицы, напротив дома, и в саду, — сказал комендант.

— Так точно, сэр, — согласился лейтенант. — Мы опасались, что они вернутся.

Комендант почувствовал, что теряет нить разговора.

— Кто вернется?

— Коммунисты, сэр.

— Коммунисты?! Какого черта коммунистам может быть нужно в моем доме?

— Они хотели установить там подслушивающую аппаратуру, сэр, — ответил Веркрамп. — Вчера их попытка не удалась, и я подумал, что они могут попробовать еще раз.

Комендант Ван Хеерден взял себя в руки.

— Вы хотите сказать, те люди, которые назвались водопроводчиками и газовщиками, были на самом деле коммунистами?

— Замаскированными, сэр. К счастью, моим агентам удалось сорвать их попытку. Один из коммунистов провалился через потолок…

Комендант Ван Хеерден удовлетворенно откинулся в кресле. Наконец-то он узнал, кто пробил дыру в потолке его спальни.

— Так, значит, это вы наделали? — спросил он.

— Так точно, сэр, — подтвердил Веркрамп, — и мы немедленно сделаем весь необходимый ремонт.

Эти новости сняли тяжкое бремя с души коменданта. Но кое-что все же продолжало его удивлять.

— Не понимаю, для чего коммунистам вообще понадобилось ставить подслушивающие устройства в моем доме? И что это за люди? — спросил комендант.

— Боюсь, пока еще я не имею права назвать их, — Веркрамп прибег к помощи авторитета Бюро государственной безопасности. — У меня есть на этот счет приказ из центра.

— Но какой им смысл прослушивать мой дом? — повторил свой вопрос комендант, который хорошо знал, что приказы, поступившие из БГБ, обсуждению не подлежат. — Ни о чем

важном я там не говорю.

— Но они ведь этого не знают, сэр, — полусогласился, полувозразил Веркрамп. — Информация, которой мы располагаем, позволяет предположить, что, вероятно, они рассчитывали получить какие-нибудь материалы, при помощи которых вас можно было бы потом шантажировать. — Говоря это, лейтенант внимательно следил за реакцией коммандантa Ван Хеердена. Тот выглядел пораженным.

— О Господи, — только и смог он выдавить из себя, вытирая платком вспотевший лоб. Веркрамп начал быстро развивать одержанный частичный успех.

— Если бы они получили какие-нибудь материалы… ну, скажем, о ваших сексуальных привычках или еще что-нибудь компрометирующее. — Лейтенант выдержал паузу. Комендант сидел и обильно потел. — Вы ведь могли бы попасть им на крючок, не так ли?

В принципе коммандант Ван Хеерден был согласен, что могло бы получиться именно так, но признавать этого перед лейтенантом Веркрампом он не желал. Он быстренько перебрал в уме некоторые свои специфические привычки и пришел к выводу, что среди них есть и такие, о которых другим лучше не знать.

— Чертова свинья, — пробормотал он себе под нос, и в его взгляде появилось что-то похожее на уважение к лейтенанту. В конце концов Веркрамп доказал, что он далеко не глуп. — Ну и что вы собираетесь предпринять дальше? — спросил коммандант.

— Две вещи, — ответил Веркрамп. — Во-первых, по возможности успокоить коммунистов, развеять их возможные сомнения. С этой целью мы намерены просто проигнорировать все, что случилось у вас в доме. Пусть они считают, будто мы не знаем, чего они хотят. Возложим ответственность на газовую… э-э… водопроводную компанию.

— Это я уже сделал, — сказал коммандант.

— Отлично. Мы должны понимать, что этот инцидент — часть общенационального по масштабам заговора, цель которого подорвать моральный дух южноафриканской полиции. Поэтому крайне важно, чтобы мы не действовали слишком поспешно.

— Нет, это просто из ряда вон, — проговорил коммандант. — Общенациональный заговор! Я и не думал, что в стране еще столько коммунистов. Я полагал, что мы их давным-давно пересажали.

— Они появляются снова и снова, как зубы у дракона, — заверил коммандантa Веркрамп.

— Похоже на то, — согласился коммандант, никогда не задумывавшийся над этой проблемой с такой точки зрения.

Лейтенант Веркрамп продолжил свои рассуждения.

— После провала их последней подрывной кампании они все ушли в подполье.

— Да, наверное, — поддержал комендант, все еще размышляя над аналогией с зубами дракона, произведшей на него большое впечатление.

Они реорганизовались и сейчас начали новую кампанию. Во-первых, с целью подрыва нашего морального духа, а во-вторых, если в этом они добьются успеха, то начнут новую волну подрывных действий, — объяснял Веркрамп.

— То есть, по вашему мнению, — перебил комендант, — они пытаются набрать такие факты, которыми потом можно было бы шантажировать всю полицию Южной Африки?

— Совершенно верно, сэр, — ответил Веркрамп. — У меня есть основания полагать, что их особенно интересуют случаи недостойного сексуального поведения офицеров полиции.

Комендант постарался припомнить, какие случаи недостойного сексуального поведения мог допустить за последнее время он сам, но, к сожалению, так ничего и не вспомнил. Но, с другой стороны, он мог бы легко назвать тысячи подобных случаев, в которых были замешаны его подчиненные.

— Да, — вымолвил он наконец, — хорошо, что констебля Элса нет больше с нами. Кажется, этот тип отправился на тот свет как раз вовремя.

Веркрамп улыбнулся.

— Я тоже об этом подумал, — сказал он. В полицейском управлении Пьембурга уже давно ходили легенды о тех делах, что вытворял констебль Элс в сфере межрасовых половых сношений.

— Но я все-таки пока не очень понимаю, как вы намерены положить конец этой гнусной кампании, — продолжал комендант. — Элса нет, но многие другие полицейские ведут себя не лучше. Лейтенант Веркрамп почувствовал прилив вдохновения.

— Я смотрю на это дело так, — сказал он и достал из кармана анкету, подготовленную доктором фон Блименстейн. — Я занимался этой проблемой вместе с одним из ведущих психиатров и полагаю, что мы придумали способ выявить тех офицеров и других работников полиции, которые наиболее уязвимы перед этой формой коммунистического проникновения.

— Вот как? — спросил комендант, догадывавшийся, кто был этим «одним из ведущих психиатров». Лейтенант Веркрамп вручил ему анкету.

— С вашего разрешения, сэр, — сказал он, — я хотел бы раздать такие анкеты всем сотрудникам управления. Когда мы

соберем ответы, то на их основании сможем выявить потенциальные жертвы шантажа.

Комендант Ван Хеерден взглянул на анкету, озаглавленную довольно безобидно «Исследование личности» — и снабженную грифом «Совершенно секретно». Он пробежал несколько первых вопросов и не нашел в них ничего такого, что могло бы его встревожить. Вопросы касались профессии отца, его возраста, количества братьев и сестер. Дальше он не дочитал: лейтенант Веркрамп начал объяснять коменданту, что имеет приказ из Претории провести такое исследование.

— Из БГБ? — спросил комендант.

— Из БГБ, — подтвердил лейтенант.

— Ну, в таком случае, действуйте, — сказал комендант.

— Этот экземпляр я оставляю вам, чтобы вы его заполнили, — сказал Веркрамп и вышел из кабинета, крайне довольный тем, как повернулось дело. Он приказал сержанту Брейтенбаху раздать анкеты сотрудникам полиции, а потом позвонил доктору фон Блименстейн, чтобы сообщить ей, что все идет если и не поплану — никакого плана у него просто не было, — то по крайней мере настолько хорошо, насколько позволяют обстоятельства. Доктор фон Блименстейн была весьма обрадована этими известиями. Веркрамп толком так и не понял, как получилось, что он пригласил ее пойти вечером поужинать вместе. Опуская трубку, он сам удивлялся тому, как ему повезло. Ему ни разу не пришло в голову, что вся та ложь насчет коммунистов-шантажистов, которую он вывалил коменданту, существует исключительно в его собственном извращенном воображении. Профессия лейтенанта заключалась в том, чтобы искоренять врагов государства; а отсюда следовало, что существовали те самые враги государства, которых надо было искоренять. Их конкретная деятельность, если такая деятельность была, не имела для лейтенанта особого значения. Как он заявил во время одного судебного процесса, важны не детали подрывной деятельности, а сам принцип, что такая деятельность возможна.

Если Веркрамп был весьма удовлетворен ходом событий, то комендант Ван Хеерден, державший сейчас перед собой экземпляр анкеты, подобного удовлетворения не испытывал. Все, о чем говорил в его кабинете лейтенант, звучало достаточно убедительно. Комендант не сомневался, что в Зулулэнде действуют коммунистические агитаторы. Ничем иным, как деятельностью подрывных элементов, нельзя было объяснить волнения, возникшие среди зулусов в разных городах страны после последнего повышения платы за проезд в городских автобусах. Но чтобы коммунисты, переодевшись газовщиками,

проникали в его собственный дом?! Это уже означало, что подрывная кампания вступила в какую-то новую фазу, и притом в крайне опасную. Дежурный сержант, вместе с несколькими полицейскими осмотревший дом, доложил, что под кухонной мойкой они обнаружили запрятанный там микрофон. Это доказывало правильность того, о чем говорил лейтенант Веркрамп. Приказав сержанту передать дальнейшее расследование службе безопасности, комендант отправил Веркрампу записку, в которой говорилось: «В продолжение нашего утреннего разговора. Наличие микрофона на кухне подтверждает ваши предположения. Считаю, что вам следует немедленно предпринять соответствующие контрмеры. Ван Хеерден».

Убедившись таким образом в профессиональной компетентности своего заместителя, комендант решил заняться анкетой, которую оставил ему Веркрамп. Он легко ответил на несколько первых вопросов и, лишь когда перевернул страницу, у него возникло ощущение, что его мягко затягивают в болото таких сексуальных признаний, где с каждым следующим своим ответом он будет все глубже и глубже увязать в трясине.

«Была ли у вас в детстве черная нянька?» Кажется, невинный вопрос, и комендант легко ответил «да», но тут же наткнулся на следующий: «Какой величины была у нее грудь: большая, средняя, маленькая (нужное подчеркнуть)?» Замешкавшись на минуту, но еще не испытывая никакого беспокойства, он подчеркнул «большая» и прочел дальше: «Какой длины были соски: длинные, средние, короткие?» «Чертовски странный способ бороться с коммунизмом», — подумал комендант, пытаясь припомнить длину сосков своей няньки. В конце концов он подчеркнул «длинные» и приступил к следующему вопросу: «Дотрагивалась ли черная нянька до интимных частей вашего тела? Часто, иногда, не часто?» Комендант старательно искал в ответе слово «никогда», но так и не смог его найти. В итоге он подчеркнул «не часто» и приступил к ответу на очередной вопрос: «В каком возрасте у вас произошло первое семяизвержение? В три года, четыре?..»

Н-да, похоже, они ни о чем не забыли, — подумал комендант, испытывая нарастающее возмущение и раздумывая, что подчеркнуть: «в шесть лет» это не соответствовало истине, но вроде бы меньше подрывало его авторитет, чем если бы он ответил «в шестнадцать», что было ближе к истине. Он решил остановиться на промежуточной цифре «восемь», припомнив, что, когда ему было десять лет, у него произошла эмиссия во сне. Уже ответив, однако, он увидел, что угодил в ловушку. Следующий

вопрос звучал так: «В каком возрасте у вас была первая эмиссия во сне?», а перечень возрастов начинался с десяти лет. Комендант ответил «в одиннадцать» и начал подчищать ответ на предыдущий вопрос, чтобы одно не противоречило другому. Пока он этим занимался, на строение у него окончательно испортилось. Он схватился за телефон и набрал номер кабинета Веркрампа. Ответил сержант Брейтенбах.

— Где Веркрамп? — резко спросил комендант. Сержант доложил, что того нет на месте, и поинтересовался, не может ли он быть чем-нибудь полезен. Комендант вначале ответил отрицательно, но затем передумал: — Я по поводу этой проклятой анкеты. Кто их будет потом смотреть?

— По-моему, доктор фон Блименстейн, — ответил сержант. — Она их составляла.

— Ах она! — прорычал комендант. — Ну так передайте лейтенанту Веркрампу, что я не намерен отвечать на двадцать пятый вопрос.

— Это о чем?

— О том, сколько раз в день я занимаюсь мастурбацией, — уточнил комендант. — Скажите Веркрампу, что, на мой взгляд, подобные вопросы — не что иное, как вмешательство в частную жизнь.

— Слушаюсь, сэр, — ответил сержант Брейтенбах, читая, какие ответы на этот вопрос предлагались в самой анкете. Они располагались в диапазоне от пяти до двадцати пяти.

Комендант бросил телефонную трубку, запер анкету в стол и в скверном расположении духа отправился обедать.

— Грязная сучка, чего захотела узнать, — про себя ругался он, вразвалку спускаясь по лестнице и направляясь в расположенную прямо в полицейском участке столовую. Пообедав, он все еще продолжал бурчать что-то себе под нос. — Если я понадоблюсь, я в гольф-клубе, — сказал он дежурному сержанту и вышел. На протяжении последующих двух часов он тщетно пытался загнать мяч в лунку и провести его по маршруту, пока окончательно не понял, что сегодня неудачный для него день.

Вернувшись в здание клуба, он заказал в баре двойную порцию бренди и вышел со стаканом к столику на террасе, где можно было посидеть и понаблюдать, как играют более опытные игроки. Там он и сидел, впитывая в себя английскую атмосферу и пытаясь избавиться от крепнувшего чувства, что размеренный образ его жизни разрушается до основания каким-то непонятным и таинственным образом, когда шуршание гравия на площадке перед зданием клуба заставило его оглянуться. К клубу подъехал

роскошный «роллс-ройс», и его пассажиры сейчас как раз выходили из машины. На какое-то мгновение у коменданта возникло острое ощущение, будто его перенесло назад в 20-е годы. Двое мужчин, сидевшие на переднем сиденье, были одеты в бриджи, на головах у них были шляпы, вышедшие из моды еще полвека назад. Две сопровождавшие их женщины были облачены в платья, показавшиеся коменданту весьма модными, в шляпы-панамы и держали в руках зонтики от солнца. Но на коменданта подействовали не столько все эти одеяния или же находящийся в идеальном состоянии сверкающий старинный «роллс-ройс», сколько голоса новоприбывших. Резкие, громкие, но одновременно и какие-то лениво-самонадеянные, голоса эти показались коменданту пришедшими откуда-то из лучших времен доброй старой Англии. Вместе с ними как бы накатывалась всепоглощающая волна уверенности, что дела в мире, несмотря ни на что, обстоят вполне благополучно. Подобострастность, составлявшая внутреннюю суть натуры коменданта, — подобострастность, освободиться от которой он не смог бы полностью никогда, сколь бы высоких постов и власти ни достиг, — восторженно взыграла в нем, когда вся группа прошествовала мимо него, не показав даже самым мимолетным взглядом, что она заметила его существование. Комендант Ван Хеерден всегда ожидал от настоящих англичан подобной отстраненности от мира и погруженности в себя — погруженности в такой степени, что она уже выходила за рамки отдельной личности и превращалась в нечто непреложное и абсолютное, в нечто сродни самодостаточности Господа Бога. И вот это чудо возникло вдруг прямо перед ним, здесь, в Пьембурге, в гольф-клубе — четверо мужчин и женщин, бессодержательный треп которых неоспоримо доказывал, что, несмотря на все войны, катастрофы, на неизбежность близящейся революции, беспокоиться по-настоящему было не о чем. Комендант особенно восхитился той элегантностью, с которой цветущий мужчина, переваливший за пятьдесят и явно верховодивший в этой четверке, пощелкал пальцами, подзывая черного мальчика-служку, прежде чем отправился устанавливать мяч для первого удара.

— Это просто бесподобно! — воскликнула одна из женщин, когда они проходили мимо коменданта. Похоже, ее реплика не относилась ни к чему конкретному.

— Я всегда говорил, что Малыш просто обожает наказания, — донеслась до коменданта фраза, сказанная цветущим мужчиной. Группа прошла, и, о чем они говорили между собой дальше, было уже не слышно. Комендант как зачарованный какое-то время

глядел им вслед, затем вскочил и поспешил в бар, чтобы порасспросить о них бармена.

— Они называют себя «Клубом Дорнфорда Йейтса»[13], — рассказал бармен Ван Хеердену. — Почему так, я не знаю. Во всяком случае, они говорят, что их одежда и треп — это в память какой-то фирмы, которая называлась «Бэри и компания»[14] и которая лопнула несколько лет назад. Тот, который красномордый, — это полковник Хиткоут-Килкуун, единственный, кого они зовут Бэри. Пухлая бабенка — его жена. Другой мужик — майор Блоксхэм. Можете себе представить, между собой они его зовут Малышом! А ведь ему, должно быть, не меньше сорока восьми! А кто эта худая женщина, я не знаю.

— Они живут где-нибудь здесь? — спросил комендант. Ему не нравился тот чересчур легкий тон, каким говорил бармен о поразившей его четверке, но отчаянно хотелось разузнать о них как можно больше.

У полковника что-то есть — то ли дом, то ли квартира — неподалеку от отеля «Пилтдаун», но, кажется, они в основном живут на ферме в районе Андервиля. Эта ферма как-то странно называется — «Белая женщина» или что-то в этом роде. Мне говорили, что и дела там творятся довольно-таки странные.

Комендант взял еще порцию бренди, сел со стаканом за свой столик на террасе и стал ждать возвращения четверки с поля. Бармен вышел из-за стойки и встал в дверях с озабоченным видом, как бы присоединяясь к Ван Хеердену.

— Полковник давно член этого клуба? — спросил комендант.

— Пару лет, — ответил бармен, — с тех пор как они переехали сюда то ли из Родезии, то ли из Кении, то ли еще откуда-то. Сорит деньгами, не считая.

Заметив, что бармен глядит на него с каким-то странным выражением, комендант допил свое бренди и, не торопясь, отправился осматривать «роллс-ройс».

— Модель 1925 года, называется «Серебряный призрак», — пояснил подошедший следом бармен. — В прекрасном состоянии.

Комендант что-то буркнул. Он начал уже уставать от бармена и потому перешел на другую сторону машины, однако бармен и там оказался с ним рядом.

— За ними что-то есть? Вы ими поэтому заинтересовались? — голосом заговорщика спросил бармен.

— С чего, черт возьми, вы это взяли? — вопросом на вопрос ответил комендант.

— Ну просто подумал, — сказал бармен и, бросив еще одну фразу, смысла которой комендант не понял (что-то насчет того,

что не обязательно кивать головой, иногда достаточно просто моргнуть), вернулся в здание клуба. Оставшись один, комендант закончил осмотр машины и уже собирался было уходить, как вдруг увидел на заднем сиденье нечто такое, что заставило его замереть на месте. Это нечто было книгой, и с ее задней обложки на коменданта равнодушно глядел портрет мужчины. Широкоскулое лицо, полуприкрытые веки, безупречно прямой нос и аккуратно подстриженные усы. Человек, изображенный на портрете, смотрел мимо коменданта куда-то в светлое, надежно гарантированное будущее. Уставившись в окно машины, комендант Ван Хеерден внимательно разглядывал портрет, и чем дольше он на него смотрел, тем сильнее чувствовал — не понимал, но именно чувствовал, притом с необъяснимой уверенностью, что в своих исканиях сути английского джентльменства, которая должна была дополнить пересаженное ему сердце англичанина, он подошел к рубежу какого-то очень важного открытия. Прямо перед ним, на заднем сиденье «роллс-ройса», лежал выписанный с невероятной точностью портрет того самого человека, которым он хотел бы быть. Книга называлась «Похожий на всех», ее автором был Дорнфорд Йейтс. Комендант вынул блокнот и записал название книги.

Когда полковник — Хиткоут-Килкуун и его друзья возвратились с поля, комендант уже давно ушел из гольф-клуба. Он направился в городскую библиотеку, твердо уверенный, что в трудах Дорнфорда Йейтса найдет разгадку той тайны, что мучила его так долго, — как стать настоящим английским джентльменом.

Вечером лейтенант Веркрамп вышел из управления полиции и зашел домой переодеться. Он чувствовал себя в высшей степени счастливым человеком. Легкость, с какой он развеял подозрения коменданта; результаты, которые обещала дать распространенная среди полицейских анкета; перспектива провести вечер в обществе доктора фон Блименстейн — все это вместе взятое и сообщало лейтенанту радостное ощущение жизни. Особую пикантность всем достижениям Веркрампа придавало и то обстоятельство, что подслушивающая аппаратура оставалась-таки в доме коменданта. А значит, лейтенант может, валяясь в собственной постели, слышать каждое нескромное движение, сделанное комендантом у себя дома. Лейтенант Веркрамп тоже чувствовал, что он стоит на рубеже какого-то важного открытия, которое изменит всю его жизнь и из второго человека в управлении сделает его первым, что, конечно же, более соответствовало бы его способностям. Ожидая, пока наполнится ванна, лейтенант Веркрамп настроил у себя в спальне

специальный приемник и проверил, работает ли подсоединенный к нему магнитофон. Вскоре он сможет слушать все передвижения коммандanта по дому, даже когда тот станет открывать или закрывать на кухне посудный шкаф. Убедившись, что аппаратура работает отлично, Веркрамп выключил ее и отправился в ванную. Когда, помывшись, он собирался вылезать из ванной, кто-то позвонил в дверь.

— Черт возьми, — воскликнул Веркрамп, хватаясь за полотенце и недоумевая, кто мог бы заявиться к нему в столь неподходящий момент. Роняя по дороге капли воды, он пошел в прихожую, недовольно открыл дверь и был поражен, увидев на лестничной площадке доктора фон Блименстейн. — Я не хочу… — машинально начал он, реагируя все еще на звонок в дверь в неудобное для него время, а не на того, кто стоял за этой дверью.

— Правда, не хочешь, дорогой? — громко спросила доктор фон Блименстейн и распахнула свою ондатровую шубку, чтобы продемонстрировать плотно облегавшее ее платье из какого-то кричащего, в блестках материала. — Ты, правда, не хочешь…

— О Господи! — проговорил Веркрамп, растерянно озираясь по сторонам. Он сознавал, что его соседи весьма уважаемые люди и что доктор фон Блименстейн, при всем ее образовании и при всех ее высоких профессиональных качествах, никогда не пользовалась репутацией человека, соблюдающего все тонкости общественных приличий. Он совершенно не хотел, чтобы кто-нибудь увидел их именно тогда, когда он, обмотанный лишь полотенцем, стоял перед докторшей, тоже вроде бы во что-то замотанной. — Входите, быстро, — выкрикнул он. Несколько обескураженная таким приемом, доктор фон Блименстейн запахнула шубку и вошла. Веркрамп поспешно запер дверь и шмыгнул мимо нее назад в спасительное уединение ванной комнаты. — Я вас не ждал, — прокричал он оттуда уже помягчевшим голосом. — Я собирался заехать за вами в больницу.

— Мне так не терпелось вас увидеть, — прокричала ему в ответ докторша, — что я решила сделать вам небольшой сюрприз.

— Да уж, сделали, — пробурчал Веркрамп, безуспешно пытаясь отыскать в ванной куда-то запропастившийся носок.

— Не поняла. Говорите громче.

Веркрамп в конце концов нашел носок под самой ванной.

— Я сказал, что вы действительно сделали сюрприз. — Поднимаясь, он ударился головой о ванну и выругался.

— Вы не сердитесь на меня за то, что я пришла без предупреждения? — спросила докторша. Веркрамп в зто время

сидел на краешке ванны и натягивал носок. Тот оказался мокрым.

— Нет, конечно же, нет. Приходите, когда хотите, — с некоторым расстройством в голосе ответил он.

— Правда? Вы это искренне говорите? Мне бы не хотелось оставлять у вас впечатление, будто бы я… ну… как бы навязываюсь, — продолжала докторша. Веркрамп, убеждая ее в том, что, напротив, он очень рад и она действительно может приходить к нему, когда захочет, попутно обнаружил, что вся одежда, которую он заранее сложил на крышку унитаза, из-за внезапного прихода гостьи оказалась тоже мокрой. Когдалейтенант Веркрамп в конце концов вышел из ванной, он чувствовал, что весь он какой-то холодный и влажный. К тому же он был совершенно не готов к зрелищу, открывшемуся его глазам. Доктор фон Блименстейн, сняв ондатровую шубку, в провокационной позе лежала на софе. Ярко-красное платье облегало ее настолько плотно, что создавалось впечатление, будто на теле вообще ничего нет. Пораженный ее видом, Веркрамп недоумевал, как она вообще смогла влезть в это платье.

— Нравится? — спросила докторша, томно потягиваясь. Веркрамп сглотнул и сказал, что да, очень нравится. — Растягивающийся нейлон. Это называется «влажный стиль».

Веркрамп как загипнотизированный смотрел на ее грудь. Только сейчас он с ужасом понял, что ему предстоит провести вечер в общественном месте с женщиной, на которой, по существу, не было ничего, кроме полупрозрачного алого чулка, только натянутого не на ногу, а на все тело. Лейтенант Веркрамп всегда гордился своей репутацией человека, который ведет трезвый и богобоязненный образ жизни. Кроме того, как прихожанина голландско-реформистской церкви его просто шокировало то, как была одета докторша. По дороге к отелю «Пилтдаун» он, сидя за рулем, утешал себя только тем, что это мерзкое платье облегало фигуру настолько плотно, что в нем невозможно будет танцевать. Сам лейтенант Веркрамп не танцевал. Он считал, что танцы — это грех.

Когда возле гостиницы швейцар открыл дверь машины, ощущение своей социальной неполноценности стало у Веркрампа еще более острым. Его болезненному обострению способствовало и то, что «фольксваген» Веркрампа оказался рядом с чьим-то «кадиллаком», да и манеры самого швейцара тоже.

— Где у вас брассерия?[15] — спросил Веркрамп.

— Что, сэр? — переспросил швейцар, не сводя глаз с груди доктора фон Блименстейн.

— Брассерия, — повторил Веркрамп.

— У нас ее нет, сэр, — ответил швейцар. Доктор фон Блименстейн пришла на помощь.

— Брасэрия, — сказала она.

— Ах, вам нужен гриль-зал, — сообразил швейцар и, все еще не веря своим глазам, объяснил им, как пройти в бар. Веркрамп обрадовался, увидев, что в баре царил полумрак, и устроился в уголке так, чтобы оставаться по возможности незаметным. Увидев, что Веркрамп тщетно пытается отыскать в перечне напитков хоть одно знакомое ему название, доктор фон Блименстейн снова пришла на помощь и заказала официанту, уже начинавшему высокомерно смотреть на Веркрампа, два сухих мартини. После того как они выпили по три мартини, Веркрамп почувствовал себя намного лучше.

Доктор фон Блименстейн рассказывала ему о том, как психиатры вырабатывают у пациентов отвращение к чему-либо.

— Мы действуем прямо и честно, — объясняла она. — Пациента привязывают к кровати, а на экране показывают ему слайды с изображениями того извращения, которым он страдает. Например, если имеешь дело с гомосеком, надо показывать ему голых мужчин.

— Правда? — переспросил Веркрамп. — Как интересно. А что потом?

— В тот момент, когда показываешь слайд, надо тряхануть его током.

Веркрамп был в полном восхищении.

— И это его вылечит? — поинтересовался он.

— В конце концов всякий раз, когда ему будут показывать слайд, у него будет возникать острая отрицательная реакция, — сказала врачиха.

— Совершенно естественно, — подтвердил Веркрамп, который из собственного опыта хорошо знал, что использование электрошока в тюрьме вызывало у его заключенных только отрицательные реакции.

— Чтобы лечение подействовало по-настоящему, его надо проводить на протяжении шести дней, — продолжала доктор фон Блименстейн, — но вы удивитесь, какого эффекта мы достигаем при помощи такого простого лечения.

Веркрамп ответил, что, по его мнению, ничего удивительного в этом нет. Пока они ели, доктор фон Блименстейн объяснила ему, что для излечения полицейских Пьембурга от склонности к межрасовым сношениям она предлагает использовать схожий, только слегка видоизмененный метод. Веркрамп, в голове у которого уже туманилось от выпитого джина и вина, попробовал представить себе, что именно она имела в виду.

— Я не очень понимаю… — начал он.

— Голые черные женщины, — ответила докторша с улыбкой и вновь склонилась над тарелкой, в которой лежал толстый бифштекс. — Показывать им на экране голых черных баб и в это время бить током.

Веркрамп смотрел на нее с нескрываемым восхищением.

— Великолепно! — произнес он. — Блистательно! Вы просто гений.

Доктор фон Блименстейн жеманно улыбнулась.

— Ну, в принципе это не мое изобретение, — скромно сказала она, — но, пожалуй, можно сказать, что я применила идею к условиям Южной Африки.

— Это настоящий прорыв, — настаивал Веркрамп. — Можно даже сказать, наиважнейший прорыв.

— Приятно сознавать, что это так, — промурлыкала врачиха.

— Я хочу произнести тост, — сказал Веркрамп, поднимая бокал. — За ваши успехи!

Доктор фон Блименстейн тоже подняла бокал.

— И за твой успех, дорогой. За наши успехи!

Они выпили. Веркрамп почувствовал, что впервые в жизни он по-настоящему счастлив. Он ужинает в изысканном отеле с красивой женщиной, сотрудничество с которой поможет ему войти в историю. Белых руководителей Южной Африки уже больше не будет преследовать кошмар, что вся страна может со временем превратиться в страну одних только цветных. Заручившись поддержкой и сотрудничеством доктора фон Блименстейн, Веркрамп организует по всей республике специальные клиники, где белых извращенцев будут излечивать электрошоком от их болезненной тяги к сношениям с черными женщинами. Он наклонился через стол к тому месту, где была видна полуобнаженная грудь докторши, и взял ее за руку.

— Я люблю тебя, — сказал он.

— Я тебя тоже люблю, — проворковала в ответ докторша, поедая его хищным взглядом. Веркрамп нервозно огляделся по сторонам, но убедился, что никто из находившихся в ресторане на них не смотрит.

— По-хорошему люблю, конечно, — добавил он после некоторой паузы.

Доктор фон Блименстейн улыбнулась.

— Любовь не бывает хорошей, дорогой, — сказала она. — Любовь всегда бывает только темной, страстной, насильственной и жестокой.

— Да?.. Вот как? — удивился Веркрамп, который никогда прежде не думал о любви под таким углом. — Я хотел сказать,

что любовь — это что-то чистое. Моя любовь.

Огонь, горевший до этого в глазах доктора фон Блименстейн, как будто замигал и потух.

— Любовь — это желание, — ответила она. Ее плотно обтянутая нейлоном грудь практически лежала на столе, и от этой груди исходила какая-то неясная, но реально ощутимая угроза, начинавшая уже беспокоить Веркрампа. Он подтянул под столом свои тощие ноги и задумался, о чем же говорить дальше.

— Я хочу тебя, — сказала докторша, подкрепив свои слова тем, что вонзила свои малиновые ногти в ладонь Веркрампа. — Я очень тебя хочу! — Лейтенант Веркрамп непроизвольно вздрогнул. Под столом мощные колени доктора фон Блименстейн крепко зажали его ногу. — Я хочу тебя, — снова повторила она.

Веркрамп, уже начинавший чувствовать себя так, как будто он оказался за одним столом с извергающимся вулканом, машинально ответил:

— Может быть, мы пойдем? — и только потом сообразил, как истолкует врачиха это его внезапное желание покинуть ресторан с его относительной безопасностью.

Когда они шли к машине, доктор фон Блименстейн взяла Веркрампа под руку и сильно притянула его к себе. Лейтенант открыл машину, подержал дверь, и докторша с легким свистом нейлона села. Веркрамп, у которого прежнее ощущение своей социальной неполноценности сменилось теперь чувством неполноценности сексуальной — так подействовала на него откровенность высказанных врачихой желаний, — неохотно уселся рядом с ней.

— Вы не поняли, — сказал он, запуская мотор, — я не хочу делать ничего такого, что могло бы испортить этот прекрасный вечер.

Рука доктора фон Блименстейн легла в темноте ему на колено и крепко сжала его.

— Не надо чувствовать себя виноватым, — проворковала она. Веркрамп резко включил задний ход.

— Я вас слишком уважаю, — ответил он. Доктор фон Блименстейн положила голову ему на плечо, и он ощутил тяжесть ее ондатровой шубки, почувствовал запах ее сильных духов.

— Ты такой стеснительный, — сказала она. Веркрамп выехал со стоянки около отеля и повернул к Пьембургу, огни которого светились впереди, далеко под ними. Внезапно часть огней в городе погасла: была уже полночь.

Веркрамп медленно спускался с горы — отчасти потому, что опасался быть задержанным за вождение в нетрезвом состоянии, но главным образом потому, что его ужасала перспектива

оказаться вновь вдвоем в его квартире. Дважды за дорогу доктор фон Блименстейн требовала остановить машину, и оба раза Веркрамп оказывался у нее в объятиях, а ее губы нетерпеливо искали — и находили — его тонкий рот.

— Расслабься, дорогой, — говорила она. Веркрамп внутренне разрывался между желанием и нежеланием отвечать на приступы ее страсти, и эта раздвоенность в какой-то степени успокаивала голос его совести и в то же время создавала у доктора фон Блименстейн впечатление, что Веркрамп ей отвечает. — Сексу надо учиться, — сказала она. Но Веркрампу можно было этого и не говорить.

Он снова включил мотор и двинулся вперед, а тем временем доктор фон Блименстейн объясняла ему, что для мужчины естественно бояться секса. Когда они добрались до квартиры Веркрампа, у лейтенанта уже окончательно развеялась вся эйфория, возникшая было после того, как врачиха рассказала ему, каким образом она собирается лечить полицейских, которым нравилось совокупляться с цветными девками. Странное сочетание животной страсти и клинической объективности, проявлявшееся всякий раз, когда врачиха заговаривала о сексе, уже вызвали в лейтенанте такое отвращение к этому занятию, какого не смог бы породить никакой электрошок.

— Прекрасный был вечер, — сказал Веркрамп, останавливая машину вплотную к дожидавшейся у его дома машине докторши. Но доктор фон Блименстейн не собиралась еще прощаться с ним.

— А мы не зайдем выпить на посошок? — спросила она, и, когда Веркрамп замешкался с ответом, добавила: — Кажется, я забыла у тебя в квартире сумочку, так что придется подняться.

Веркрамп тихонько пошел вверх по лестнице.

— Не хочу беспокоить соседей, — шепотом объяснил он.

Голосом, рассчитанным, казалось, на то, чтобы разбудить даже мертвых, доктор фон Блименстейн заявила, что будет вести себя тихо, как мышка, и последовала за ним. Пока он возился с ключом, отыскивая его, вставляя в замок и отпирая дверь, докторша настойчиво пыталась поцеловать Веркрампа. Оказавшись в квартире, она сняла шубку и уселась на диван, выставив ноги таким образом, чтобы они напоминали о желании, высказанном ею во время разговора в ресторане. Волосы ее рассыпались по диванным подушкам, руки были протянуты к лейтенанту. Веркрамп сказал, что приготовит кофе, и отправился на кухню. Когда он вернулся, основной свет в комнате был выключен, горела только маленькая лампочка в углу, возле которой он обычно читал, а доктор фон Блименстейн возилась с его радиоприемником.

— Хочу поймать какую-нибудь музыку, — сказала она.

Громкоговоритель, установленный над диваном, потрескивал. Веркрамп поставил чашки с кофе и повернулся, чтобы заняться приемником, но докторша уже забыла о музыке. Она стояла перед ним с той же мягкой улыбкой, какую Веркрамп видел у нее на лице в тот день, когда впервые встретил ее в больнице. Раньше чем Веркрамп успел увернуться, симпатичная докторша прижала его к дивану с той профессиональной ловкостью, которой лейтенант когда-то восхищался. Ее губы заглушили слабый протест Веркрампа, и чувство вины у лейтенанта окончательно исчезло. В ее руках он был совершенно беспомощен и ничего уже не мог сделать.

Глава четвертая

Коммандант Ван Хеерден вышел из здания городской библиотеки Пьембурга, сжимая в руках томик книжки «Похожий на всех» с тем предчувствием чего-то необыкновенного, какое он в последний раз испытал еще мальчишкой, когда по выходным с жадностью разглядывал кадры из новых фильмов в витрине местного кинотеатра. Он торопливо шел по улице, время от времени поглядывая на книжку, обложка которой была украшена каким-то орнаментом, а сзади красовался портрет великого писателя. Всякий раз, когда Ван Хеерден смотрел на это лицо с полуприкрытыми веками и залихватскими усами, он преисполнялся просто-таки физическим ощущением той социальной иерархии, которой так жаждала его душа. Портрет источал такую уверенность в незыблемости однажды установленного порядка вещей, что у коммандант исчезли все сомнения в реальности добра и зла, появившиеся под влиянием двадцатипятилетней службы в южноафриканской полиции. Разумеется, у коммандант Ван Хеердена не было никаких оснований хоть на мгновение усомниться в существовании зла. Но его выводило из душевного равновесия явное отсутствие противоположного начала. А поскольку коммандант был совершенно не склонен к абстрактному теоретическому мышлению, то, чтобы поверить в Добро, к которому так стремился в душе, он должен был увидеть его практически. Еще лучше, если бы это Добро оказалось воплощенным в каком-то человеке или же выраженным в каких-либо социально приемлемых формах. И вот сейчас наконец-то лицо, смотревшее как будто сквозь него с обложки книги «Похожий на всех», неоспоримо доказывало, что ценности, которым коммандант Ван Хеерден придавал столь большое значение, — такие, как рыцарство и отвага, — еще существуют в мире.

Придя домой, коммандант приготовил себе чай, удобно устроился в кресле, поставил чайник и чашку рядом и погрузился в чтение. «Ева Мэллори Кейрю наклонила свой очаровательный подбородок», — прочел он первую фразу. И по мере того как Ван Хеерден углублялся в книгу, мир, с которым ежедневно сталкивала коммандант его работа, — мир грязных преступлений, убийств и мошенничества, грабежей и разбоя, трусости и предательства, — исчезал. А вместо него возникал иной, в котором легко и уверенно жили неизменно остроумные и прекрасные женщины и великолепные мужчины и где все истории всегда имели счастливый конец. Увлеченно следя за

приключениями Джереми Брока, капитана Тоби Рейджа, не говоря уж об Оливере Понсфоуте и Симоне Болье, комендант чувствовал, что наконец-то попал в тот мир, в который всегда стремился. Лейтенант Веркрамп, сержант Брейтенбах и все шестьсот подчиненных были мгновенно позабыты. Комендант читал, не отрываясь, несколько часов подряд, чай его давным-давно остыл. Некоторые особенно понравившиеся ему места он перечитывал вслух, чтобы насладиться не только смыслом, но и звучанием фраз. Когда он взглянул на часы, был уже час ночи, и комендант поразился тому, как незаметно пролетело время. Но утром ему не нужно было вставать рано, и потому он решил читать дальше и перешел к следующему эпизоду.

«Жемчуг, который подарил мне Джордж, я небрежно бросила, и он валялся рядом, бледный, как будто от возмущения», — прочел вслух комендант, подражая, как он полагал, женскому голосу. «Я сняла этот жемчуг, потому что не хотела, чтобы в такой момент на мне были его подарки. Мне хотелось, чтобы меня обвивали только твои руки».

Пока комендант Ван Хеерден с наслаждением уносился из мира неприятных и грязных реалий в мир чистых грез и фантазии, лейтенант Веркрамп занимался прямо противоположным. Именно сейчас, когда все его сладострастные мечты в отношении доктора фон Блименстейн, которым он предавался в бесконечные бессонные ночи, были так близки к осуществлению, — именно сейчас сама мысль об их осуществлении представлялась Веркрампу невыносимой. Все, что казалось привлекательным в докторе фон Блименстейн, когда она была далека и мечты о ней оставались чистой абстракцией, теперь вдруг потеряло притягательность. Вместо этого пришло понимание, что она — очень крупная женщина с огромной грудью и мускулистыми ногами. Удовлетворять ее сексуальные потребности у Веркрампа не было ни малейшего желания. А кроме того, он жил в доме, построенном таким образом, что звуки из одной квартиры отчетливо проникали в другую. И в дополнение ко всем его несчастьям докторша была просто пьяна.

Веркрамп сделал глупость. Полагая, что при помощи виски у нее можно будет вызвать женский эквивалент алкогольной импотенции, он усердно подливал ей из бутылки, которую держал для особо торжественных случаев, и был поражен не только способностью докторши выпить невероятное количество виски, но и тем, что оно лишь усиливало ее сексуальные стремления. Веркрамп решил, что надо действовать иначе, и отправился на кухню готовить кофе. Он только зажег плиту, как из гостиной донесся какой-то странный и очень громкий шум, и

лейтенант кинулся посмотреть, в чем дело. Доктор фон Блименстейн включила его магнитофон.

«Хочу жить в старомодном доме, окруженном старомодным забором, замужем за старомодным миллионером», — громко пела Эрта Китт.

Подпевавшая ей доктор фон Блименстейн была скромнее в своих желаниях.

Хочу, чтобы ты любил меня, только ты, и никто другой, — проникновенно напевала она голосом, на несколько децибел превышавшим все допустимые пределы.

— О Боже, — простонал Веркрамп, пытаясь протиснуться мимо нее к магнитофону, — ты же перебудишь всех соседей! Скрип кровати в квартире наверху доказывал, что соседи уже обратили внимание на призывы докторши, пусть даже сам Веркрамп оставался к ним равнодушен.

— Хочу, чтобы меня любил ты, только ты, мой ба-буби-дууп, — продолжала петь доктор фон Блименстейн, зажимая Веркрампа в объятия. Эрта Китт заявила всему миру о своем желании иметь несколько старомодных нефтяных скважин. Веркрамп чувствовал себя особенно неудобно еще и потому, что теперь весь дом знал о его склонности к цветным певичкам.

— Почему бы нам не заняться любовью, дорогой? — спросила докторша, которой удавалось как-то так выражать свои сексуальные желания, что это вызывало особенно болезненную реакцию у Веркрампа.

— Хорошо, хорошо, — умиротворяюще сказал он, пытаясь выскользнуть из ее объятий. — Если только…

— Если только я была бы единственной женщиной в мире, а ты — единственным мужчиной, — проревела докторша.

— Только не это, — Веркрамп пришел в ужас от подобной перспективы.

— Вы не единственный в мире, — послышался голос из верхней квартиры. — Могли бы и обо мне подумать.

Вдохновленный этой поддержкой, придавшей ему сил, Веркрамп вырвался из рук докторши и упал спиной на диван.

— Дай мне, дай мне то, чего я так хочу, — сменила мелодию докторша, продолжая громко петь.

— Черта с два тут поспишь, — прокричал мужской голос сверху, явно выведенный из себя беспорядочным репертуаром врачихи.

В квартире рядом, где жил религиозный проповедник с женой, кто-то забарабанил в стену.

Вскочив с дивана, Веркрамп бросился к магнитофону.

— Дай мне выключить эту цветную, — завопил он. Эрта Китт

пела в этот момент что-то о бриллиантах.

— Оставь ее, пусть поет. Иди сюда, ты меня заводишь, — прокричала в ответ доктор фон Блименстейн, хватая Веркрампа за ноги и с грохотом обрушивая его на пол. Усевшись на него верхом, она прижалась к нему так, что одна из ее подвязок оказалась у его во рту, и принялась лихорадочно расстегивать его брюки. С отвращением, которое было следствием слабого знакомства с женской анатомией, Веркрамп выплюнул подвязку и попытался повернуться, но оказался в еще худшем положении. Он ничего не видел — обзор ему совершенно бесстыдно закрывали ягодицы докторши, ее пояс и те части тела, которые так часто фигурировали в мечтах и фантазиях Веркрампа, но при столь близком знакомстве с ними потеряли всякое очарование. Веркрамп боролся изо всех сил, чтобы элементарно не задохнуться.

Именно в этот, совершенно неподходящий момент и решил вмешаться в происходящее коммандант. Его фальцет, во много раз усиленный электроникой Веркрампа, слился с контральто Эрты Китт, добавив ей своеобразного очарования, и с непрерывными требованиями доктора фон Блименстейн, чтобы Веркрамп лежал спокойно и не дергался.

— Симона, — пропищал коммандант, не подозревая, какой эффект производят его слова в полумиле от его дома, — в эту последнюю ночь мы похоронили заживо нашу любовь, нашу чудесную, благословенную страсть. Мы похоронили ее заживо.

— Ч-ч-что эт-то? — спросила доктор фон Блименстейн, которая, будучи под хмельком, не обратила внимания на все предыдущие мольбы Веркрампа.

— Пусти меня, — завопил Веркрамп, которому слова коммандант о захоронении кого-то заживо показались чрезвычайно важными.

— Здесь кого-то убивают! — пронзительно завизжала жена проповедника в соседней квартире.

— Я, похоже, схожу с ума. Мне всегда казалось, что она давно уже умерла, — продолжал коммандант.

— Ч-ч-что эт-то? — вскрикнула снова доктор фон Блименстейн, силясь спьяну уловить какой-то смысл в отчаянных воплях Веркрампа, бесстрастных признаниях коммандант и пении Эрты Китт, которая сейчас пародировала голос турка, что, естественно, сильно осложняло попытки разобраться во всей этой какофонии.

На лестничной площадке жилец с верхнего этажа уже грозился взломать дверь квартиры Веркрампа.

Посреди всей этой суеты и шума сам лейтенант Веркрамп

лежал, уже почти задохнувшись, лилово-синий, уставившись на пунцовые оборки изысканных трусиков доктора фон Блименстейн. Наконец в паническом страхе перед возможностью оказаться кастрированным, он впился зубами в то, что находилось прямо у него перед носом.

С диким воплем, который был слышен, наверное, за добрых полмили — как будто в ответ на него комендант у себя дома перестал читать вслух, — доктор фон Блименстейн рванулась через всю комнату, таща за собой совершенно обезумевшего Веркрампа, запутавшегося в ее нижнем белье.

То, что последовало вслед за этим, представлялось лейтенанту Веркрампу сущим адом. Жилец из верхней квартиры, теперь уже окончательно убежденный в том, что тут происходит какое-то жуткое преступление, изо всех сил налегал на входную дверь. А доктор фон Блименстейн, уверенная, что ей наконец удалось пробудить страсть в своем любовнике, но предпочитавшая, чтобы эта страсть находила более традиционное выражение, опрокинулась на спину. Лицо Веркрампа торчало посреди разорванных пунцовых оборок, он растерянно оглядывался по сторонам, пытаясь сообразить, где он и что с ним происходит, чем-то напоминая при этом внезапно сбитого с ног футболиста. В этот самый момент распахнулась входная дверь, и сосед сверху ошарашенно уставился на открывшуюся его взору картину.

— Ну, милый, скорее же, скорее, — в экстазе выкрикивала доктор фон Блименстейн. Веркрамп внесебя от бешенства вскочил на ноги.

— Какое вы имеете право вламываться в чужую квартиру?! — заорал он, отчаянно пытаясь скрыть за внешней яростью собственное замешательство и растерянность. Продолжая лежать на полу, доктор фон Блименстейн энергично вмешалась.

— Коитус интерраптус, коитус интерраптус![16] — стала вдруг выкрикивать она. Веркрамп ухватился за эту фразу, показавшуюся ему профессионально-медицинской.

— Она эпилептик, — объяснил он странные телодвижения, которые совершала докторша. — Она из больницы в Форт-Рэйпире.

— О Господи! — поразился сосед, сам теперь почувствовавший себя смущенным. В этот момент в комнату ворвалась жена проповедника.

— Ничего, ничего, — принялась она утешать докторшу. — Все будет в порядке. Мы здесь.

Воспользовавшись всеобщей неразберихой, Веркрамп незаметно выскользнул из комнаты и заперся в ванной.

Смертельно бледный от пережитого унижения и отвращения ко всему происшедшему, он просидел там до тех пор, пока не приехала «скорая помощь», чтобы забрать врачиху в больницу. Все это время доктор фон Блименстейн в гостиной пьяно выкрикивала что-то насчет эрогенных зон и отрицательных эмоциональных последствий прерывания полового акта.

Когда все разошлись, Веркрамп выбрался из ванной и злобно обозрел оставшийся в гостиной погром. Единственное, что хоть как-то утешало его и компенсировало все пережитые ужасы, было то, что подтвердились его подозрения в отношении коменданта. Веркрамп постарался вспомнить, о чем же говорил этот мерзкий фальцет. Что-то насчет похорон кого-то заживо. Как ни странно, но весь минувший вечер был как будто специально предназначен для того, чтобы создать у лейтенанта Веркрампа впечатление, что наиболее уважаемые люди способны на самые странные поступки. В одном лейтенант был абсолютно уверен — он не желал бы больше никогда в жизни встречаться с доктором фон Блименстейн.

Такое же чувство было и у коменданта Ван Хеердена, когда наутро он прибыл на работу, более чем когда-либо преисполненный решимости вести себя как джентльмен. Анкета, составленная доктором фон Блименстейн, вызвала бурю протестов в полицейском управлении Пьембурга.

— Это часть кампании по борьбе с распространением коммунизма, — втолковывал комендант сержанту Де Коку, которого полицейская общественность отрядила к руководству, чтобы выразить недоумение и недовольство сотрудников этой анкетой.

— Какая связь между размерами сисек черной няньки и распространением коммунизма? — домогался сержант. Комендант Ван Хеерден вынужден был согласиться, что связь в данном случае действительно непонятна.

— Спросите лучше об этом у лейтенанта Веркрампа, — сказал комендант, — это его затея. На мой взгляд, незачем отвечать на этот грязный вопросник. Лично я, во всяком случае, не собираюсь.

— Слушаюсь, сэр. Благодарю вас, сэр, — ответил сержант и отправился отменять распоряжения Веркрампа.

После обеда комендант снова отправился в гольф-клуб в надежде опять увидеть четверку, называвшую себя «клубом Дорнфорда Йейтса». От нечего делать он немного поиграл, отправив несколько мячей неизвестно куда, но быстро покинул поле. Уже подходя к окружавшей здание клуба веранде, он с радостью увидел, как старинный «роллс-ройс» бесшумно свернул

с шоссе на дорогу к клубу, проехал по ней и остановился напротив игрового поля. За рулем сидела миссис Хиткоут-Килкуун. Одета она была в голубой свитер и голубую юбку и подходящие по тону перчатки. Какое-то время она еще посидела в машине, а затем вышла и обошла вокруг капота с такой задумчивой мечтательностью во взоре, которая тронула коммандanta до глубины души.

— Простите, — обратилась она к нему, облокачиваясь на радиатор машины с элегантностью, какую коммандант видел лишь на обложках самых дорогих женских журналов, — не могли бы вы мне помочь?

Сердце коммандanta Ван Хеердена застучало как бешеное. Коммандант ответил, что для него помочь ей было бы большой честью.

— Я совершенно ничего не понимаю в машинах, — продолжала миссис Хиткоут-Килкуун. — Не могли бы вы посмотреть, что с ней такое случилось? Я так глупа во всех этих делах…

С галантностью, скрывавшей его полное незнание машин вообще и старинных «роллс-ройсов» в частности, коммандант неловко завозился с запорами капота, но в конце концов открыл их и начал копаться в моторе, стараясь отыскать хоть какую-то причину того, почему машина вышла из строя именно в тот самый удачный момент, когда она доехала до места назначения. Миссис Хиткоут-Килкуун, стоя рядом, подбадривала его снисходительной улыбкой и пустой болтовней очаровательной женщины.

— Когда дело касается всякой техники, я чувствую себя совершенно беспомощной, — ворковала она, пока коммандант, разделявший ее чувства, с надеждой совал палец в карбюратор. Палец удалось засунуть неглубоко, что коммандант счел обнадеживающим признаком. Затем он осмотрел ремень вентилятора и проверил уровень масла. Этим его знакомство с автомобилем было исчерпано, и потому коммандант решил отказаться от дальнейшего выполнения непосильной для него задачи.

— Прошу прощения, — сказал он, — но никаких явных неисправностей я не вижу.

— Наверное, у меня просто кончился бензин, — улыбнулась миссис Хиткоут-Килкуун. Коммандант Ван Хеерден посмотрел на указатель и увидел, что тот показывал «пусто».

— Действительно, — подтвердил он.

Миссис Хиткоут-Килкуун еле слышным голосом принесла свои извинения.

— Я вам доставила столько хлопот, — прошептала она. Но комендант Ван Хеерден чувствовал себя по-настоящему счастливым оттого, что никаких хлопот у него не возникло.

— Что вы, не стоит благодарности, — ответил он краснея и уже собрался было пойти смыть где-нибудь с рук масло, но миссис Хиткоут-Килкуун остановила его.

— Вы были так добры, — сказала она, — пойдемте в бар, я просто обязана вас угостить.

Комендант попробовал было отговориться, но она не желала ничего слушать.

— Я позвоню в гараж, чтобы привезли бензин, — сказала она, — а потом присоединюсь к вам на веранде.

Некоторое время спустя они сидели на веранде, и миссис Хиткоут-Килкуун, потягивая через соломинку холодный сок, расспрашивала коменданта о его работе.

— Быть сыщиком — это, наверное, так интересно, — говорила она. — Мой муж уже на пенсии, знаете ли.

— Я не знал, — ответил комендант.

— Конечно, он еще занимается немного биржевыми делами, акциями, — продолжала она, — но это ведь не совсем то же самое, правда?

Комендант согласился, что это действительно не то же самое, хотя и не понял, что, собственно, с чем сравнивается. Пока миссис Хиткоут-Килкуун продолжала болтать, комендант упивался всеми подробностями ее платья, туфель из крокодиловой кожи, в тон подобранной сумочки, неброских жемчужных сережек и восхищался утонченностью ее вкуса. И даже то, как она положила ногу на ногу, придавало ей какую-то скромность неотразимую, по мнению коменданта Ван Хеердена.

— Вы из этих краев? — как бы невзначай поинтересовалась миссис Хиткоут-Килкуун.

— У моего отца была ферма в Кэроу, — ответил комендант. — Он разводил коз. — Произнося это, комендант сознавал, что занятие его отца не слишком престижно. С другой стороны, он знал, что быть землевладельцем значило в глазах англичанина очень многое. Миссис Хиткоут-Килкуун вздохнула.

— Я так люблю здешние пейзажи, — проговорила она. — Это одна из причин, почему мы приехали в Зулулэнд. Знаете, мой муж вышел после войны в отставку, и мы уехали в Умтали, и нам там очень нравилось, но климат стал как-то плохо сказываться на нем, и мы переехали сюда. Мы выбрали Пьембург, потому что нам обоим очень нравится здешняя атмосфера. Она так напоминает это великолепное fin de siecle[17], вы не находите?

Комендант, который не знал, что означает fin de siecle,

ответил, что ему Пьембург нравится тем, что все в нем дышит добрым старым временем.

— Вы совершенно правы, — согласилась миссис Хиткоут-Килкуун. — Муж и я, мы настоящие ностальгиоманы. Если бы только можно было повернуть часы назад! Какая прежде была во всем элегантность, ка кое очарование, какое изящество! Те времена невозможно и вспоминать без грусти. — Она вздохнула, и коммандант, ощутив, что впервые в жизни встретил действительно родственную душу, вздохнул с ней вместе. Какое-то время спустя бармен доложил, что бензин в «роллс-ройс» залит, и коммандант встал, чтобы попрощаться.

— Не буду вас задерживать, — вежливо произнес он.

— Большое спасибо вам за помощь, — ответила миссис Хиткоут-Килкуун и протянула руку в перчатке. Коммандант взял эту руку и, повинуясь внезапному импульсу, пришедшему, должно быть, с сорок девятой страницы «Похожего на всех», прижал ее к губам.

— Ваш слуга, — пробормотал он.

Прежде чем миссис Хиткоут-Килкуун успела что-либо сказать, он повернулся и ушел и несколько минут спустя уже ехал по направлению к Пьембургу, испытывая какое-то странное приподнятое настроение. Вечером того же дня он взял в библиотеке книгу «Берри и компания» и отправился домой в предвкушении вдохновения, которое, несомненно, ждало его в обществе героев Йейтса.

— Где ты была? — спросил жену полковник Хиткоут-Килкуун, когда та вернулась домой.

— Ты не поверишь, но я познакомилась с настоящим дикарем. Не с тем, кто уже пообтерся и прилизан, а с самым настоящим. Редкостный экземпляр, как будто только что сошел с Ноева ковчега. Ты не поверишь, но он поцеловал мне руку, когда мы прощались.

— Какая мерзость! — ответил полковник и отправился в сад посмотреть на свои азалии. Он испытывал искреннее и глубокое отвращение к белым муравьям, толстощеким неграм и к африканерам. В гостиной остался майор Блоксхэм, погруженный в чтение какого-то журнала.

— Полагаю, не все же они скоты, — изящно ответил он, когда миссис Хиткоут-Килкуун рассказала ему о комманданте. — Хотя лично я за всю свою жизнь не встретил ни одного, который не был бы скотом. Я знавал одного такого в Кении, его звали Бота. Он никогда не умывался. А ваш знакомый умывается?

Миссис Хиткоут-Килкуун фыркнула и пошла наверх, чтобы немного отдохнуть перед ужином. И там, лежа в тишине

наступающего вечера и прислушиваясь к слабому жужжанию брызговика, поливавшего лужайку перед домом, она почувствовала смутную жалость к той жизни, которую она когда-то вела. Жалость, причины и суть которой она бы не смогла выразить словами. Она родилась в Кройдоне, жила в благополучном районе Селсдон-роуд. Через службу, набиравшую женщин для работы вспомогательным персоналом в частях английских военно-воздушных сил, она попала в Найроби, а там полученное в родительском доме умение ориентироваться в социальной обстановке, да и неплохое происхождение помогли ей найти мужа с деньгами и оставить службу. С тех беззаботных дней она и осела на «черном континенте», постепенно вместе с империей перемещаясь все дальше на юг и по мере этих перемещений обретая ту утонченную претенциозность, которая так восхитила коменданта Ван Хеердена. Сейчас она чувствовала себя усталой. Жеманное притворство и искусственность, совершенно необходимые для светской жизни в Найроби, в Пьембурге не находили себе применения. По сравнению со столицей Кении, вся атмосфера здесь была сугубо мещанской. Одеваясь к ужину, миссис Хиткоут-Килкуун все еще испытывала уныние и подавленность.

Какой смысл продолжать притворяться, будто мы не те, кто мы есть на самом деле, если никого даже не интересует, кем мы притворяемся? Грустно спросила она. Полковник Хиткоут-Килкуун неодобрительно посмотрел на жену.

— Надо держать марку, — осадил он ее.

— Не падайте духом, голубушка, — сказал майор Блоксхэм, бабушка которого торговала в Брайтоне улитками. — Своих надо поддерживать до конца.

Но миссис Хиткоут-Килкуун уже больше не понимала, кто был для нее своим. Тот мир, в котором она родилась, давно отошел в прошлое, а вместе с ним исчезли и те социальные ожидания, которые хотя бы скрашивали жизнь, позволяли ее переносить. Мир, придуманный ею самой, созданный ее воображением, тоже распадался на глазах. Отчитав официанта-зулуса за то, что он подал ей суп не с той стороны, миссис Хиткоут-Килкуун встала из-за стола и, прихватив чашечку с кофе, вышла в сад. Там, бесшумно расхаживая по лужайке под ясным ночным небом, она думала о коменданте.

— В нем есть что-то свое, что-то настоящее, — еле слышно шептала она.

Полковник Хиткоут-Килкуун и майор в это время, сидя за портвейном, обсуждали сражение за Нормандию[18]. В них не было ничего настоящего, ничего своего. Даже портвейн, который

они пили, и тот был австралийский.

Глава пятая

На протяжении нескольких последующих дней комендант Ван Хеерден с еще большим рвением продолжал свою библиотечную эпопею, даже не подозревая о том повышенном интересе, который стали испытывать в последнее время к его персоне лейтенант Веркрамп и миссис Хиткоут-Килкуун. Каждое утро он — в сопровождении агентов службы безопасности, приставленных Веркрампом следить за комендантом, — отправлялся в городскую библиотеку Пьем-бурга, где брал очередную книгу Дорнфорда Йейтса. И каждый вечер, возвратившись в свой напичканный микрофонами дом, предавался чтению. Ложась спать — что бывало теперь обычно довольно поздно, — он какое-то время еще лежал в темноте, повторяя про себя им же переиначенную известную формулу Куэ: «Каждый день и всеми доступными мне способами я становлюсь все беррее и беррее»[19] — своего рода самовнушение, не оказывавшее внешне заметного воздействия на самого коменданта, но приводившее подслушивавшего Веркрампа в неистовство.

— Что, черт возьми, это означает? — спрашивал лейтенант у сержанта Брейтенбаха, вместе с которым они прослушивали магнитофонную запись ночных упражнений коменданта в самосовершенствовании.

— Вообще-то «берри» — это разновидность фруктов[20] — не очень уверенно ответил сержант.

— Так еще говорят, когда хотят избавиться от трупа[21] — произнес Веркрамп, которого личные вкусы больше подталкивали к похоронным сюжетам. — Но почему, черт побери, он постоянно повторяет эту фразу?

— Она напоминает какую-то молитву, — сказал сержант Брейтенбах. — У меня была тетка, которая помешалась на почве религии. Так вот, она непрерывно повторяла молитвы… Однако лейтенанту Веркрампу рассказ о тетке сержанта Брейтенбаха был неинтересен.

— Надо, чтобы за ним наблюдали неотрывно, — распорядился лейтенант. — И как только он начнет делать что-нибудь подозрительное — ну, например, решит купить тесак, — немедленно докладывать мне.

— А может быть, попросить эту вашу психиатриню… — спросил сержант и поразился ярости, с какой ответил ему Веркрамп. Сержант вышел из кабинета начальника с четким убеждением, что лейтенант Веркрамп впредь никогда и ни при

каких обстоятельствах не желал бы ни видеть доктора фон Блименстейн, ни слышать о ней.

Оставшись один, Веркрамп попытался сосредоточиться на том, чем же занимается комендант Ван Хеерден. Он начал с просмотра донесений о передвижениях коменданта по городу.

«Посетил библиотеку. Поехал в управление полиции. Поехал в гольф-клуб. Вернулся домой». Совершенно невинные действия, совершаемые ежедневно и потому способные привести в уныние кого угодно. Но где-то в этой повседневной рутине скрывалась тайная причина ужасной самоуверенности коменданта и его жуткой улыбки. Даже сообщение о том, что коммунисты установили в его доме подслушивающую аппаратуру, лишь на несколько минут вывело коменданта из равновесия; а сейчас, насколько мог судить Веркрамп, комендант просто уже позабыл об этом. Правда, он запретил заполнять анкету, составленную доктором фон Блименстейн. Но сейчас, задним числом, лично познакомившись с сексуальными привычками врачихи, лейтенант должен был признать разумность такого решения. Сам лейтенант Веркрамп только теперь понял, что он чуть было не позволил женщине с болезненной склонностью и нездоровым интересом к этой теме заполучить в свое распоряжение информацию о сексуальных привычках всей полиции Пьембурга. Веркрамп содрогнулся от одной мысли о том, какое применение могла бы найти врачиха этой информации, и стал думать над тем, что же делать с полицейскими, грешащими межрасовыми половыми сношениями. Было очевидно, что решать эту проблему придется, не прибегая к посторонней помощи. Попытавшись вспомнить, что доктор фон Блименстейн рассказывала ему о психиатрических способах лечения, он решил сходить в городскую библиотеку: отчасти чтобы узнать, нет ли там литературы о том, как вызывать отвращение к чему-либо; но также и потому, что посещение этой библиотеки столь часто фигурировало в отчетах о передвижениях коменданта Ван Хеердена. Через час лейтенант возвратился в полицейское управление, зажимая под мышкой книгу Эйзенка «Факты и воображение в психологии». Веркрамп испытывал удовлетворение оттого, что нашел толковую работу по интересовавшей его теме. Он, однако, нисколько не приблизился к пониманию причин перемен, происходивших в последнее время в коменданте. Попытки выяснить в библиотеке, что читает комендант, — попытки, которые лейтенант неубедительно объяснил тем, что собирается подарить ему на Рождество какую-нибудь хорошую книгу, — натолкнулись на ответ, что комендант Ван Хеерден предпочитает романтическую литературу. Веркрампу этот ответ ничего не говорил.

С другой стороны, книжка Эйзенка оказалась полезной. Воспользовавшись имевшимся в ней индексом, лейтенант Веркрамп избавил себя от необходимости читать те главы, которые стали бы проверкой его интеллектуальной выносливости, и сразу взялся за описание болезни и способов ее лечения при помощи апоморфина и электрошока. Особенно заинтересовали его описанные в книге два клинических случая. В одном при помощи апоморфина удалось отучить шофера грузовика одеваться женщиной. В другом электрошок способствовал тому, что инженер перестал облачаться в женский корсет. Способ лечения показался Веркрампу чрезвычайно простым; он не сомневался, что в случае необходимости смог бы сам провести его курс. С электрошоком никаких сложностей вообще не будет: пьембургская полиция была завалена устройствами, вызывающими такой шок. Что же касается уколов апоморфина, то Веркрамп был уверен, что полицейский хирург сможет их сделать. Главную трудность представляло само присутствие коммандanta Ван Хеердена. Его предубеждение против любых нововведений в прошлом уже не раз срывало инициативы лейтенанта Веркрампа. «Только бы этот старый дурак ушел в отпуск!» — мечтал Веркрамп, просматривая описание того, как какого-то бухгалтера удалось излечить от импотенции без применения апоморфина или электрошока. Но такие случаи его не интересовали, и он, пропустив несколько страниц, стал читать дальше.

Пока Веркрамп, погрузившись в изучение психологии отклоняющегося поведения, старался забыть о докторе фон Блименстейн, сама она, не подозревая, сколь изменилось уважение к ней Веркрампа под воздействием ее сексуальности, изо всех сил старалась вспомнить подробности вечера, проведенного накануне ими вместе. Единственное, что она помнила, — как ее доставили в городскую больницу Пьембурга, и водитель «скорой» заявил, что она эпилептик. Недоразумение, однако, быстро разъяснилось, был поставлен верный диагноз — мертвецки пьяна, — после чего, насколько она помнила, ей промыли желудок, посадили в такси и отправили домой в Форт-Рэйпир, где наутро у нее состоялось неприятное объяснение с главным врачом психбольницы. С тех пор она несколько раз звонила Веркрампу, но его телефон был постоянно занят. В конце концов она отказалась от попыток дозвониться, решив, что гоняться за ним ниже ее достоинства.

«Со временем он сам ко мне придет, — самодовольно решила она. — Никуда он не денется».

Каждый вечер, принимая ванну, она с удовольствием

рассматривала в зеркале отметины, оставшиеся от зубов Веркрампа, а на ночь клала под подушку разорванные пунцовые трусики — доказательство чувств лейтенанта к ней.

«Какие у него сильные потребности в оральном контакте!» — думала она, и сердце замирало от счастья, а грудь тяжелела в предвкушении.

Миссис Хиткоут-Килкуун была слишком леди, чтобы предаваться сомнениям насчет того, прилично ли ей поддерживать знакомство с комендантом Ван Хеерденом. Каждый день после обеда старинный «роллс-ройс» бесшумно скользил по дорожке, останавливался у поля для гольфа, и миссис Хиткоут-Килкуун играла — и играла очень хорошо, — пока не появлялся комендант. После чего она вовлекала его в разговор и тем спасала от необходимости демонстрировать весьма скромные способности к гольфу.

— Вы, наверное, страшно от меня устали, — проговорила она как всегда томно и еле слышно, когда они в очередной раз сидели на веранде гольф-клуба и беседовали.

Комендант заверил ее, что ничего подобного.

— Я так мало соприкасалась с настоящей жизнью, — продолжала она. — Потому-то мне нравится общаться с мужчинами, про которых можно сказать, что они je ne sais quoi. [22]

— Ну, не знаю, — скромно ответил комендант. Миссис Хиткоут-Килкуун погрозила ему затянутым в перчатку пальцем.

— А вы еще и остроумны, — сказала она. Комендант так и не понял, чем была вызвана и к чему относилась эта фраза. — От человека, занимающего высокий и ответственный пост, обычно как-то не ждешь чувства юмора. Ведь быть комендантом полиции в таком большом городе, как Пьембург, — это же ужасная ответственность. Наверное, бывают ночи, когда вы от беспокойства просто не можете заснуть.

У коменданта были за последнее время несколько ночей, когда он не мог заснуть, однако о причинах этого он предпочел бы не распространяться.

— Когда я ложусь спать, то сплю, — ответил он. — По ночам меня ничто не беспокоит.

Миссис Хиткоут-Килкуун окинула его взглядом, полным восхищения.

— Как я вам завидую! — сказала она. — Я так страдаю от бессонницы. Обычно лежу и думаю о том, как все изменилось в жизни. Вспоминаю, как прекрасно было в Кении, пока не появились эти ужасные мау-мау[23] и не испортили все. Во что сейчас превратили черные эту страну?! Там даже не проводятся

больше гребные регаты! — Она вздохнула, и коммандант выразил ей свое сочувствие.

— А вы попробуйте читать на ночь, — посоветовал он. — Некоторым это помогает.

— А что читать? — спросила миссис Хиткоут-Килкуун таким тоном, как будто она уже прочла все написанное в мире.

— Ну, например, Дорнфорда Йейтса, — предложил коммандант и с радостью увидел, что миссис Хиткоут-Килкуун уставилась на него, не скрывая своего изумления. Именно на такой эффект он и рассчитывал.

— И вы тоже? — выдохнула она. — Вы тоже его поклонник?

Коммандант утвердительно кивнул.

— Не правда ли, он великолепен? — продолжала миссис Хиткоут-Килкуун своим мертвым, еле слышным голосом. — Он абсолютно бесподобен. Мы его преданнейшие поклонники — и муж, и я. Абсолютно преданнейшие. Это было одной из причин, по которым мы перехали в Умтали[24]. Просто чтобы быть поближе к нему. Чтобы дышать тем же воздухом, каким он дышал, чтобы сознавать, что мы живем в одном городе с великим человеком. Это было удивительно прекрасно. Настолько замечательно, что нет слов.

Она на мгновение замолкла, и этой паузы оказалось достаточно коммандану для того, чтобы высказать собственное удивление: он никогда не думал, что Дорнфорд Йейтс жил в Родезии.

— Я всегда почему-то представлял его себе живущим в Англии, — сказал коммандант, не уточняя, что всегда в данном случае означало всю последнюю неделю.

— Он приехал туда во время войны, — объяснила миссис Хиткоут-Килкуун, — а потом опять вернулся в свой дом в О'Бонне, в Пиренеях — ну, вы помните, конечно: «Дом, который построил Берри». Но французы вели себя ужасно, и все там изменилось к худшему. Он не смог этого выдержать, переехал в Умтали и жил там до самой смерти.

Коммандант высказал сожаление в связи с тем, что Йейтс уже умер и они не успели познакомиться, чему он, коммандант, был бы весьма рад.

— Да, это было бы огромной честью, — грустно согласилась миссис Хиткоут-Килкуун. — Лично знать человека, обогатившего английский язык, это огромная честь. — Она как бы почтила память Йейтса, помолчав немного, а потом продолжила: — Как интересно, что и вы находите его великолепным. Я хочу сказать, что… ну… мне всегда казалось, что он может нравиться только англичанам. И встретить вдруг настоящего африканера, которому

тоже нравится Йейтс… — она не договорила, явно опасаясь ненароком обидеть коммандант. Ван Хеерден заверил ее, что Дорнфорд Йейтс принадлежит к тому типу англичан, которым восхищаются все африканеры.

— Правда? — переспросила миссис Хиткоут-Килкуун. — Вы меня удивляете. Он был бы рад услышать это непосредственно от вас. Сам он терпеть не мог иностранцев.

— Я могу это понять, — ответил коммандант. Иностранцы обычно не очень приятные люди.

Когда они прощались, миссис Хиткоут-Килкуун сказала, что коммандант должен непременно познакомиться с ее мужем, а Ван Хеерден ответил, что счел бы за честь.

— Приезжайте как-нибудь к нам, погостите у «Белых леди», — сказала миссис Хиткоут-Килкуун, усаживаясь в машину. Коммандант стоял рядом, придерживая дверцу «роллс-ройса».

— У какой белой леди? — переспросил он. Миссис Хиткоут-Килкуун протянула затянутую в перчатку руку и подергала его за ухо.

— Ах вы, противный, — радостно сказала она, — противный и остроумный. — И уехала, оставив коммандант в недоумении, чем он заслужил столь очаровательный…

— Что ты сделала? — переспросил полковник Хиткоут-Килкуун таким тоном, что могло показаться, будто его вот-вот хватит апоплексический удар, когда жена сказала ему, что пригласила коммандант погостить у них.

— У «Белых леди»? Этого паршивого бура?! И слушать об этом не желаю! О Боже, скоро ты начнешь приглашать еще индийцев или негров. Плевать мне, что ты ему сказала. Я не желаю видеть эту скотину в своем доме!

Миссис Хиткоут-Килкуун повернулась к майору Блоксхэму.

— Объясни ты ему, Малыш, тебя он послушает, — сказала она и, еле переставляя ноги, направилась к себе в комнату лечиться от внезапно начавшегося приступа мигрени.

Майор Блоксхэм отыскал полковника в саду среди его любимых азалий и был весьма расстроен тем, как тот выглядел — красный, с вздувшимися венами.

— Не надо так переживать, старина, — сказал майор. — Мы должны уже думать о давлении, о здоровье.

— Как же не переживать, когда эта женщина заявляет, что пригласила какую-то краснозадую обезьяну! Погостить у «Белых леди»! — прорычал полковник, отчаянно размахивая садовыми ножницами.

— Да, это немножко чересчур, — примирительно произнес

майор.

— Немножко?! На мой взгляд, это переходит все пределы. Здесь такое не принято. Нахлебники проклятые! — И полковник скрылся в кустах, оставив майора переживать последнее замечание, прозвучавшее в данном случае достаточно двусмысленно.

— Но ведь, насколько я знаю, он поклонник Мастера, — сказал майор, обращаясь к крупному цветку.

— Гм, — фыркнул полковник, успевший перенести свое внимание на рододендрон. — Знаю я эти сказки. Ему лишь бы всунуть ногу в дверь. А там не успеешь опомниться, как весь клуб будет забит подобными типами, черт побери.

Майор Блоксхэм согласился, что в этом есть доля истины. Он, однако, заметил, что, похоже, комендант на самом деле искренне любит Дорнфорда Йейтса. Полковник был с этим категорически не согласен. — Он из тех типов, что раньше размахивали белым флагом, а сами стреляли в это время по нашим офицерам, — рявкнул он в ответ. — Ни одному буру нельзя; доверять ни на йоту.

— Но… — начал возражать майор, старавшийся одновременно и не упустить свою мысль, и проследить за стремительными перемещениями полковника по саду.

— Никаких «но»! — прокричал полковник из-за куста камнеломки. — Этот человек — негодяй. И в нем течет кровь цветных. Она есть в каждом африканере. Это общеизвестный факт. Я не потерплю ниггера в своем доме! — Его голос отгрохотал за кустами и стих, послышалось частое щелкание садовых ножниц. Поняв, что разговор окончен, майор Блоксхэм вернулся назад в дом. Миссис Хиткоут-Килкуун, уже вполне оправившаяся от мигрени, сидела на веранде с вечерним коктейлем.

— Он непреклонен, дорогая, — сказал майор, осторожно ступая мимо маленькой мексиканской собачки, лежавшей у ног хозяйки. — Абсолютно непреклонен.

Гордый тем, что ему удалось столь дипломатично сообщить о своей неудаче, майор налил себе двойную порцию виски. Вечер обещал быть трудным.

— Скоро открывается охота на лисят, — сказал полковник за ужином, когда подали авокадо. — Жду с нетерпением.

— А Фокс в хорошей форме? — поинтересовался майор.

— Харбингер его тренирует, — ответил полковник, — делает с ним каждое утро десятимильные пробежки. Хороший он парень, этот Харбингер. Знает свое дело.

— Да, Харбингер отличный доезжачий, — поддержал майор.

Миссис Хиткоут-Килкуун, сидевшая за дальним концом большого, сделанного из красного дерева обеденного стола, с обиженным видом выбирала ложечкой мякоть своего авокадо.

— Харбингер — уголовник, — сказала она после того, как несколько минут за столом царило молчание.. — Ты же взял его из тюрьмы в Веезене.

— Лучшие лесничие получаются из бывших браконьеров, — возразил полковник, которому не нравилось, что его жена взяла в привычку своими реалистическими комментариями разрушать тщательно вы страиваемый им собственный искусственный мирок. — Самые лучшие, да будет вам известно. И к тому же, умеющие отлично обращаться с собаками.

— С гончими, — с неодобрением в голосе уточнила миссис Хиткоут-Килкуун. — Не с собаками, дорогой, а с гончими.

Сидевший напротив нее за противоположным концом стола полковник побагровел.

— В конце концов, — продолжала она, пока полковник не нашелся, как ей возразить, — уж если мы прикидываемся дворянами, которые на протяжении многих поколений держали гончих, то можно, по крайней мере, делать это как следует.

Полковник Хиткоут-Килкуун злобно уставился на жену.

— Вы забываетесь, дорогая, — выдавил он наконец.

— Совершенно верно, — ответила миссис Хиткоут-Килкуун. — Я забываюсь. Я уже давно позабыла, кто же я на самом деле. Думаю, мы все позабыли, кто мы такие, — с этими словами она встала из-за стола и вышла из комнаты.

— Не понимаю, что на нее нашло, — сказал полковник. — Ведет себя просто безобразно. А ведь была нормальной женщиной.

— Возможно, на нее плохо действует жара, — предположил майор.

— Жара? — удивился полковник.

— Погода, — поспешно поправился майор Блоксхэм. — Жаркая погода многих делает невыносимыми.

В Найроби было жарко, как в аду, и там это на нее никак не влияло. Не понимаю, почему здесь вдруг у нее стали появляться подобные бзики.

Мужчины закончили ужин в молчании. Взяв кофе, полковник ушел с ним в кабинет слушать передававшиеся по радио сводки биржевых новостей. Он с удовлетворением отметил, что акции золотодобывающих компаний поднялись в цене. Надо будет утром позвонить брокеру и распорядиться о продаже акций «Вест Дрефонтен». Когда новости закончились, полковник выключил радио, подошел к книжной полке и, взяв томик «Берри и

компания», уселся перечитывать его в восемьдесят третий раз. Вскоре, однако, поняв, что не может полностью сосредоточиться на книге, он отложил ее в сторону и вышел на веранду. Там, в сгущавшейся темноте, сидел в одиночестве майор Блоксхэм со стаканом виски в руках и разглядывал сверкавшие далеко внизу огни ночного города.

— Чем занят, Малыш? — спросил полковник, и в голосе его прозвучало нечто похожее на привязанность.

— Пытаюсь вспомнить вкус морских устриц, — ответил майор. — Я их уже так давно не ел…

— Лично я предпочитаю речных, — ответил полковник. Некоторое время они посидели молча. Откуда-то издалека доносилось пение зулусов.

— Плохи дела, — нарушил молчание полковник. — Не переношу, когда Дафния сердится. Но и пустить в свой дом этого типа тоже не могу. Ума не приложу, что делать.

— Трудная ситуация, — согласился майор. — Жаль, что нельзя от него как-нибудь отделаться.

— Отделаться?

— Ну, сказать ему, что у нас на ферме ящур или что-нибудь в этом роде, — пояснил майор, вся жизнь которого состояла из сомнительных отговорок такого типа. Полковник Хиткоут-Килкуун поразмышлял над предложением, но все же отверг его.

— Не очень убедительно звучит, — решил он.

— Ничего, для бура сойдет, — сказал майор.

— Ящур!..

— Ха-ха!

Снова надолго установилось молчание. Мужчины сидели, равнодушно уставившись в темноту.

— Плохи дела, — повторил спустя какое-то время полковник и отправился спать. Майор Блоксхэм остался на веранде, на этот раз пытаясь вспомнить вкус прибрежных устриц.

Миссис Хиткоут-Килкуун лежала в постели, накрывшись одной простыней. Уснуть она не могла и потому прислушивалась то к доносившемуся и сюда пению зулусов, то — со все более горькими чувствами — к приглушенному разговору мужчин, долетавшему до нее с веранды. «Если комендант придет, они обязательно постараются так или иначе его унизить», — думала она, вспоминая, сколько подобных унижений пережила сама в годы своей юности. И если комендант за столом вдруг станет есть мясо вилкой, предназначенной для рыбы, то униженным окажется не только он сам, но и она. Мысль об этом заставила миссис Хиткоут-Килкуун наконец решиться. Она включила свет, села за письменный стол и на розовато-лиловой бумаге с

неровными краями набросала записку комманданту.

— Ты сегодня едешь в город, Малыш? — спросила она наутро за завтраком майора. — Забрось это в полицию, хорошо? — И она перебросила ему через стол конверт.

— Правильно, — сказал майор Блоксхэм, в планы которого не входила в этот день поездка в Пьембург, однако его положение в доме требовало от него время от времени подобных жертв. — Отделываешься от него?

— Конечно же, нет, — ответила миссис Хиткоут-Килкуун, холодно поглядев при этом на мужа. — Компромисс в чисто английском духе. Так, как меня учили. Я пишу, что у нас сейчас много гостей и что…

— Прекрасно, дорогая, — перебил ее полковник.

— И что поэтому я прошу его остановиться в гостинице, а не у нас — если он, конечно, не возражает. Обедать и ужинать он сможет с нами. Надеюсь, у вас хватит совести обращаться с ним пристойно, если он примет это предложение.

— По-моему, это удачное решение, — сказал полковник.

— Очень удачное, — согласился майор.

— При сложившихся обстоятельствах это самое малое, что я могу сделать, — сказала миссис Хиткоут-Килкуун. — Я написала ему, что счет за проживание в гостинице оплатите вы, полковник.

С этими словами она встала из-за стола и отправилась на кухню сорвать свою злость на черных служанках.

Коммандант Ван Хеерден был с головой занят приготовлениями к отпуску. Он купил карту района Веезен, удочку и мушек для ловли форели, пару крепких охотничьих сапог на толстой подошве, широкополую шляпу, в каких ходят пастухи, двенадцатизарядное ружье, болотные сапоги и карманного формата справочник под названием «Этикет для всех»[25]. Оснастившись подобным образом, он пребывал в уверенности, что пара недель, которую ему предстояло провести в доме Хиткоут-Килкуунов, позволит ему обогатить себя бесценным опытом искусства поведения настоящего английского джентльмена. Приготовления зашли настолько далеко, что он приобрел две новые пижамы и новые носки — старые были заштопаны. Покончив с приобретением внешних признаков английского джентльмена, коммандант начал практиковаться в произнесении слов «Ужасно!» и «Абсолютно!» с тем акцентом, который он считал истинно английским. Вечерами, когда темнело, он выходил в сад с удочкой и там, на лужайке, учился забрасывать ее в ведро с водой. В процессе таких тренировок несколько десятков георгинов потеряли свои роскошные головки. Правда, попасть крючком с мушкой в ведро ему так ни разу и не

удалось.

— В чем он тренируется? — изумленно переспросил лейтенант Веркрамп, когда сотрудники службы безопасности доложили ему о странных занятиях коммандантa.

— В забрасывании удочки в ведро, — подтвердили они.

— Свихнулся, — отреагировал Веркрамп на это сообщение.

— И он постоянно бормочет себе под, нос. Все время повторяет «Великолепно!» и «Рад с вами познакомиться, сэр!».

— Это я знаю, — сказал Веркрамп, регулярно слушавший по своему радио монологи коммандантa.

— Вот список всего, что он купил, — протянул листок бумаги другой агент безопасности. Веркрамп просмотрел список, в котором значились сапоги болотные, сапоги охотничьи, пастушья шляпа, и ничего не понял.

— А с какой это женщиной он познакомился в гольф-клубе? — спросил лейтенант, так и не отказавшийся от своего первоначального предположения, что у коммандантa роман, который он по тем или иным соображениям вынужден скрывать.

— Болтает с ней ежедневно, — доложили агенты. — Пухленькая крашеная блондинка маленького роста, возраст около пятидесяти пяти. Ездит на старом «роллс-ройсе».

Веркрамп распорядился собрать о миссис Хиткоут-Килкуун всю информацию, какую только возможно, и, отпустив своих сотрудников, снова углубился в изучение учебника по психологии. Но стоило ему раскрыть книгу, как зазвонил телефон, и лейтенанту сообщили, что коммандант просит его зайти. Веркрамп отложил учебник и отправился в кабинет коммандантa.

— А, Веркрамп, — встретил его коммандант. — С пятницы я уезжаю на две недели в отпуск. Ты остаешься здесь за старшего. — Лейтенант Веркрамп ощутил прилив радостного возбуждения.

— Очень жаль, сэр, — дипломатично ответил он. — Нам будет вас не хватать. — Коммандант неприязненно посмотрел на него. Чтобы лейтенанту Веркрампу не хватало коммандантa, да еще когда он сам остается за начальника — нет уж, увольте!

— Как у вас дела с розыском этих коммунистов? — спросил коммандант.

— Коммунистов? — удивился было Веркрамп, но вовремя сообразил, о чем идет речь. — Ну, это долгое дело, сэр. Результаты будут еще не скоро.

— Надо работать, — сказал коммандант, чувствуя, что немного сбил с Веркрампа это так раздражавшее его самодовольство. — Пока меня не будет, сосредоточьтесь

полностью на обычной преступности и на поддержании в городе законности и порядка. Чтобы не получилось так, что я вернусь и обнаружу, что за время моего отсутствия число изнасилований, грабежей и убийств скакнуло вверх. Понятно?

— Так точно, сэр, — ответил Веркрамп. Коммандант отпустил его, и лейтенант вернулся в свой кабинет в приподнятом настроении. Наконец-то он получает тот шанс, которого так долго ждал! Веркрамп уселся за стол и начал размышлять, какие возможности открывает перед ним обретенная на время власть.

«Две недели, — думал он. — За эти две недели я должен показать, на что способен». Срок, конечно, был небольшой, но лейтенант Веркрамп не намеревался терять время даром. Прежде всего необходимо было сделать две вещи. Пока коммандант ему не мешает, надо привести в действие план «Красный мятеж».[26] Лейтенант пересек кабинет и достал из сейфа в противоположном углу папку, в которой хранились все детали этого плана. Лейтенант разработал его в полной тайне еще несколько месяцев назад. Теперь можно было начинать действовать. К тому времени, когда коммандант Ван Хеерден вернется из отпуска, лейтенант Веркрамп безусловно раскроет ту подпольную сеть саботажников, которая, как он был уверен, действовала в Пьембурге.

Еще до обеда лейтенант Веркрамп сделал множество телефонных звонков. В различных фирмах, разбросанных по всему городу, в ответ на эти звонки к телефонам подзывали людей, которым обычно в рабочее время никто не звонил. Разговор во всех случаях был один и тот же.

— Мамба нападает, — говорил Веркрамп.

— Кобра напала, — отвечал секретный агент. Когда придумывали эти фразы, то полагали, что подобным образом можно будет надежно и безошибочно передать агентам приказ явиться для встречи в заранее оговоренное место. Выяснилось, однако, что у этого метода есть и свои издержки.

— О чем это ты говорил? — спросила в одной из контор сидевшая рядом с телефоном девушка у агента номер 745 396, когда тот положил трубку после удивительно непродолжительного разговора.

— Ни о чем, — поспешно ответил агент 745 396.

— Ты сказал «кобра напала», — возразила девушка. — Я ясно слышала. Какая это кобра? И на кого напала? И вообще, странный разговор какой-то.

По всему Пьембургу, во всех фирмах и конторах, где работали секретные агенты лейтенанта, придуманная Веркрампом система паролей вызвала в тот день повышенный

интерес, разговоры и пересуды.

После обеда лейтенант Веркрамп, переодевшись под механика автосервиса и усевшись за руль грузовика техпомощи, выехал из города на первую из назначенных им встреч. Полчаса спустя, отъехав на десять миль по дороге на Влокфонтен, он уже стоял, склонившись над мотором машины агента 745 396, делая вид, будто чинит сломавшийся распределитель, а на самом деле отдавал распоряжения своему агенту.

— Увольтесь с работы, — сказал Веркрамп агенту 745 396.

— Уже уволился, — ответил агент, уехавший после обеда с работы не отпросившись.

— Отлично, — сказал Веркрамп, одновременно ломая себе голову над тем, как теперь собрать проклятый распределитель. — Отныне будете полностью работать только на меня.

— И что я должен буду делать?

— Вам необходимо проникнуть в революционное движение Зулулэнда.

— А с чего начать? — спросил агент 745 396.

— Начните с того, что пооколачивайтесь в кафе «У Флориана» и баре «Континенталь». Там полно студентов и коммунистов. Еще одно место, где они собираются, — это столовая университета, — ответил Веркрамп.

— Знаю, — сказал агент. — Когда я там был в последний раз, то получил по уху.

— Ничего страшного не случилось, — ответил Веркрамп. — Да и когда вы были там в последний раз, никаких заслуг перед ними у вас не было. На этот раз вы сможете не только заявить, что вы подпольщик, но и доказать это.

— Каким образом?

Веркрамп подошел к кабине своего грузовика, достал оттуда пакет и отдал его агенту.

— Гелигнит и взрыватели, — объяснил он. — Вечером в субботу взорвете трансформаторную подстанцию, которая стоит на шоссе, идущем в Дурбан. В одиннадцать часов заложите этот пакет в трансформатор и немедленно возвращайтесь в город. Взрыватели сработают через пятнадцать минут.

— Господи Иисусе, — пробормотал изумленный агент 745 396, — я вправду должен его взорвать?

— Да, — резко ответил Веркрамп. — Я много думал над этим. Это единственный способ проникнуть в подполье. Если человек взорвал подстанцию, никто не усомнится в его преданности коммунистической партии.

— Надеюсь, — нервно согласился агент 745 396. — А что делать, если меня арестуют?

— Не арестуют, — заявил Веркрамп.

— Вы мне это говорили и тогда, когда я раздавал листовки в сортире на Маркет-сквер, — ответил агент. — А меня загребли как гомика, за приставание к мужчинам.

— В тот раз было другое дело. Тогда тебя загребла полиция.

— Она может и в этот раз меня загрести, — возразил агент 745 396. — Заранее же не знаешь.

— Теперь полицией командую я. С пятницы коммандант в городе — я, — объяснил Веркрамп. — А, кстати, кто тогда заплатил за тебя штраф?

— Вы, — согласился агент, — но зато обо мне стало известно всем. Попробуйте поработать в конторе, где каждый считает вас человеком, который пристает к старикам в общественных уборных. Несколько месяцев понадобилось, чтобы об этом забыли. Мне пришлось пять раз переезжать с квартиры на квартиру.

— Всем нам приходится чем-то жертвовать для блага белой Южной Африки, — ответил Веркрамп. — Кстати, теперь через каждые несколько дней переезжай на новое место. Так поступают все подпольщики. На этот раз ты должен выглядеть и действовать убедительно, как настоящий нелегал.

— Хорошо, взорвал я трансформаторную подстанцию. Что потом?

— Потом делаешь то, что я сказал. Толкаешься среди студентов, среди левых и даешь понять, что ты подпольщик. Какая-нибудь скотина очень скоро тобой заинтересуется и втянет в их планы.

Но агент 745 396 сомневался в этом.

— Чем я докажу, что трансформатор взорвал именно я? — спросил он. Веркрамп задумался.

— Тут ты верно подметил, — согласился он. — Покажи им гелигнит. Думаю, это сработает.

— Да? — саркастически переспросил 745 396. — А где я его возьму? У меня он, знаете ли, не всегда под рукой бывает.

— Из полицейского арсенала, — сказал Веркрамп. — Я тебе сделаю ключ, сможешь брать, когда понадобится.

— Как мне поступать, когда я познакомлюсь с настоящими подпольщиками? — спросил агент.

— Подговори их что-нибудь взорвать и сообщи мне прежде, чем они это сделают. Тогда мы сможем накрыть их прямо на месте, — ответил Веркрамп. Условившись о месте, в котором он оставит агенту ключ от полицейского арсенала, Веркрамп вручил ему пятьсот рандов[27] на расходы и уехал, оставив агента самого копаться в распределителе, который Веркрамп так и не сумел

собрать.

— Не забудь, пусть они вначале что-нибудь взорвут, а потом мы их арестуем, — напомнил еще раз Веркрамп агенту, перед тем как уехать. — Важно, чтобы у нас были доказательства их подрывной деятельности. Тогда мы сможем отправить этих скотов на виселицу. Я не хочу, чтобы их опять судили как заговорщиков. Мы должны иметь твердые доказательства терроризма.

И Веркрамп укатил к другому агенту. На протяжении последующих двух дней двенадцать секретных агентов уволились оттуда, где они работали. Каждый из них получил задание взорвать что-нибудь в окрестностях Пьембурга. Были изготовлены двенадцать ключей к полицейскому арсеналу. Веркрамп пребывал в уверенности, что ему вскоре удастся нанести в Пьембурге такой удар во имя свободы и Западной Цивилизации, который существенно продвинет вперед его карьеру.

Вернувшись к себе в кабинет, лейтенант Веркрамп еще раз внимательно изучил план операции «Красный мятеж», тщательно запомнил все его детали, после чего сжег папку с подготовленными документами. Это была дополнительная предосторожность против малейшей утечки информации. Веркрамп особенно гордился созданной им системой секретных агентов, которых он вербовал, каждого поодиночке, на протяжении многих лет, оплачивая их из фондов, выделяемых службой безопасности на информаторов. У каждого из агентов была своя кличка, и даже сам Веркрамп знал их только по номерам, так что было невозможно проследить какую бы то ни было их связь с БГБ. Способ, при помощи которого агенты сносились с самим Веркрампом, был столь же изощрен: они должны были оставлять зашифрованные записки в тайниках, откуда их забирали сотрудники Веркрампа. Для каждого дня недели был свой код и свой тайник. При такой системе штатные сотрудники Веркрампа никогда не должны были даже случайно встретиться с его агентами, о существовании которых они имели лишь смутное представление. Тот факт, что на каждого агента приходилось по семь кодов и по семь тайников, а самих агентов было двенадцать, означал, что сотрудникам Веркрампа приходилось выполнять невероятный объем работы. При сложности задуманной системы выполнить эту работу было бы невозможно, будь в Пьембурге на самом деле хоть один коммунист и хоть какая-то подрывная деятельность. В прошлом Веркрамп считал, что ему очень повезло, когда он получал больше одной шифровки в неделю. Да и та, как правило, не представляла никакой ценности. Но теперь положение должно было кардинально измениться. Веркрамп уже предвкушал

грядущий взрыв информации.

Запустив в ход операцию «Красный мятеж», Веркрамп переключил внимание на вторую кампанию — ту, что была направлена против полицейских, склонных к сношениям с женщинами небелых рас. Ее он назвал операцией «Побелка».[28] Из уважения к доктору Эйзенку он решил использовать одновременно и апоморфин, и электрошок, поэтому сержант Брейтенбах был отправлен к оптовому торговцу лекарствами с заданием приобрести сотню шприцев для подкожных вливаний и два галлона[29] апоморфина.

— Два галлона? — переспросил пораженный торговец. — Вы уверены, что вы не ошиблись?

— Абсолютно уверен, — подтвердил сержант Брейтенбах.

— И сотню шприцев? — спросил торговец, все еще не веря своим ушам.

— Именно так, — еще раз подтвердил сержант.

— Но это же невозможно! — возразил торговец. — Что вы собираетесь делать с двумя галлонами апоморфина?!

Веркрамп объяснил сержанту Брейтенбаху, когда отправлял его с этим заданием, что и как они собираются делать.

— Лечить алкоголиков, — сказал сержант.

— Боже правый, — удивился торговец. — Я и не подозревал, что в стране столько алкоголиков.

— От этого лекарства их рвет, — пояснил сержант.

— Да уж, я думаю, — проворчал торговец. — Двумя галлонами их всех можно убить. А уж канализацию они забьют под завязку, это точно. Нет, я не могу отпустить вам то, что вы просите.

— Почему?

— Ну, во-первых, потому, что у меня нет двух галлонов апоморфина, и я даже не представляю, где я мог бы их взять. А во-вторых, нужен рецепт врача. Но я сомневаюсь, чтобы какой-нибудь врач, будучи в здравом уме, прописал бы вам два галлона апоморфина.

Сержант возвратился на службу и доложил лейтенанту Веркрампу о том, что оптовик отказывается продать им необходимое.

— Нужен рецепт врача, — сказал сержант Брейтенбах.

— Возьми у полицейского хирурга, — ответил ему Веркрамп, и сержант пошел в расположенный при полицейском участке морг, где хирург проводил вскрытие африканца, забитого на допросе до смерти.

«От естественных причин», — вписал врач диагноз в свидетельство о смерти, после чего повернулся к сержанту

Брейтенбаху.

— Ну, знаете, есть пределы, за которые я не могу заходить, — вспылил хирург, решив почему-то продемонстрировать профессиональную этику. — Я давал клятву Гиппократа и должен ее соблюдать. Рецепта на два галлона я вам не дам. Самое большее, что могу выписать, — это тысячу кубиков. А если Веркрамп хочет, чтобы их вывернуло покрепче, пусть щекочет им в горле птичьим пером.

— А тысячи кубиков хватит?

— С трех кубиков их каждого вырвет по 330 раз, — ответил хирург. — Но смотрите не перестарайтесь. Я и так еле успеваю выписывать свидетельства о смерти.

— Старая вонючка, — выругался Веркрамп, когда сержант Брейтенбах вернулся от оптовика с двадцатью шприцами и тысячью кубических сантиметров апоморфина. — Ну да черт с ним. Теперь нам нужны слайды голых черных девок. Пусть полицейский фотограф займется этим прямо в пятницу, как только комендант уедет.

Пока его заместитель подобным образом готовился к отпуску начальника, сам комендант Ван Хеерден вносил в свои планы срочные поправки, вызванные полученным от миссис Хиткоут-Килкуун письмом. Когда майор Блоксхэм приехал с этим письмом, комендант как раз проходил мимо стола дежурного, направляясь к выходу.

— Письмо для коменданта Ван Хеердена, — сказал, входя, майор.

— Это я, — откликнулся комендант, обернувшись от двери. — Рад с вами познакомиться, — и энергично потряс руку майора.

— Блоксхэм, майор, — нервно представился тот. Полицейские участки всегда действовали на него не лучшим образом.

Комендант распечатал конверт из плотной розовато-лиловой бумаги и пробежал письмо.

— Начало охотничьего сезона. Всякий раз так, — сказал майор, как бы предлагая тем самым дополнительные объяснения. Его сильно обеспокоило, что комендант побагровел буквально у него на глазах. — Мне очень неприятно, что так получилось. Извините.

Комендант Ван Хеерден поспешно засунул письмо в карман.

— Н-да. Действительно. Гм-м. — Он явно не знал, что теперь говорить.

— Передать что-нибудь?

— Нет. То есть да. Я остановлюсь в гостинице, — ответил

комендант и собирался было на прощание снова пожать майору руку. Но Блоксхэм, не попрощавшись, выскочил из полицейского участка и уже стоял на улице, с трудом переводя дыхание. Комендант поднялся к себе в кабинет и вновь, в состоянии сильного возбуждения, перечел письмо. Получить послание подобного рода не от кого-нибудь, но от миссис Хиткоут-Килкуун он никак не ожидал.

«Ван, дорогой, — читал он снова и снова, — мне страшно неудобно вам об этом писать, но я уверена, что вы все поймете правильно. Мужья — всегда такие страшные зануды, правда? Генри ведет себя как-то странно. Мне бы очень хотелось, чтобы вы остановились у нас, но, я думаю, для всех нас будет лучше, если вы остановитесь в гостинице. Генри собирает своих друзей по клубу, и он уперся как осел. А кроме того, я думаю, в гостинице вам будет намного удобнее. Кормиться вы сможете с нами. Пожалуйста, дайте мне знать, что вы согласны, и не сердитесь. Любящая вас Дафния». От письма сильно пахло духами.

Комендант как-то не привык получать от чужих жен надушенные письма на розовато-лиловой бумаге с неровными краями. Поэтому содержание письма его сильно озадачило и поставило в тупик. Он мог только гадать, что имела в виду миссис Хиткоут-Килкуун, называя его самого дорогим Ваном, а своего мужа — страшным занудой. Его нисколько не удивило, однако, что Генри ведет себя странно. Если его жена имеет обыкновение писать подобные письма, то у полковника есть все основания вести себя странно. Припомнив загадочное замечание майора, что так бывает всегда в начале охотничьего сезона, комендант содрогнулся.

С другой стороны, рыцарским чувствам коменданта льстило то, что он завоевал определенное признание в глазах миссис Хиткоут-Килкуун, и если письмо о чем-то и говорило, то в первую очередь именно об этом. Разумеется, сердиться ему не на что. Нечто странное и подозрительное во всем этом есть, но сердиться здесь нет причин. Комендант полистал справочник «Этикет для всех», пытаясь найти в нем совет, как следует отвечать на любовные письма от замужних женщин. Однако в данном случае справочник оказался бесполезен, и комендант стал сочинять ответ сам. Минут десять он раздумывал только над тем, следует ли ему обращаться к адресату «дражайшая», «моя дорогая» или просто «дорогая». Потом он долго корпел над черновиком. Когда письмо в конце концов было написано, оно звучало так: «Дражайшая Дафния, комендант Ван Хеерден имеет честь принять любезное приглашение полковника и миссис Хиткоут-Килкуун остановиться в гостинице. Он также с удовольствием

принимает ваше приглашение на обед. С любовью, Ван». С точки зрения коммандanta, в письме удачно сочетались соблюдение необходимых формальностей и неофициальность тона; такое письмо никого не должно было задеть. С полицейским курьером он отослал его в Пилтдаун, на квартиру Хиткоут-Килкуунов, после чего раскрыл карту и стал изучать маршрут своего будущего путешествия. Небольшой городок Веезен располагался у подножия гор Аардварк. Когда-то он имел репутацию курортного города. Но в последние годы, когда центры туризма и отдыха переместились на побережье, где были выстроены новые высотные гостиницы и мотели, о курорте Веезен забыли — как позабыли и о самом Пьембурге.

Глава шестая

Утро пятницы застало коммандантa уже по дороге в Веезен. Еще с вечера он уложил в багажник машины удочку и все другие причиндалы, приобретенные для отпуска. Сейчас он сидел за рулем, облачившись в норфолкскую куртку и коричневые английские ботинки. Выезжая из города и взбираясь по длинному пологому подъему, Ван Хеерден без сожаления смотрел на остающиеся позади красные металлические крыши домов Пьембурга. Он давным-давно не позволял себе отдыха. Кроме того, он с нетерпением предвкушал непосредственное знакомство с тем, как на самом деле живут в своих загородных поместьях британские аристократы. Когда солнце поднялось над горизонтом, коммандант был уже возле Леопардовой реки. Здесь он свернул с магистрали и помчался по испещренному выбоинами проселку в сторону гор. Пейзаж по сторонам менялся в зависимости от того, представители какой расы жили здесь или там. В местах, населенных белыми, колыхалась под ветром зеленая трава, стояли аккуратные посевы. Дальше, в сторону реки Вотзак, относившейся уже к Пондолэнду, жили черные. Здесь преобладали заросли кустарников, земля подверглась сильной эрозии, и козы, стоя на задних ножках, обгладывали кусты и нижние ветки деревьев. Коммандант решил, что будет вести себя по-английски, и потому улыбался африканцам, попадавшимся ему навстречу или стоявшим у края дороги. Но очень немногие улыбались ему в ответ, и вскоре он отказался от этой затеи. В Съембоке он ненадолго остановился, чтобы выпить кофе. Заказ официанту-индийцу он сделал на английском языке, а не на африкаанс[30], как обычно, и был весьма обрадован, когда тот дипломатично поинтересовался, не иностранец ли коммандант.

Из Съембока Ван Хеерден выехал в прекрасном настроении и час спустя уже приближался по узкой и трудной дороге к перевалу Роой-Нек. Наверху он остановился и вышел из машины, чтобы взглянуть на окрестности, о которых так часто думал в последнее время. Вид, открывшийся его глазам, превзошел все ожидания. Курортный район и сам городок Веезен располагались внизу, на склонах небольших холмов и в долинах между ними. Многочисленные ручьи и речушки сливались в широкую, медленно текущую реку, блестевшую в отдалении. То здесь, то там на склоне холма и вдоль берега реки виднелись островки леса, отчего светло-зеленые пятна травы чередовались с более темной зеленью деревьев. Небольшие рощицы окружали и разбросанные по долине фермы, прикрывая их от солнца. Еще

дальше снова вздымались горы, полумесяцем окружавшие эту холмистую долину, а над ними сияло безукоризненной голубизны небо, слегка темневшее к горизонту. Коммандант Ван Хеердену с сухой и пыльной стороны увиденный от перевала Роой-Нек пейзаж показался живым воплощением графств Средней Англии. «Прямо как картинка на коробке с пряниками, только настоящая», — пробормотал он в приливе восторга, а потом снова уселся в раскаленную от солнца машину и двинулся вниз, в Веезен, по петляющей проселочной дороге.

Городок, когда коммандант до него добрался, тоже в высшей степени оправдал все его ожидания. Он был маленький — скорее даже не городок, а просто деревня — и совершенно не испорчен цивилизацией. Вокруг центральной площади располагались каменная церковь с прилегающим к ней небольшим кладбищем, выстроенное в колониальном стиле здание ратуши, водосточные трубы которой украшали фантастические фигурки из поржавевшего металла, и торговый пассаж. В центре площади сидела дородная королева Виктория, с откровенной неприязнью глядевшая на негра, который спал на скамейке в скверике у подножия монумента. Было совершенно очевидно: если что-то и изменилось в Южной Африке с того времени, когда королева Виктория отпраздновала свой бриллиантовый юбилей[31], то, во всяком случае, не Веезен. И коммандант, для которого Британская империя еще сохраняла окружавший ее когда-то ореол, крайне обрадовался этому обстоятельству.

— Слава Богу, здесь не будет всяких длинноволосых с их транзисторами и марихуаной, — ликовал он, останавливаясь около магазина, из которого доносились запахи мешковины и полироли. Здесь у высокого и мрачного костлявого человека он спросил, как проехать в гостиницу.

— Бар или комната? — уточнил тот с краткостью, вполне, по мнению коммандант, соответствовавшей его внешности.

— Комната, — ответил коммандант.

— В Уиллоу-Уотер, — сказал человек. — Полмили дальше. Там знак.

Коммандант снова сел в машину и двинулся вперед. Вскоре он увидел щит с надписью: «Ферма-гостиница Уиллоу-Уотер» и свернул на ведущую куда-то вниз узкую подъездную дорожку, обсаженную голубыми эвкалиптами. Дорога вывела его к низкому оштукатуренному дому, снаружи похожему скорее не на гостиницу, а на заброшенную насосную станцию, давным-давно прекратившую подавать признаки жизни. Коммандант остановил машину на заросшей мхом площадке перед зданием и принялся без всякого энтузиазма разглядывать его. Он ожидал чего угодно,

но только не этого. Над входной дверью ему удалось разобрать потускневшие от времени надписи «Курорт Веезен» и «Философское общество». Присоски ползучих растений за многие годы оставили на этих надписях столько следов, что теперь казалось, будто вывески были написаны каким-то давно уже истлевшим пуантилистом[32]. Коммандант вышел из машины, поднялся по ступенькам на небольшую террасу и стал через вращающуюся дверь изучать, что делается внутри. Между створками двери непрерывно жужжали несколько попавших туда больших мух. Судя по этим мухам и по тому, что ему удалось разглядеть, место было совершенно необитаемо. Коммандант толкнул дверь и, выпустив тем самым мух наружу, вошел в выложенный белой плиткой вестибюль. Свет, проникавший через стеклянный фонарь в крыше, падал на расположенную в нише в дальнем углу стойку, которая, по-видимому, была местом для администратора. Коммандант подошел к ней и позвонил в медный колокольчик, стоявший на мраморной крышке стола. «Куда-то я не туда попал», — подумал он, глядя на, прибитую над входной дверью табличку: «Термальный душ № 1». Он уже собрался было уходить, когда где-то в доме хлопнула дверь и послышался звук шаркающих по полу тапочек. Шаги приближались, и наконец из коридора появился старик.

— Это гостиница «Веезен»? — спросил коммандант.

— Спиртного не подаем, — вместо ответа сказал старик.

— И не нужно, — согласился коммандант. — Мне сказали, что я должен остановиться в гостинице «Веезен». Если это она, то тут для меня должна быть заказана комната. Заказывать должна была миссис Хиткоут-Килкуун.

Старик поискал на крышке стола, потом под стойкой и в конце концов откопал регистрационную книгу.

— Распишитесь, — сказал он, кладя книгу перед комендантом. — Укажите свое имя, адрес, возраст, род занятий и чем больны.

Коммандант Ван Хеерден смотрел на-книгу, все сильнее ощущая, что здесь что-то не так.

— Мне все-таки кажется, что я не туда попал, — проговорил он.

— Это единственная гостиница в Веезене. Больше остановиться негде, — ответил старик. — Если захотите выпить, придется съездить в город. У нас нет лицензии на продажу спиртного.

Коммандант вздохнул и начал заполнять регистрационную книгу.

— Я ничем не болен, — сказал он, дойдя до

соответствующего пункта.

— Напишите «ожирение», — предложил старик. — что хотите, неважно. А какие-нибудь родственники у вас есть?

— Троюродная сестра в Воккерстроме, — ответил комендант, недоумевая, зачем эти сведения могут понадобиться гостинице.

— Ну вот, теперь все. — сказал старик. — Можете занимать номер «6 — Промывка кишок».

— О Господи, — запротестовал комендант, — не нужна мне никакая промывка кишок. Со мной все в порядке.

Номер «4 — Ухо, горло, нос» тоже свободен, но из него хуже вид, — ответил старик и зашаркал по коридору. Комендант без особой радости последовал за ним. Они прошли мимо нескольких комнат с табличками на дверях — от номера «8 — Гальванотерапия» до номера «12 — Ингаляция». Дойдя до конца коридора, старик остановился около номера «6 Промывка кишок» и отпер дверь.

— Осторожно с холодным краном, — предупредил он. — Вода здесь довольно горячая.

Комендант вошел вслед за ним в комнату и огляделся. В одном ее углу стояла белая крашеная кровать того типа, какие обычно бывают в больницах, в другом — старый гардероб с облезшим и потускневшим зеркалом. В полном соответствии с тем, о чем предупреждала табличка на двери, в дальнем углу комнаты находились какие-то фаянсовые ванночки, тазы и кувшины. Там же поблескивали медные трубы и краны, в назначении которых у коменданта не было ни малейшего желания разбираться. Стены комнаты были облицованы белой керамической плиткой, что придавало ей еще большее сходство с больницей и лишало малейших намеков на уют.

— По утрам здесь бывает солнце, — сказал старик. — И вид из окна прекрасный.

— Да уж, — ответил комендант, поглядев на окна, в которые было вставлено матовое фигурное стекло. — А чем это здесь воняет?

— Серой. Она в воде, — пояснил старик. — Хотите взглянуть на комнату «Ухо, горло, нос»?

— Пожалуй, — решил комендант. Они вышли назад в коридор и прошли в какое-то боковое ответвление от него.

Лучше поселяйтесь в «Промывке кишок», — посоветовал старик, пропуская коменданта в маленькую темную комнатку, где, правда, не было такого зловещего оборудования, как в первой, зато сильнее пахло серой. Комендант Ван Хеерден замотал головой.

— Я возьму ту комнату, — проговорил он, не в силах произнести слова, которые могли бы оказаться неверно истолкованными. — Но я буду здесь только жить, — уточнил он, когда вместе со стариком они шли назад по коридору. Жить и осматривать окрестности.

— Если вам понадобится моя помощь, обращайтесь, — сказал старик. — Обед через полчаса в насосной.

С этими словами старик пошаркал куда-то по своим делам, а комендант остался один. Усевшись на краешек кровати, он обозревал свою комнату с чувством глубочайшего разочарования. Потом он поднялся и отправился на поиски кого-нибудь, кто принес бы из машины его багаж. Делать это в конце концов пришлось ему самому. Подняв багаж, он расставил его по комнате так, чтобы по возможности прикрыть сумками и удочками столь беспокоившие его трубы, тазы и ванны. После чего открыл окно и, став на унитаз, выглянул наружу. Вид, как и говорил старик, оказался весьма живописным. Тропинки, проложенные через густую зелень, начинались от того, что когда-то было лужайкой вокруг дома, и, извиваясь, вели к реке, по берегам которой росли не ивы, как позволяло предположить название гостиницы, а какие-то неизвестные коменданту деревья. Но внимание Ван Хеердена привлекло не то, что находилось непосредственно вокруг гостиницы. И даже не огромного диаметра сточная труба, отчасти закамуфлированная под нагромождение камней, которая шла в сторону реки и, несомненно, несла в себе многие тонны какой-нибудь отвратительной дряни. Внимание коменданта привлекли горы. Они выглядели впечатляющими даже с вершины перевала Роой-Нек. Но отсюда, из комнаты номер «6 — Промывка кишок», они казались божественно-величественными. Нижняя часть их склонов была покрыта зарослями акаций, эвкалиптов и колючек. А над горными лугами, где среди валунов и каменных глыб паслись козлы, с риском для жизни выгрызая среди расщелин траву, над каменными осыпями гордо возвышались вершины, отвесно уходившие вверх, к сияющему чистой голубизной небу.

«Здесь обязательно должны водиться бабуины», — подумал комендант, которого пейзаж настроил на поэтический лад. Он спустился с возвышения, изготовленного, как он заметил, «Файсонс с сыновьями» фирмой фаянсовых санизделий из Хартлпула, и отправился на поиски столовой.

Она располагалась в большой комнате, называвшейся «Насосная». В центре ее был миниатюрный мраморный фонтан, непрерывно журчавший и распространявший вокруг тот же запах, который так не понравился коменданту в его комнате.

Смешиваясь с доносившимся из кухни запахом тушеной капусты, аромат этот приобретал здесь не столько минеральный, сколько органический оттенок. Комендант сел за столик возле окна, выходившего на террасу. В комнате были заняты еще три столика, хотя в ней могли бы одновременно разместиться не меньше сотни посетителей. В одном углу перешептывались две пожилые леди с подозрительно короткими прическами, а за столиком, стоявшим около фонтана, сидел мужчина, внешне показавшийся коменданту коммивояжером.

Никто с ним не поздоровался, и комендант, сделав цветной официантке заказ, попытался вступить в разговор с коммивояжером.

— Часто вы сюда приезжаете? — спросил он, силясь перекричать журчание фонтана.

— У меня вспучивание от газов. В кишечнике. А у них — камни, — показал тот в сторону сидевших в углу женщин.

— Вот как, — ответил комендант.

— Вы тут впервые? — спросил молодой человек. Комендант кивнул.

— С каждым разом вам будет здесь нравиться все больше, — сказал его собеседник.

Сделав вид, будто он не расслышал, комендант молча закончил обед и вышел в холл, оглядываясь в поисках телефона.

— Если хотите позвонить, надо ехать в город, — объяснил ему старик.

— А где живут Хиткоут-Килкууны?

— Ах, этим, — презрительно фыркнул старик. — Этим позвонить нельзя. Они слишком важные. Мы им предложили в складчину провести линию, но они отказались. Они не вступают в складчину с теми, кто не их круга. Хотят, чтобы к ним никто не совался. Если правда все то, что о них говорят, тогда им действительно не нужно, чтобы к ним совались.

С этими словами старик скрылся в комнате, на двери которой было написано «Процедурная», не оставив коменданту иного выхода, кроме как ехать в город и там выяснять дорогу к дому Хиткоут-Килкуунов.

Тем временем в Пьембурге уже начались перемены, вызванные отсутствием коменданта Ван Хеердена. Лейтенант Веркрамп приехал на службу рано утром и расположился в кабинете коменданта.

— Этих сотрудников немедленно вызовите ко мне, — приказал он сержанту Брейтенбаху и вручил ему список, в котором значились фамилии десяти констеблей, чья мораль в

вопросах половых сношений с представительницами других рас не выдерживала никакой критики. — И подготовьте камеры на верхнем этаже. Одну из стен побелить, в каждую камеру поставить по койке.

Когда вызванные явились, Веркрамп побеседовал с каждым из них поодиночке.

— Констебль Ван Хейниген, — строго обратился лейтенант к первому, — вы спали с черными женщинами? Спали. Не отрицайте.

Констебль Ван Хейниген выглядел ошарашенным.

— Но, сэр… — начал он, однако Веркрамп оборвал его.

— Отлично, — констатировал он. — Рад, что вы не отпираетесь. Вам будет предписан курс лечения, который избавит вас от этой болезни.

Констебль Ван Хейниген никогда не думал, что привычка насиловать черных баб — это болезнь. Он всегда считал, что это одна из тех мелких привилегий — нечто вроде чаевых, — какие обычно бывают на неприятной и малооплачиваемой работе.

— Вы сознаете, что такой курс вам будет только полезен? — не столько спросил, сколько почти приказал Веркрамп, так что возможность не согласиться с его утверждением заведомо исключалась. — Отлично. Тогда распишитесь здесь. — Он бросил на стол перед пораженным костеблем какую-то форму и всунул ему в руку авторучку. Констебль Ван Хейниген расписался.

— Благодарю. Следующий, — распорядился Веркрамп.

За час лейтенант провел столь же энергичные беседы и с остальными, в результате чего все десять констеблей подписали бумагу, в которой добровольно соглашались пройти курс лечения от ненормальной склонности к половым сношениям с представительницами других рас.

— Начало хорошее, — сказал Веркрамп сержанту Брейтенбаху, — думаю, мы сумеем убедить всех сотрудников подписать такое обязательство.

Сержант согласился, но высказал одно предложение.

— Полагаю, сэр, мы могли бы исключить сержантский состав. Как вы считаете? — спросил он. Веркрамп задумался.

— Пожалуй, — неохотно согласился он. — Кто-то же должен будет проводить лечение.

Сержант распорядился о том, чтобы все полицейские, которые будут заступать на дежурство, предварительно подписывали бы согласие на прохождение лечения, а Веркрамп поднялся тем временем наверх проверить подготовленные камеры.

В каждой из них была уже побелена одна из стен. Напротив

этой стены стояла кровать, а возле нее на столике — проектор для показа слайдов. Не хватало пока только слайдов. Веркрамп вернулся к себе в кабинет и снова послал за сержантом Брейтенбахом.

— Возьмите пару машин, поезжайте куда-нибудь за город и привезите сотню цветных девок, — приказал лейтенант. — Постарайтесь отобрать тех, что покрасивей. Тащите их сюда, и пусть наш фотограф всех их снимет. Голыми.

Сержант Брейтенбах взял два полицейских фургона и отправился в Адамвилль, черный городок неподалеку от Пьембурга, исполнять приказание, показавшееся ему простым и ясным. На практике, однако, все получилось сложнее, чем он предполагал. Пока полицейские вытаскивали из домов и заталкивали в фургон первый десяток черных девушек, собралась большая рассвирепевшая толпа, а городок охватили волнения.

— Отпустите наших женщин! — требовала толпа.

— Выпустите нас! — верещали в фургоне сами женщины. Сержант Брейтенбах попытался объяснить смысл предпринимаемых действий.

— Мы их только сфотографируем, без одежды, растолковывал он. — Это делается для того, чтобы белые полицейские не спали больше с женщинами банту.

Подобное объяснение прозвучало, как и следовало ожидать, неубедительно. Судя по всему, толпа явно считала, что фотографирование черных женщин голыми окажет на белых полицейских прямо противоположное воздействие.

— Перестаньте насиловать наших женщин! — кричали африканцы.

— Именно это мы и пытаемся сделать, — отвечал им через громкоговоритель сержант, но его слова ни до кого не доходили. Слух о том, что полиция собирается перепортить всех молодых женщин, разнесся по городку с быстротой молнии. Когда вокруг полицейских машин начали падать камни, сержант Брейтенбах приказал своим людям взять автоматы наизготовку и начать отход.

— Вот так всегда, — заметил Веркрамп, когда сержант доложил ему об инциденте. — Стараешься им помочь, а они отвечают подобным образом. Бунтуют, черт бы их побрал. Я всегда говорил, что кафры тупые. Глупы как пробки.

— Попробовать еще раз? Нужны нам еще девки? — спросил сержант.

— Конечно. Десяти мало, — ответил Веркрамп. — Сфотографируйте этих и отвезите их назад. Когда там увидят, что с этими ничего не случилось, толпа успокоится.

— Слушаюсь, сэр, — с сомнением в голосе ответил сержант.

Он спустился в подвал и стал следить за работой полицейского фотографа, которому с трудом удавалось заставить женщин постоять какое-то время спокойно. Сержанту пришлось в конце концов вытащить револьвер и пригрозить, что, если женщины не будут делать то, что им говорят, он их всех перестреляет.

Вторая вылазка в Адамвилль оказалась еще более трудной и менее успешной, чем первая. На этот раз наряду с фургонами сержант прихватил также четыре бронетранспортера и несколько грузовиков с полицейскими, однако все равно нарвался на неприятности.

Сержант Брейтенбах приказал отпустить тех женщин, которых полицейские изловили во время первой вылазки и теперь привезли назад, и обратился к возбужденной толпе.

— Видите, с ними ничего не случилось! — прокричал он. Из фургонов высыпали женщины, они были голые, на их телах видны были ссадины.

— Он грозился перестрелять нас! — закричала одна из них.

Во время бунта, который последовал за этим заявлением и попыткой полиции захватить для тех же целей еще девяносто женщин, полицейские убили четырех африканцев и ранили больше десятка. Когда сержант Брейтенбах покидал поле битвы, в фургонах у него сидели еще двадцать пять женщин, а под левым глазом, в том месте, куда ему угодил камень, наливался огромный синяк.

— Пошли они к черту все! — выругался сержант, когда колонна двинулась в обратный путь. Подчиненные поняли его слова буквально, и после того как двадцать пять женщин по прибытии в полицейский участок были сфотографированы, ими воспользовались в свое удовольствие, а потом с миром отпустили по домам. Вечером того же дня исполнявший обязанности коммандanta Веркрамп сообщил прессе, что в результате межплеменных столкновений в окрестностях города убиты четыре африканца.

Как только цветные слайды были изготовлены, Веркрамп и сержант Брейтенбах поднялись на верхний этаж полицейского управления, где десять констеблей с некоторым трепетом ожидали начала лечения. Появление шприцев и устройств для электрошока никак не способствовало поднятию их духа.

Пациентов выстроили в коридоре, и Веркрамп обратился к ним с напутствием.

Сегодня, сказал он, вам предстоит принять участие в эксперименте, который может изменить ход истории. Вы все

знаете, что нам, белым, живущим на Юге Африки, угрожают миллионы черных. И если мы хотим выжить и сохранить чистоту нашей расы в том виде, в каком ее создал Бог, мы должны научиться сражаться не только при помощи оружия. Мы должны научиться вести и выигрывать также и моральные битвы. Мы должны очистить наши умы и сердца от грязных мыслей и побуждений. Именно это сделает начинаемый нами курс лечения. Каждый из нас испытывает естественное отвращение к кафрам. Такое отвращение — часть нашей природы. Лечение, которому вы согласились добровольно подвергнуться, укрепит в вас это чувство. Вот почему оно называется курсом отвращения. К концу этого курса от одного только вида черной женщины вас станет тошнить, и у вас выработаются рефлексы, которые позволят вам избегать любых контактов с этими женщинами. Вам не захочется спать с ними. Вам не захочется прикасаться к ним. Вам не захочется держать их в своем доме даже как слуг. Вам не захочется, чтобы они стирали вашу одежду. Вам не захочется, чтобы они ходили по улицам. Вам не захочется, чтобы они вообще были где бы то ни было в Южной Африке…

По мере того как лейтенант Веркрамп перечислял, чего впредь не захочется десяти констеблям, голос его становился все выше и выше. Сержант Брейтенбах начал нервно покашливать. У него выдался трудный денек, а кроме того, болезненно напоминал о себе порез на лбу, и ему вовсе не хотелось в довершение всего иметь еще дело с впавшим в истерику исполняющим обязанности коменданта.

— Будем начинать, сэр? — спросил он, перебивая Веркрампа. Лейтенант потерял мысль и остановился.

— Да, — ответил он. — Начнем эксперимент. Добровольные пациенты разошлись по камерам, где их заставили раздеться и надели на них смирительные рубашки, заранее приготовленные и уложенные на койках наподобие пижам. С облачением в смирительные рубашки возникли некоторые трудности, и в паре случаев потребовалась помощь нескольких сержантов, чтобы натянуть их на самых крупных и сильных полицейских. В конце концов, однако, каждый из десяти констеблей был переодет и связан, и Веркрамп наполнил апоморфином первый шприц.

Сержант Брейтенбах с растущей тревогой наблюдал за его приготовлениями.

— Хирург предупреждал не давать слишком большую дозу, — прошептал сержант Веркрампу. — Он говорил, что иначе можно и убить. Только по три кубика.

— У вас что, сержант, поджилки задрожали? — спросил Веркрамп. Лежавший на койке констебль неотрывно смотрел на

иглу, и глаза его наполнялись ужасом.

— Я передумал! — отчаянно завопил он.

— Ничего ты не передумал, ответил Веркрамп. — Мы это делаем для твоей же пользы.

— Может быть, испробуем сперва на кафрах? — спросил сержант Брейтенбах. — А то не здорово ведь будет, если кто-нибудь из наших людей помрет.

Веркрамп на минуту-другую задумался.

— Ты прав, — согласился он в конце концов. Они отправились в камеры, расположенные на первом эта же, и ввели нескольким африканцам разные дозы апоморфина. Результаты полностью подтвердили худшие опасения сержанта Брейтенбаха. Когда третий негр подряд впал в состояние комы, Веркрамп выразил удивление, смешанное с восхищением.

— Мощная штука, — сказал он.

— Может, ограничимся только электрошоком? — спросил сержант.

— Пожалуй, — с грустью произнес Веркрамп. Ему очень хотелось потыкать в добровольных пациентов иголками. Приказав сержанту послать за полицейским хирургом, чтобы тот оформил свидетельства о смерти подопытных африканцев, лейтенант вернулся на верхний этаж и заверил пятерых добровольцев, которым должны были вводить апоморфин, что те могут не волноваться.

— Уколов не будет, — сказал он им, — вместо них применим электрошок. — И включил диапроектор. На противоположной стене камеры появилось изображение обнаженной чернокожей женщины. На эту часть эксперимента каждый из добровольцев ответил эрекцией. Веркрамп покачал головой.

— Позор! — пробормотал он, прикрепляя липкой лентой контакты электрошокового устройства к бодро настроенному члену одного из пациентов. — А теперь, — сказал он сержанту, сидевшему рядом с койкой, — каждый раз, когда будешь менять слайд, давай ему удар. Вот так, — и Веркрамп энергично завертел рукоятку генератора. Лежавший на кровати констебль задергался, как в конвульсии, и завопил. Веркрамп посмотрел на его пенис и остался доволен. — Видишь, — сказал он сержанту, — действует. — И сменил изображение.

Переходя из камеры в камеру, лейтенант Веркрамп объяснял, как надо проводить лечение, и следил за ходом эксперимента. Вслед за показом диапозитива обычно следовала эрекция, за ней — электрический удар, потом изображение менялось, повторялись эрекция и удар током — и так снова, снова и снова. По мере продолжения курса энтузиазм лейтенанта заметно

возрастал.

В это время из морга возвратился сержант Брейтенбах. Он был настроен не столь оптимистически, как его начальник.

— На улице слышно, как они вопят, — прокричал он на ухо Веркрампу. Из-за криков подвергаемых лечению в коридоре верхнего этажа невозможно было ничего расслышать.

— Ну и что? — возразил Веркрамп. — Мы делаем историю.

— Мы делаем слишком много шума, — настаивал сержант.

Однако Веркрампу вопли добровольцев казались сладчайшей музыкой. Он видел себя дирижером, руководящим исполнением какой-то великой симфонии. Изображения и эрекция, удары током и вопли ассоциировались в его сознании с тем, как сменяются в симфонии времена года. В его власти всецело было вызвать весну или лето, зиму или осень или даже вообще отменить их чередование.

Через некоторое время он потребовал принести себе раскладушку и прямо в коридоре улегся на ней немного поспать.

— Я изгоняю дьявола, — повторял он про себя, мечтая о наступлении того времени, когда мир будет полностью очищен от сексуальных желаний. С этими мыслями он и заснул. Когда лейтенант проснулся, его поразила царившая вокруг тишина. Он поднялся и об наружил, что все добровольцы крепко спят, а сержанты собрались в туалете и курят.

— Почему вы прекратили лечение, черт возьми? — закричал на них Веркрамп. — Оно должно быть непрерывным, только в этом случае оно подействует. Это называется закреплением реакции.

— Чтобы продолжать, нужны свежие силы, — возразил один из сержантов. Это было похоже на признаки бунта.

— В чем дело? — сердито спросил Веркрамп. Сержант выглядел явно смущенным.

— Деликатный вопрос, — ответил в конце концов сержант Де Кок.

— А именно?

— Ну, мы всю ночь смотрели слайды обнаженных леди…

— Цветных девок, а не леди, — рявкнул Веркрамп.

— И… — сержант стушевался.

— И что?

— У нас начались судороги в яйцах, — ответил на конец сержант, не подыскивая других слов.

Лейтенант Веркрамп был поражен.

— Судороги в яйцах?! — закричал он. — Судороги в яйцах от цветных девок?! И вы в этом спокойно признаетесь?! — от возмущения Веркрамп потерял дар речи.

— Это совершенно естественно, — сказал один из сержантов.

— Что естественно?! — снова закричал Веркрамп. — Это абсолютно противоестественно! До чего докатилась страна, если даже люди вашего положения и вашей ответственности не в состоянии контролировать свои половые инстинкты! Так вот, слушайте, что я скажу. Как комендант этого полицейского участка, я приказываю вам продолжать курс лечения! Любой из вас, кто откажется выполнять свой долг, будет первым включен в список следующей группы добровольцев.

Сержанты одернули гимнастерки и заспешили назад в камеры. Раздавшиеся через несколько минут вопли подтвердили, что их верность долгу восстановлена полностью. Утром лечение продолжила новая смена сержантов. На протяжении дня лейтенант Веркрамп неоднократно поднимался наверх, чтобы проверить, как идут дела.

Во время одного из таких посещений он уже собирался было покинуть камеру, как вдруг ему показалось, что проецируемая на стену картинка какая-то странная. Он пригляделся и увидел, что на слайде пейзаж, снятый в национальном парке Крюгера.

— Нравится? — спросил сержант, видя, что Веркрамп молча уставился на изображение. — Следующий еще лучше.

Сержант нажал на кнопку, слайд сменился, и во всю стену возник жираф, снятый с близкого расстояния. Лежавший на койке доброволец задергался от удара током. Лейтенант Веркрамп не верил собственным глазам.

— Откуда у вас эти слайды? — спросил он. Вид у сержанта был крайне довольный.

— Сделал в прошлом году, во время отпуска. Мы тогда ездили в заповедник. — Он снова нажал кнопку, и на экране появился табун зебр. Пациент на койке опять конвульсивно задергался.

— Вы обязаны показывать ему голых черных баб, а не зверей из заповедника, — зарычал Веркрамп.

Но сержант не смутился.

— Это я просто для разнообразия, — объяснил он. — А кроме того, я их еще сам ни разу не смотрел. У нас дома нет диапроектора.

Лежавший на койке доброволец тем временем орал, что он больше не выдержит.

— Не показывайте больше бегемотов, — молил он. — Хватит бегемотов. Клянусь Богом, я в жизни не притронусь ни к одному бегемоту!

— Видишь, что ты наделал? — начал отчитывать сержанта Веркрамп. — Ты понимаешь, что натворил? Теперь он будет всю

жизнь ненавидеть животных. Он даже не сможет повести своих детей в зоопарк, не рискуя получить нервный срыв.

— Честное слово, я этого не хотел, — оправды вался сержант. — Прошу прощения. Он же теперь и рыбу ловить не сможет, бедняга.

Веркрамп отобрал слайды с изображением заповедника, а заодно и те, на которых был снят морской аквариум в Дурбане, и приказал сержанту показывать диапозитивы только с голыми черными женщинами. После этого случая он сам проверил все слайды во всех других камерах и обнаружил еще одно отклонение от установленного им порядка. Сержант Бишоф наряду с картинками цветных женщин показывал слайд, на котором была изображена одетая в купальник некрасивая белая женщина.

— А это что за уродина? — спросил Веркрамп, когда обнаружил этот слайд.

— Нехорошо так говорить, — обиделся сержант Бишоф.

— Это еще почему? — рявкнул Веркрамп.

— Это моя жена, — ответил сержант. Веркрамп понял, что допустил ошибку.

— Послушайте, — сказал лейтенант, — нельзя же показывать ее вместе с девками-кафирками.

— Нельзя, конечно, — согласился сержант. — Но я думал, что это может помочь.

— Чему помочь?

— Семейной жизни, — объяснил сержант. — Пони маете, она… э-э-э… немного склонна к флиртам, и я подумал, что хорошо бы сделать так, чтобы на нее ни один мужик и взглянуть не захотел.

Веркрамп изучающе посмотрел на изображение.

— Не думаю, что вам стоит так уж сильно беспокоиться, — сказал он и распорядился не показывать больше слайд с миссис Бишоф в общей подборке.

Добившись наконец, чтобы курс лечения во всем следовал разработанному им плану, лейтенант Веркрамп спустился в кабинет коммандан та и стал мучительно думать, что бы еще предпринять такое, чтобы его пребывание при исполнении обязанностей начальника полиции оставило о себе неизгладимый след. Он понимал, что следующий этап в его деятельности по-настоящему начнется вечером, когда начнут действовать его секретные агенты.

Глава седьмая

Приехав после обеда в Веезен и обнаружив, что по пятницам все закрывается очень рано, комендант начал уже было думать, что ему так никогда и не удастся отыскать дом Хиткоут-Килкуунов. Первое впечатление — что время в Веезене как будто остановилось — с лихвой подтвердилось при непосредственном знакомстве с городком, на улицах которого в эти послеполуденные часы не было ни души. Он побродил по центру в поисках почты, но когда нашел ее, то почта оказалась закрыта. Попытка заглянуть в магазин, в котором он побывал утром, закончилась столь же безуспешно. В конце концов комендант уселся в тени королевы Виктории и принялся созерцать покрытые пылью пушницы, высаженные в скверике вокруг памятника. Сидевшая на веранде расположенного напротив магазинчика собака какого-то странного желтоватого оттенка лениво почесывалась, и ее вид заставил коменданта вспомнить о той новой роли, которую он теперь играл. «Под палящим солнцем могут гулять только бешеные псы и англичане, — взбодрил себя комендант когда-то запомнившейся поговоркой и задумался о том, что стал бы делать настоящий англичанин в такое время дня в незнакомом ему городе. — Наверное, пошел бы ловить рыбу», — решил комендант и, поднявшись с неприятным чувством, что королева Виктория оценивает его весьма критически, сел в машину и поехал назад в гостиницу.

Дух опустошенности, которым было пропитано здание гостиницы, сейчас казался еще сильнее. Две мухи все еще сидели, как в ловушке, между створками вращающейся двери, но больше уже не жужжали. Комендант Ван Хеерден прошел пустым коридором к себе в комнату и взял удочку. При выходе возникли сложности: удочка и ведерко для рыбы не протискивались одновременно во вращающуюся дверь. Но в конце концов комендант все же выбрался наружу и направился по тропинке, извивавшейся среди густой зелени, в сторону реки. Около слива из огромной сточной трубы он остановился, посмотрел, в какую сторону течет река, и пошел вверх по течению, решив, что не стоит ловить рыбу, которая нагулялась на стоках. Найти участок берега, который не был бы сплошь покрыт зарослями, оказалось непросто. Но комендант все же отыскал подходящее местечко, уселся, выбрал самую многообещающую, на его взгляд, мушку — крупную, с ярко-красными крыльями — и забросил удочку. Вода в реке казалась неподвижной, и в ней не было видно признаков чьей-либо жизни, но комман-данта это не волновало. Он

занимался тем, чем должен был заниматься настоящий английский джентльмен в жаркий летний полдень. Отлично зная, что англичане редко демонстрируют образцы эффективности в делах, комендант сомневался и в том, что они способны кого-либо поймать, когда занимаются рыбной ловлей. Время текло неторопливо, и комендант, разморенный жарой, начал как бы грезить наяву, одновременно и подремывая, и с удивительной ясностью видя себя со стороны. Вот он стоит на берегу неизвестной ему реки — полный пожилой человек в непривычной ему одежде — и ловит непонятно кого. Странное занятие, но оно помогало расслабиться и наполняло какой-то удивительной умиротворенностью. Пьембург и полиция со всеми их проблемами остались далеко-далеко и не имели уже никакого значения. Ван Хеердену было совершенно безразлично, что там происходит. Он чувствовал себя бесконечно оторванным от всего этого. Здесь, в горах, он если еще и не стал самим собой, то по крайней мере сильно приблизился к состоянию полной душевной раскрепощенности. Комендант только было задумался над внутренним смыслом собственного восхищения всем английским, как чей-то голос прервал его грезы.

— О, за мушкой никогда не прячется крючок! — проговорил голос. Комендант обернулся и увидел глазеющего на него коммивояжера, страдающего вспучиванием от газов.

— Иногда как раз прячется, — ответил комендант, которому слова коммивояжера показались довольно-таки глупыми.

— Это цитата, цитата, — пояснил тот. — Боюсь, я их слишком часто употребляю. Издержки моей профессии. Это обычно вредит общению.

— Вот как, — нейтрально заметил комендант, понятия не имевший о том, откуда может быть взята эта цитата. Он смотал удочку и с огорчением заметил, что мушка с крючка куда-то пропала.

— Видите, я все же оказался прав, — сказал коммивояжер. — Весь покрытый чешуей, всемогущий и святой.

— Простите? — переспросил комендант.

— Еще одна цитата, — пояснил его собеседник. — Пожалуй, мне стоит представиться. Меня зовут Мальпурго. Я преподаю английский язык и литературу в университете Зулулэнда.

— Ван Хеерден, комендант полиции из Пьембурга, — в свою очередь представился комендант и был поражен эффектом, который произвели его слова. Мальпурго побледнел и казался откровенно встревоженным. — Что-нибудь не так? — спросил комендант.

— Нет… — потрясенно ответил Мальпурго. — Все в порядке.

Я просто… Ну, я и представить себе не мог, что вы… э-э-э… комендант Ван Хеерден.

— А вы что, слышали обо мне? — спросил комендант.

Мальпурго кивнул. Было очевидно, что ему действительно приходилось слышать раньше о коменданте. Ван Хеерден разобрал удочку.

— Думаю, я уже ничего сейчас не поймаю, — сказал он. — Уже слишком поздно.

— Самое хорошее время — вечером, — ответил Мальпурго, с любопытством разглядывая его.

— Правда? Интересно, — заметил комендант, и они двинулись вдоль берега назад, в сторону гостиницы. — Я тут впервые взялся за удочку. А вы, наверное, завзятый рыболов? Похоже, вы разбираетесь в этом деле.

— Мои знания почерпнуты исключительно из литературы, — признался Мальпурго. — Я пишу диссертацию о «Провидении».

Комендант Ван Хеерден был поражен.

— Это же страшно трудная тема? — спросил он.

— Это поэма Руперта Брука, — улыбнувшись, пояснил Мальпурго. — «Поэма о рыбе».

— Ах, вот оно что, — произнес комендант. Он никогда в жизни не слышал о Руперте Бруке, однако теперь его интересовало все, что касалось английской литературы. — А этот Брук — он кто, английский поэт?

Мальпурго подтвердил догадку Ван Хеердена.

— Он погиб во время первой мировой войны, — пояснил Мальпурго, и комендант выразил сожаление. — Дело в том, — продолжал преподаватель английской литературы, — что, на мой взгляд, эту поэму можно истолковать как простую аллегорию на тему состояния человека — la condition humaine, если вы понимаете, что я имею в виду, — но в ней есть также и более глубокий смысл, который можно истолковать в понятиях открытого Юнгом психоалхимического про цесса превращения.

Комендант кивнул. Он не понял ни слова из того, что сказал Мальпурго, но ему было приятно слушать столь умные речи. Ободренный этим молчаливым согласием, Мальпурго стал с энтузиазмом развивать свои идеи дальше.

— Например, строки «И несомненно, что добро родится как-то из воды и грязи» ясно указывают на стремление поэта ввести юнговскую концепцию камня и его первородства как первичной материи — prima materia, — никак в то же время не уводя внимания читателя от несерьезного, юмористического тона поэмы.

Они дошли до огромной сточной трубы, и Мальпурго помог

коммандантy перенести через нее его ведерко. Явная тревога, с какой он среагировал на первоначальное знакомство с комендантом, уступила у него место нервной говорливости в ответ на дружелюбный интерес со стороны коменданта, пусть даже и не окрашенный пониманием.

— Несомненно, это мотив индивидуализации, — продолжал рассуждать Мальпурго, пока они поднимались по дорожке от реки к гостинице. — На это явно указывают такие образы и сравнения, как «райские личинки»,[33] «неувядающие мотыльки»,[34] а также строка «И никогда не умирающий червяк».

— Да, наверное, — согласился комендант уже в вестибюле гостиницы, и они расстались. Ван Хеерден шел по коридору в свой номер «6 — Промывка кишок» в приподнятом настроении. Ему удалось провести послеобеденные часы действительно по-английски — за рыбной ловлей и интеллектуальной беседой. Начало отпуска оказалось удачным, в какой-то мере оно даже компенсировало разочарование, испытанное комендантом при первом знакомстве с гостиницей. По этому случаю комендант решил принять перед ужином ванну. Некоторое время он потратил в безуспешных поисках ванной комнаты, но в конце концов вернулся к себе в номер и умылся над раковиной, явно предназначенной — судя по ее внешнему виду — для этой самой цели и вряд ли использовавшейся для чего-либо другого. Как и предупреждал его старик, вода в кране, обозначенном: «Хол.», оказалась горячей. Комендант попробовал другой кран, но вода и там была такой же горячей. Комендант побрызгал на себя теплой водой из какой-то кишки, слишком толстой для того, чтобы ее можно было использовать для клизмы. Запах от воды, однако, шел весьма странный. Умывшись подобным образом, комендант уселся на кровать и прочел главу из «Берри и компания», благо до ужина еще оставалось время. Но ему не удалось полностью сосредоточиться на чтении. Как бы он ни садился, ему все время было видно собственное размытое отражение в зеркале платяного шкафа, и это создавало ощущение, будто в комнате постоянно присутствует кто-то еще. Чтобы избавиться от этого принудительного самосозерцания, комендант улегся на кровать и попробовал разобраться, что же именно втолковывал ему Мальпурго. Во время разговора он не понял ничего, сейчас ясности было еще меньше, однако у него в голове непрерывно крутилась строчка «И никогда не умирающий червяк». Он вспомнил, что червяка можно разрезать пополам, и каждая из половинок начнет жить самостоятельной жизнью. В это было трудно поверить: но вдруг, подумалось коменданту, если один конец червяка окажется смертельно болен, то другой сумеет

как-то отсоединиться от первого, от его смерти и сможет жить дальше. Возможно, что-то подобное имеют в виду, когда употребляют слово «терминальный».[35] Он никогда не мог понять смысла этого слова. Надо будет спросить Мальпурго, сразу видно, что тот — человек образованный.

Но когда он спустился в «Насосную» на ужин, Мальпурго там не было. Единственными компаньонами коммандanta оказались две пожилые леди, сидевшие в дальнем углу комнаты. Поскольку из-за журчания фонтана разобрать их перешептывание было совершенно невозможно, коммандант поужинал, можно считать, в тишине и теперь просто сидел, наблюдая за тем, как за Аардваркбергом темнело небо. Завтра он обязательно разыщет адрес Хиткоут-Килкуунов и даст им знать, что приехал.

В семидесяти милях от Веезена, в Пьембурге, вечер, не обещавший, казалось, никаких происшествий, ближе к полуночи стал неожиданно бурным. Начиная с половины двенадцатого, город с интервалами в несколько минут друг между другом потрясли двенадцать мощных взрывов. Тот факт, что все они произошли в стратегически важных местах, полностью подтверждал мнение лейтенанта Веркрампа о существовании в городе хорошо организованной и законспирированной сети подрывных элементов. После того как горизонт озарил взрыв последней из подложенных бомб, Пьембург еще глубже погрузился в тот мрак забвения, который, собственно, и придавал ему известность.[36] Теперь он лишился электричества, телефонной связи и радио. Благодаря рвению секретных агентов Веркрампа прекратились шоссейные и железнодорожные связи с внешним миром. И без того тонкие нити, соединявшие столицу с XX веком, оборвались полностью.

С крыши здания полицейского управления, по которой прогуливался, дыша воздухом, Веркрамп, зрелище этого преображения показалось ему захватывающим. Только что Пьембург еще представлял собой скопление ярких неоновых огней и паутину освещенных улиц, и вдруг в одно мгновение весь город погрузился в полную, кромешную темноту и стал неотличим от окружавших его холмов Зулулэнда. Неразличима стала и телевизионная башня, всегда заметно выделявшаяся на фоне окружающего пейзажа. Веркрамп поспешно направился с крыши вниз, в камеры, где единственные в городе люди, которые могли бы порадоваться перебою с электричеством, все еще продолжали в темноте получать удары током от приводимых в действие вручную генераторов. Утешением для добровольцев было разве что отсутствие теперь изображений обнаженных

черных женщин, поскольку диапроекторы тоже не работали.

В обстановке всеобщей паники только лейтенант Веркрамп сохранял удивительное спокойствие.

— Все в порядке, — прокричал он. — Волноваться не из-за чего. Продолжайте эксперимент, используйте обычные фотографии. — Веркрамп ходил от одной камеры к другой, раздавая фонари, которые он заранее приготовил, по-видимому, предполагая нечто подобное. Сержант Брейтенбах, как всегда, не разделял его спокойствия.

— Вам не кажется, что важнее было бы разобраться, почему отключилось электричество? — спросил сержант. — Мне послышалось, что было довольно много взрывов.

— Двенадцать, — многозначительно сказал Веркрамп. — Я их пересчитал.

— Двенадцать мощнейших взрывов среди ночи, и вас это никак не волнует? — спросил пораженный сержант. Нет, лейтенанта Веркрампа это не волновало.

— Я уже давно ожидал чего-то в этом роде, — честно сказал он.

— Чего ожидали?

— Того, что саботажники снова возьмутся за свое дело, — ответил лейтенант и направился вниз к себе в кабинет. За ним поспешал сержант Брейтенбах, все еще пребывавший во мраке и в прямом и в переносном смысле. Когда сержант добрался до кабинета коммандanта, лейтенант при свете аварийной лампы просматривал какой-то список. До сержанта внезапно дошло, что по непонятной ему пока причине Веркрамп оказался поразительно подготовлен к кризису, захватившему весь остальной город врасплох.

— Немедленно задержать всех, кто указан в этом списке, — приказал ему Веркрамп.

— Вы не собираетесь вначале выяснить, что все-таки произошло? — спросил сержант Брейтенбах. — Вы же даже не знаете, действительно ли эти взрывы были вызваны бомбами.

Лейтенант Веркрамп жестко посмотрел на него.

— У меня достаточно опыта борьбы против саботажников, чтобы суметь распознать взрыв бомбы, когда я его слышу, — ответил он. Сержант Брейтенбах решил, что лучше не спорить. Вместо этого он пробежал список, который вручил ему Веркрамп, и пришел в ужас от увиденного. Если Веркрамп был прав и нормальная жизнь в городе действительно была нарушена взрывами бомб, то последствия этого для общественной жизни в Пьембурге не шли бы ни в какое сравнение с тем хаосом, который мог бы последовать за арестом перечисленных в списке лиц.

Священники, члены муниципалитета, управляющие банками, юристы, даже сам мэр города — все они, похоже, находились у лейтенанта Веркрампа под подозрением. Сержант Брейтенбах поспешно положил список на стол. Он не хотел иметь с подобными делами ничего общего.

— Вам не кажется, что вы немного торопитесь? — нервно спросил он.

Нет, лейтенанту Веркрампу так не казалось.

— Если я прав — а я прав, — город стал жертвой преднамеренной акции саботажа. Все эти люди хорошо известны…

— Да уж, известней некуда, — пробурчал сержант.

— …как противники правительства, — продолжал исполняющий обязанности коменданта. — Многие из них были «садоводами».

— Садоводами? — удивился сержант, который не видел в этом ничего предосудительного. Он и сам был немножко садоводом.

— «Садоводы», — объяснил Веркрамп, — это секретная организация богатых фермеров и бизнесменов, которая во время общенационального референдума добивалась отделения Зулулэнда от Южноафриканского Союза. Они были готовы даже прибегнуть к силе. Среди них были и некоторые офицеры пьембургского кавалерийского полка, намеревавшиеся использовать оружие из полкового арсенала.

— Но это же было десять лет тому назад, — уточнил сержант Брейтенбах.

— Такие люди не меняют своих взглядов, — прочувствованно произнес Веркрамп. — Ты когда-нибудь сможешь простить англичан за то, что они сделали в концлагерях с нашими женщинами и детьми?

— Нет, — ответил сержант, у которого во време на бурской войны не было в концлагере никого из женщин и детей его семьи или родных, но который тем не менее знал, как надо правильно отвечать на подобные вопросы.

— Вот именно, — подтвердил Веркрамп. — А эти свиньи ничем от них не отличаются, и они никогда не простят нам того, что Зулулэнд перестал быть частью Британской империи. Они нас ненавидят. Неужели ты не понимаешь, как англичане нас ненавидят?!

— Да, — поспешно ответил сержант. Он видел, что Веркрамп начинает заводиться, и ему очень не хотелось при этом присутствовать. — Возможно, вы и правы.

— Возможно? — заорал Веркрамп. — Я всегда прав!

— Да, сэр, — подтвердил сержант еще более поспешно.

— Так вот, как же поступили эти «садоводы»? Они ушли на время в подполье, а потом стакнулись с коммунистами и либералами, чтобы разрушить ту прекрасную республику, которую создали мы, африканеры. И взрывы этих бомб — первый признак того, что они начали наступление. Но я не намерен сидеть сложа руки. Я им этого так не спущу. Я посажу этих негодяев в тюрьму и выжму из них всю правду прежде, чем они успеют навредить по-настоящему.

На этот раз сержант Брейтенбах дождался момента, когда лейтенант прервал свою тираду сам, и только тогда рискнул задать вопрос.

— А может быть, лучше вначале сообщить комманданту Ван Хеердену? Тогда, если что не так, ответственность будет на нем.

Но лейтенант Веркрамп и слышать об этом не желал.

— Половина проблем в нашем городе возникает только из-за того, как этот старый дурак относится к англичанам, — отпарировал лейтенант. — Он к ним чертовски мягок. Иногда мне даже кажется, что любит их больше, чем народ, к которому принадлежит сам.

Сержант Брейтенбах ответил, что он всего этого не знал. Единственное, что он знал, так это то, что деда комманданта застрелил какой-то англичанин после сражения под Паардебергом. Но про деда Веркрампа и этого нельзя было сказать: тот служил в армии буров, но при этом продавал лошадей англичанам. Однако сержант был человеком тактичным и решил не упоминать этот факт. Он снова взялся за список подлежавших аресту.

— А куда мы их всех посадим? — спросил сержант. — В камерах верхнего этажа мы лечим от пристрастия к кафиркам, а в подвале все забито.

— Отправляйте их прямо в тюрьму, — ответил Веркрамп, — и проследите, чтобы каждого помещали в отдельную камеру. Важно не дать им договориться друг с другом.

Через полчаса в дома тридцати шести наиболее влиятельных граждан Пьембурга нагрянула вооруженная полиция, и рассерженных и перепуганных обитателей прямо в пижамах препроводили в полицейские фургоны. Один или два арестованных оказали отчаянное сопротивление. Им спросонья показалось, будто начался бунт зулусов и восставшие явились убивать их прямо в постелях. Впрочем, причиной недоразумений послужила кромешная тьма, в которую ввергли весь город агенты Веркрампа. В стычках были ранены четыре полицейских, а владелец фирмы, торгующей углем, застрелил свою жену, чтобы

избавить ее от участи — оказаться изнасилованной толпами черных. Позднее, однако, он сообразил, что допустил ошибку.

К рассвету удалось арестовать практически всех из намеченного списка, хотя в ряде случаев возникли ошибки и недоразумения, в которых еще предстояло разобраться. Человек, выхваченный из объятий супруги мэра, оказался не высшим должностным лицом города, но его соседом. Когда наконец задержали самого мэра, тот почему-то решил, что его арестовывают за причастность к коррупции в высших сферах.

— Позор! — возмущался и протестовал мэр, когда его заталкивали в полицейский фургон. — Вы не имеете никакого права вмешиваться в мою частную жизнь! Меня избрал народ! — Но его протесты остались втуне.

Утром, поспав пару часов, лейтенант Веркрамп и сержант Брейтенбах проехали по тем точкам, где накануне произошли взрывы. Сержанта снова поразило, насколько точно ориентировался в обстановке исполняющий обязанности коменданта. Веркрамп, никого ни о чем не спрашивая, прекрасно знал, куда надо ехать. После того как на дурбанском шоссе они осмотрели остатки трансформатора, сержант спросил Веркрампа, что тот собирается делать дальше.

— Ничего, — к изумлению сержанта ответил Веркрамп. — Через несколько дней мы сможем арестовать всю коммунистическую организацию Зулулэнда.

— А что делать с теми, кого мы арестовали сегодня ночью?

— Они будут допрошены, и их показания позволят нам установить весь круг заговорщиков, — пояснил Веркрамп.

Пораженный сержант лишь качал головой.

— Чертовски хочется верить, что вы понимаете, что делаете, — только и сумел выговорить он. На обратном пути они заехали в тюрьму, где Веркрамп проинструктировал группу сотрудников службы безопасности, которым предстояло вести круглосуточные допросы.

— Действуйте как обычно, — наставлял он их. — Держите арестованных все время стоя. Не давайте им спать. Припугните их малость для начала. Скажите, что их будут судить по закону о терроризме и что они должны доказать свою невиновность. Никаких адвокатов — у них на это прав нет. Скажите им, что их могут держать под арестом сколь угодно долго и без всякой связи с внешним миром. Вопросы есть?[37]

— Любые, сэр? — поинтересовался один из присутствующих.

— Вы слышали, что я сказал, — резко ответил Веркрамп. — Я спросил, есть ли вопросы? — Подчиненные тупо смотрели на лейтенанта. Веркрамп отпустил их, и они отправились приступать

к своим нелегким обязанностям. Лейтенант Веркрамп посетил начальника тюрьмы Шнапса и извинился за временные неудобства, которые его служба вынужденно причиняет тюрьме и ее распорядку. Вернувшись в то крыло, где шли допросы задержанных, лейтенант Веркрамп обнаружил, что отданные им распоряжения исполняются точно.

— Кто выиграл чемпионат 1948 года? — орал сержант Шепперс на управляющего банком «Барклайз».

— Не знаю! — взвизгивал тот, уже успевший два раза получить в пах за отсутствие интереса к чемпионатам по крокету.

Веркрамп сделал сержанту знак выйти вместе с ним в коридор.

— Зачем вам это? — спросил он.

— По-моему, очень простой вопрос, — ответил сержант.

— Проще не бывает, — сказал Веркрамп и пошел в следующую камеру. Там настоятелю пьембургского собора удавалось пока избежать участи управляющего банком: священник смог назвать расстояние по шоссе от Йоханнесбурга до Кейптауна, возраст премьер-министра и расшифровку сокращения «США».

Вы же сами сказали — любые вопросы, — ответил допрашивающий, когда Веркрамп поинтересовался, чем они тут занимаются.

— Тупица безмозглый! — заорал Веркрамп. — Я спросил, есть ли вопросы, а не приказывал вам задавать любые вопросы вообще. Мне что — по слогам или по буквам диктовать вам надо, а?!

— Слушаюсь, сэр, — ответил подчиненный. Веркрамп снова собрал всех, кто вел допросы, и уточнил отданные прежде распоряжения.

— Нам нужны доказательства того, что все эти люди вступили в заговор с целью насильственного свержения правительства, — объяснил лейтенант и заставил подчиненных записать эти слова. Во-вторых, нам нужны доказательства того, что они активно подстрекали черных к восстанию. — Эти слова тоже были записаны. — В-третьих, что они получали деньги из-за границы. В-четвертых, что все они — коммунисты или симпатизируют коммунистам. Все понятно?

Сержант Шепперс спросил, может ли он передать мэру, что один из членов городского муниципалитета назвал его рогоносцем.

— Разумеется, — сказал Веркрамп. — Скажите ему, что этот член муниципалитета готов представить доказательства своего утверждения. Заставьте их начать давать показания друг против

друга, и тогда мы раскопаем все до самых корней.

Допрашивающие разошлись по камерам с записанными вопросами, и работа возобновилась. Убедившись, что на этот раз его люди занимаются делом, лейтенант Веркрамп вернулся в полицейское управление и поинтересовался, нет ли вестей от его агентов. Никаких сообщений не поступало, и лейтенант испытал известное разочарование. Поразмыслив, однако, он пришел к выводу, что ожидать конкретных результатов пока еще рано.

Тогда он решил проверить эффективность лечения, которое проходили собранные наверху добровольцы. Лечение продолжалось, о чем свидетельствовали непрерывно доносившиеся оттуда крики и стоны. Он вызвал сержанта Брейтенбаха и приказал ему доставить из подвала какую-нибудь черную девку.

Сержант ушел и вскоре вернулся с чернокожей женщиной, которую он явно счел подходящей кандидатурой. Ей было добрых пятьдесят восемь лет, и последние лет тридцать из них ее вряд ли можно было назвать красавицей. Лейтенант Веркрамп при виде нее пришел в ужас.

— Я сказал «девку», а не «старуху», — заорал он на сержанта. — Уведи ее и приведи нормальную девку.

Сержант Брейтенбах повел женщину назад в подвал, искренне недоумевая, почему семидесяти- или восьмидесятилетнего негра можно назвать «боем», а негритянку такого же возраста назвать девкой нельзя. Ему это казалось странным. В конце концов он выбрал очень крупную черную девушку и приказал ей следовать за ним наверх. Но чтобы доставить ее на верхний этаж, потребовались десять минут и восемь полицейских, причем у одного оказался в итоге сломан нос, а другой жаловался, что остался без яиц. Веркрампу, однако, и на этот раз угодить не удалось.

— Вы что, считаете, что она может понравиться нормальному мужику? — спросил он, глядя на избитую и потерявшую сознание фигуру, которую констебли тщетно пытались удержать на ногах. — Мне нужна симпатичная кафирка, которая бы любому показалась привлекательной.

— Ну, пойдите и выберите сами, — ответил ему сержант Брейтенбах. — Поглядите, что получится, когда вы зайдете в камеру и скажете какой-нибудь красивой негритянке, что ее хотят видеть полицейские на верху.

— Ваша беда, сержант, — говорил ему Веркрамп, когда они вместе спускались в подвал, — в том, что вы не понимаете человеческую психологию. Если вы хотите, чтобы люди для вас что-то сделали, вовсе ни к чему их запугивать. Особенно черных.

Их надо убеждать. — Они остановились перед дверью камеры, сержант отпер ее и втолкнул внутрь крупную негритянку. Веркрамп перешагнул через нее и оглядел жавшихся к стенам женщин.

— Ну-ну, нечего бояться, — успокоил он их. — Кто из вас, девочки, хочет подняться с нами наверх и посмотреть картинки? Хорошие картинки.

Добровольцев не было. Веркрамп сделал еще один заход.

— Нечего бояться. Вам никто не сделает ничего плохого.

Находившиеся в камере женщины молчали, только стонала девушка, лежавшая на полу. Кислая улыбка, державшаяся на лице Веркрампа, исчезла окончательно.

— Давайте эту, — приказал он констеблям, и в следующий момент тонкую черную девушку поволокли наверх.

— Вот что я имею в виду, говоря о психологии, — говорил лейтенант Веркрамп сержанту, пока они поднимались обратно. Но сержант по-прежнему сомневался.

— Здоровую, как я заметил, вы не выбрали, — сказал он.

На верхнем этаже несколько полицейских из числа тех, кого Веркрамп внес в список нуждающихся в лечении, с готовностью сорвали с девушки одежду и, голую, провели перед пациентами устроенной лейтенантом больницы. Веркрамп был крайне обрадован, когда со стороны последних не последовало никакой реакции.

— Ни у одного нет эрекции, — удовлетворенно констатировал он. — Вот научное доказательство того, что лечение действует.

Но сержант Брейтенбах был, как всегда, настроен более скептически.

— За двое суток они не проспали и минуты, — воз разил сержант. — Поставьте здесь хоть голую Мэрилин Монро, они и на нее не среагируют.

Веркрамп неодобрительно посмотрел на сержанта.

— Фома неверующий, — буркнул он.

— Ничего подобного, — запротестовал сержант. — Я лишь говорю, что если вы хотите действительно научную проверку эффективности лечения, то надо привести сюда белую и показать им. — Но лейтенанта Веркрампа подобное предложение привело в бешенство.

— Омерзительная идея, — заявил он. — Как можно подвергать белую девушку столь отвратительной процедуре!

Он распорядился продолжать лечение еще по меньшей мере два дня.

— Еще два дня такого, и я помру, — простонал один из

добровольцев.

— Лучше помереть, чем спать с черными, — ответил Веркрамп и отправился к себе в кабинет разрабатывать планы массового лечения остальных пятисот девяноста человек, временно находившихся под его командованием.

Тем временем в кафе «У Флориана» секретные агенты Веркрампа добились потрясающих успехов в поисках участников подрывного движения. После многих лет отчаяния, когда они непрерывно вращались в либеральных кругах, но так и не смогли отыскать там никого, кто был хотя бы отдаленно связан с коммунистической партией или же был бы готов признать, что одобряет насильственные способы изменения власти, внезапно агенты напали на довольно значительное число таких людей. Агент 745 396 обнаружил агента 628 461, которому, похоже, было что рассказать о взрыве на телефонном узле. У агента 628 461 осталось совершенно четкое впечатление, что номер 745 396 не совсем непричастен к уничтожению трансформатора на дурбанском шоссе. В столовой университета агент 885 974 случайно натолкнулся на агента 378 550 и постарался прощупать, что тот знает о причинах, по которым замолчало радио. В свою очередь он намекнул 378 550, что мог бы сообщить тому кое-что о бомбе, повредившей железнодорожный мост. Каждый из агентов Веркрампа в Пьембурге смог доложить, что продвинулся в выполнении полученного задания. Они лихорадочно шифровали свои донесения и, в соответствии с инструкциями, закладывали их в тайники. На следующий день уверенность каждого из агентов, что он наконец-то выходит на действительно крупное дело, окрепла еще больше после того, как агенты 745 396 и 628 461, договорившиеся встретиться в университетской столовой, внезапно нашли там благодарную аудиторию в лице агентов 885 974 и 378 550. Двум последним накануне так повезло, на их взгляд, в этом месте, что каждый из них решил на следующий день попытать там счастья снова. Заговор явно разрастался. Веркрамп был по горло занят расшифровкой поступавших ему донесений. Этот и без того сложный процесс затруднялся еще более тем, что Веркрамп понятия не имел, в какой день недели было отправлено то или иное донесение. Так, донесение агента 378 550 было обнаружено в корнях одного из деревьев в городском парке. Этот тайник агенту следовало использовать по воскресеньям. Однако, вооружившись кодом, предназначенным для воскресений, и проработав два часа, Веркрамп из случайного набора букв сумел извлечь некий набор слов, но он оказался столь же случайным. Во всяком случае, понять из него что-либо было невозможно. Тогда он попробовал

расшифровать записку субботним кодом. Слова получились другие, но их бессвязность оставалась прежней. При этом и словарный запас расшифрованного текста оказывался весьма ограниченным. Веркрамп проклинал себя за то, что для субботних кодов решил воспользоваться пьембургским каталогом луковичных растений только на том основании, что его легко достать. Лейтенант решил испробовать пятничный шифр и наконец-то смог прочесть донесение, в котором говорилось, что агент 378 550 выполнил полученные инструкции и в настоящее время меняет место жительства. Потратив на расшифровку этого послания в общей сложности шесть часов, Веркрамп полагал, что затраченные им усилия заслуживают более впечатляющего информационного вознаграждения. Он взялся за донесение агента 885 974 и с удовлетворением обнаружил, что оно с первого же раза поддалось верной расшифровке и содержало кое-какую полезную информацию. Агент докладывал, что установил контакт с несколькими лицами, которых он подозревает в подрывной деятельности, но испытывает трудности с закладкой тайника, поскольку за ним непрерывно следят.

Оказалось, что следили не только за агентом 885 974. Стремясь установить адреса, где проживали саботажники, секретные агенты Веркрампа дни напролет выслеживали друг друга по всему Пьембургу. Каждый день они покрывали огромные расстояния и, добравшись вечером до дому, буквально валились с ног от усталости. У них не оставалось сил даже на то, чтобы зашифровать очередное донесение, которого с нетерпением ждал Веркрамп. А кроме того, в соответствии с полученными от лейтенанта указаниями агенты должны были ежедневно менять место жительства, но для этого нужно было заранее найти новое жилье. В результате с каждым днем представления Веркрампа о происходящем все больше запутывались, тем более что каждый агент время от времени менял еще имя и образ, в котором работал. К понедельнику агент 628 461 сам уже не был уверен ни в том, кто он сегодня есть, ни в том, где он живет, ни даже в том, какой сегодня день недели. Но еще более смутными были его представления о том, где живет агент 745 396. На протяжении пятнадцати миль он неотрывно преследовал того по бесчисленным улицам и переулкам Пьембур-га, так что в итоге 745 396 отказался от попыток избавиться от «хвоста» и вернулся в дом на Бишоф-авеню, где с удивлением узнал, что съехал отсюда два дня тому назад. В конце концов ему пришлось спать в парке на скамейке. Агент 628 461, сбивший до кровавых мозолей ноги во время этой погони, собрался было возвращаться к себе, но внезапно обнаружил, что за ним самим тоже кто-то следит. Он

захромал побыстрее, но звук чьих-то шагов позади не отставал. 628 461 решил отказаться от борьбы. Ему было уже наплевать, выследит его кто-нибудь или нет. «Все равно утром уезжать отсюда», — думал он, поднимаясь по лестнице пансионата, в котором остановился на этот раз. Проводив его до двери дома, агент 378 550 вернулся в собственное прибежище и потратил всю ночь на то, чтобы написать и зашифровать донесение лейтенанту Веркрампу, в котором он сообщал адрес выслеженного им подрывного элемента. Но поскольку начинал он писать это донесение в половине одиннадцатого вечером в понедельник, а закончил в два часа ночи во вторник, Веркрампу пришлось с большими, чем обычно, трудностями докапываться до его смысла. При расшифровке кодом понедельника первая часть донесения казалась осмысленной, вторая же представляла собой какой-то странный набор слов. С вторничным кодом получалось наоборот: конец фразы обретал смысл, начало же утрачивало его. К тому времени, когда лейтенант Веркрамп отказался от попыток что-либо понять в этом донесении, устраивать облаву в пансионате было бы все равно уже бессмысленно: 628 461, ночевавший тут под именем Фредерика Смита, успел утром съехать и уже зарегистрировался в другом месте под именем Пита Ретифа.

Не только лейтенант Веркрамп испытывал затруднения, пытаясь разобраться, что же происходит вокруг. Нечто подобное переживали также и миссис Хиткоут-Килкуун, и комендант Ван Хеерден.

— Вы уверены, что его там нет? — допытывалась миссис Хиткоут-Килкуун у майора, которого она ежедневно посылала в Веезен сообщить коменданту, что его ждут к обеду.

— Совершенно уверен, — отвечал майор Блоксхэм. — Я просидел в баре почти час, и он так и не появился. Я спросил у бармена, не видал ли тот его. Тоже нет.

— Очень странно, сказала миссис Хиткоут-Килкуун. — Он же совершенно определенно написал, что остановится в гостинице.

— На мой взгляд, чертовски странное было это письмо, — проговорил полковник. — «Дражайшая Дафния, комендант Ван Хеерден имеет удовольствие…»

— Мне оно показалось очень милым, — перебила его миссис Хиткоут-Килкуун. — Оно доказывает, что у коменданта есть своеобразное чувство юмора.

— Мне это не показалось чувством юмора, — сказал майор, до сих пор не вполне еще пришедший в себя после встречи с комендантом.

Лично мне кажется, что мы должны быть благодарны за

маленькие подарки судьбы, — сказал по лковник. — По-моему, эта скотина все-таки не приедет. — И полковник вышел в расположенный позади дома двор, где Харбингер вываживал крупную черную лошадь. — Все готово на завтра, Харбингер? Фокс в хорошей форме?

— Сегодня утром гонял его на пробежку, — ответил Харбингер, худой человек с короткой стрижкой и узко поставленными глазами. — Он довольно резво бежал.

— Отлично, отлично, — сказал полковник. — Что ж, утром выезжаем как можно раньше.

Миссис Хиткоут-Килкуун, остававшаяся в доме, никак не могла понять причины отсутствия коммандан та.

— А вы уверены, что спрашивали в той самой гостинице? — допрашивала она майора.

Я зашел в магазин и спросил, где гостиница, — объяснял ей майор. — Продавец попытался всучить мне кровать. Похоже, он почему-то решил, что мне нужно именно это.

— В высшей степени странно, — проговорила миссис Хиткоут-Килкуун.

— Я сказал, что кровать мне не нужна, — продол жал майор. — В конце концов он показал мне гостиницу, она прямо через дорогу.

— И там о нем ничего не слышали?

— Там совершенно ничего не слышали о человеке, которого звали бы коммандант Ван Хеерден.

— Может быть, он приедет завтра, — с тоской в голосе сказала миссис Хиткоут-Килкуун.

Глава восьмая

Хотя комендант Ван Хеерден даже и не подозревал о тех зловещих событиях, что развернулись в его отсутствие в Пьембурге, тем не менее первую ночь на курорте в Веезене он провел без сна. Прежде всего, ему страшно действовал на нервы сильный запах серы. А кроме того, один из находящихся в комнате многочисленных кранов время от времени вдруг разражался каплей, предпочитая делать это через неравные интервалы. Комендант попытался избавиться от серной вони, разбрызгав по комнате дезодорант, который он прихватил специально для того, чтобы ненароком не оскорбить обоняние миссис Хиткоут-Килкуун. Однако получившаяся в результате смесь запахов оказалась гораздо противнее, чем аромат одной только серы. К тому же у коменданта от нее начали слезиться глаза. Он поднялся и открыл окно, чтобы проветрить комнату, но налетели комары. Комендант снова закрыл окно и, включив свет, тапочкой перебил комаров. Только он улегся в постель, как из крана сорвалась вниз очередная капля. Ван Хеерден снова встал, затянул изо всех сил все шесть кранов и лег опять. На этот раз он уже почти было заснул, когда водопроводные трубы вдруг глухо зарокотали и завибрировали — где-то образовалась воздушная пробка. С этим комендант уже ничего не мог поделать и поэтому просто лежал, слушал гудение труб и наблюдал, как восходит луна из-за матового стекла окна, казавшаяся как бы окутанной туманом. Уже на рассвете он наконец заснул, но в половине восьмого его разбудила цветная служанка, принесшая чашку чая. Комендант уселся на кровати и начал пить. Он сделал несколько глотков, прежде чем почувствовал, что чай на вкус просто ужасен. Сознание его мгновенно пронзила мысль, что он стал жертвой попытки отравления, но потом он понял, что отвратительный вкус чая объясняется присутствием все той же серы. Комендант почистил зубы, но вода, которой он полоскал рот, была столь же омерзительной на вкус. Окончательно разозлившись, комендант умылся, оделся и пошел в «Насосную» завтракать.

— Фруктовый сок, — ответил он официантке, поинтересовавшейся, что комендант будет пить. Когда она принесла стаканчик сока, он тут же заказал второй. Тщательно прополоскав рот соком, он почти избавился от неприятного привкуса серы.

— Яйца всмятку или яичницу? — спросила официантка. Комендант заказал яичницу, полагая, что жареное не будет

отдавать всепроникающей серой. Когда в зале появился старик и подошел поинтересоваться, все ли в порядке, коммандант воспользовался возможностью и попросил обычной свежей воды.

— Свежей воды? — удивился старик. — Вода здесь такая, что свежее не бывает. Прямо от матушки природы, как она ее сделала. Горячий источник непосредственно под нами. Можно сказать, приходит к нам прямо из земных недр.

— Похоже, что действительно оттуда, — ответил коммандант.

Вскоре в столовой появился и Мальпурго, усевшийся на свое обычное место — за столик возле фонтана.

— Доброе утро! — весело поприветствовал его коммандант. В ответ он услышал холодно произнесенное: «Доброе», что несколько задело чувства коммандanта, однако он решил попробовать сделать второй заход.

— Как сегодня наше вспучивание? — дружелюбно спросил он.

Мистер Мальпурго заказал себе на завтрак пшеничные хлопья, яичницу с ветчиной, тост с джемом и только после этого ответил:

— Вспучивание? Какое вспучивание?

— Вы вчера говорили, что страдаете вспучиванием от газов, — сказал коммандант.

— Ах, это, — ответил Мальпурго тоном человека, который не любит, когда ему напоминают, о чем он говорил накануне. — Намного лучше, благодарю вас.

Коммандант отказался от предложенного официанткой кофе и попросил третий стакан фруктового сока.

— Я все думаю о том червяке, о котором вы рассказывали вчера. Червяке, который никогда не умирает, — сказал коммандант, пока Мальпурго пытался срезать шкурку с непрожаренного кусочка ветчины. — А что, червяки на самом деле не умирают?

Взгляд Мальпурго выразил сомнения и недоверие.

— Насколько я понимаю, черви тоже смертны и подвержены всем последствиям этого, — ответил он наконец. — Они прекращают свое бренное существование в среднем в том возрасте, который примерно соответствует сорока пяти годам человеческой жизни. — Мальпурго вновь сосредоточился на яичнице, оставив коммандanта гадать, что значат слова «прекратить бренное существование» применительно к червяку. Что вообще означает «бренное существование»? По звучанию это скорее напоминает название какого-нибудь радиоприбора.

— Но вы же говорили о червяке, который этого не делает, —

сказал комендант после довольно продолжительных размышлений.

— Чего не делает?

— Не умирает.

— Это была метафора, — ответил Мальпурго. — Я говорил в переносном смысле о рождении заново после смерти. — Под влиянием настырного любопытства коменданта Мальпурго постепенно и неохотно, но втянулся в подробнейшее обсуждение этой проблемы, что вовсе не входило в его планы на утро. Он собирался спокойно поработать у себя в комнате над диссертацией. Вместо этого после завтрака они больше часа прогуливались вдоль реки, и Мальпурго убежденно доказывал, что занятия литературой как бы прибавляют читателю еще одну жизнь. До коменданта его рассуждения доходили с большим трудом. Иногда Ван Хеерден воспринимал отдельную фразу, если она была составлена из слов, смысл которых был ему хотя бы отдаленно понятен. Но по большей части он просто млел от восхищения перед интеллектуальным великолепием своего спутника. Комендант совершенно не представлял себе, что может подразумеваться под такими понятиями, как «эстетическая подготовленность» или «развитость чувств». Правда, из слов «эмоциональная анемия» можно было сделать вывод, что человеку не хватает твердости характера. Но все это были мелочи, не имевшие никакого значения. Главным же было то, что, по словам мистера Мальпурго — при всех его бесконечных перескакиваниях с пятого на десятое, — выходило, что человек, всерьез занявшийся литературой, может тем самым обрести как бы второе рождение. Во всяком случае, именно такой смысл увидел комендант в том, о чем говорил Мальпурго. И этот вывод, обретенный от столь образованного и хорошо информированного человека, укреплял в коменданте надежду, что в один прекрасный день он достигнет столь долгожданного внутреннего преображения.

— А как вы думаете, из людей, которым было пересажено сердце, может получиться что-нибудь путное в дальнейшем? — спросил Ван Хеерден, когда Мальпурго сделал в своих разглагольствованиях паузу, чтобы перевести дух. Почитатель Руперта Брука подозрительно уставился на коменданта. У Мальпурго уже не первый раз возникало ощущение, что его просто разыгрывают. Но лицо коменданта светилось какой-то гротескной наивностью, и это действовало разоружающе.

Поэтому Мальпурго предпочел истолковать услышанное так: комендант весьма оригинально, по-своему, но выдвигает те же самые аргументы в пользу науки, а не литературы, какие

приводил Ч. П. Сноу в его знаменитом споре с Ф. Р. Ливисом. Если же комендант имел в виду что-то другое… Но Мальпурго не представлял себе, о чем еще может идти речь.

— Наука занимается лишь тем, что лежит вне человека, — ответил он. — А надо изменить природу человека изнутри.

— Мне кажется, пересадка сердца именно это и делает, — сказал комендант.

— Пересадка сердца ни в коей мере не меняет природу человека, — возразил Мальпурго, усматривавший в словах коменданта не больше смысла, чем комендант — в его собственных. Он вообще не видел никакой взаимосвязи между пересадкой органов и развитостью чувств человека и потому решил сменить тему, пока разговор не потерял окончательно всякий смысл.

— Вы хорошо знаете эти горы? — спросил Мальпурго.

Комендант ответил, что он сам никогда здесь не бывал, но его прапрадед переходил через них во время Великого похода.

— И он обосновался в Зулулэнде? — поинтересовался Мальпурго.

— Его тут убили, — ответил комендант. Мальпурго выразил свои соболезнования.

— Около Дингаана,[38] — продолжал комендант. — Моя прапрабабушка оказалась одной из тех немногих женщин, которым удалось пережить резню у Черной реки. Зулусы обрушились совершенно неожиданно и зарубили всех насмерть.

— Какой ужас, — пробормотал Мальпурго. Он хуже знал историю своей семьи и не помнил собственную прапрабабушку, но, во всяком случае, был уверен, что ее никто не убивал.

— Это — одна из причин, почему мы не доверяем кафрам, говорил комендант, развивая свою мысль.

— Ну, подобное повториться уже не может, — сказал Мальпурго.

— С кафрами никогда не знаешь наверняка, — возразил комендант. — Черного кобеля не отмоешь до бела.

Либеральные наклонности Мальпурго заставили его высказать свое несогласие.

— Ну не хотите же вы сказать, что современные африканцы продолжают оставаться дикарями, мягко возразил он. — Я встречал среди них весьма высокообразованных людей.

— Все черные — дикари, — яростно настаивал комендант, — и чем они образованней, тем опасней. Мистер Мальпурго вздохнул.

— Такая прекрасная страна, — сказал он. — Как жаль, что люди разных рас не могут в ней мирно уживаться друг с другом.

Комендант Ван Хеерден с недоумением посмотрел на него.

— Моя работа отчасти как раз в том и состоит, чтобы не допускать совместной жизни представителей разных рас, — проговорил он, и в голосе его почувствовались предупреждающие нотки. Послушайтесь моего совета и выбросьте подобные идеи из головы. Мне бы очень не хотелось, чтобы такой приятный молодой человек, как вы, угодил в тюрьму.

Мальпурго остановился как вкопанный и, заикаясь, начал оправдываться:

— Я вовсе не имел в виду, что…

— А я и не говорю, будто вы имели в виду, — добродушно перебил его комендант. — Подобные идеи хоть раз в жизни, да посещают каждого из нас. Но лучше всего о них позабыть. Если кому-то хочется жить с черным, пусть едут в Лоренсу-Маркиш. У португальцев это можно, на совершенно законных основаниях. И девочки у них там красивые, уж можете мне поверить. — Мальпурго перестал икать, но продолжал смотреть на коменданта с беспокойством. Работа в университете Зулулэнда не подготовила его к подобным ситуациям.

— Видите ли, — продолжал комендант, когда они двинулись дальше по берегу, — мы ведь о вас, интеллектуалах, знаем все. И про эти ваши разговорчики насчет образования для кафров, равенства и тому подобного. Мы за вами наблюдаем, не думайте.

Мальпурго это не успокоило. Он отлично понимал: полиция постоянно следит за всем, что делается в университете. Думать иначе у него не было никаких оснований, для этого слишком часто в университете устраивались облавы. Поэтому он стал размышлять о том, не подстроил ли комендант их встречу специально для того, чтобы иметь возможность допросить его, — мысль, которая вызвала у Мальпурго новый приступ икоты.

— В нашей стране есть только один настоящий вопрос, — продолжал комендант, совершенно не подозревая, какие чувства вызывает этот разговор у его собеседника, — и вопрос этот заключается в том, кто на кого будет работать: я на кафра или он на меня? Что вы на это скажете?

Мальпурго попытался высказаться в том смысле, что неспособность людей сотрудничать друг с другом достойна сожаления. Однако, поскольку он при этом продолжал часто икать, мысль получилась невразумительной.

— Ну, если я разрабатываю, скажем, золотую шахту, то вовсе не за тем, чтобы сделать богатым какого-нибудь черномазого негодяя, — ответил комендант, не обращая внимания на икоту спутника: он решил, что у того очередной приступ вспучивания

от газов. — И я не потерплю такого положения, когда мне пришлось бы мыть машину какому-нибудь кафру. Человек человеку — волк. А я — волк более крупный и сильный. Вот о чем вы, интеллектуалы, постоянно забываете.

Изложив таким образом свою жизненную философию, комендант решил, что пора поворачивать назад к гостинице.

— Мне еще надо найти, где живут мои друзья, — пояснил он.

Какое-то время они шли назад молча. Мальпурго обдумывал про себя тот спенсеровский[39] взгляд на общество, который высказал комендант. А Ван Хеерден, позабыв свои собственные слова насчет отмывания черного кобеля, раздумывал над тем, сможет ли чтение превратить его в настоящего англичанина.

— А как вы изучаете какую-нибудь поэму? — спросил он через некоторое время.

Мальпурго с удовольствием вернулся к обсуждению своей диссертации.

— Самое главное — это правильно вести записи, — сказал он. — Я делаю выписки и снабжаю их перекрестными ссылками, и все это свожу в досье. Например, Брук часто пользуется таким образом, как запах. Он присутствует у него в таких стихотворениях, как «Жажда», «Второсортный» и, конечно, в «Рассвете».

— Да, везде этот запах, — согласился комендант. — А вода — в ней же одна сера!

— Сера? — рассеянно переспросил Мальпурго. — Да, сера тоже есть. В стихотворении «Последняя красота». Там есть такая строчка: «И бросить серы на багряный грех».

— Насчет греха не знаю, — недовольно заметил комендант, — но сегодня утром в чай мне серы бросили, это точно.

За то время, пока они, беседуя, возвращались к гостинице, Мальпурго пришел к заключению, что у коменданта все-таки нет к нему профессионального интереса. Он успел дважды прочесть коменданту поэму «Провидение», подробно объяснил, что означают слова «рыба, пресытившаяся мошкарой», и уже начал считать коменданта, несмотря на его высказывания, в общем-то приятным человеком, однако…

— Должен сказать, — у вас необычные интересы для полицейского, — снисходительно проговорил Мальпурго, когда они уже поднимались по лестнице на террасу. — Из газет у меня сложилось другое впечатле ние.

Комендант Ван Хеерден мрачно усмехнулся.

— В газетах обо мне пишут массу лжи, — сказал он. — Слухам нельзя верить.

— Не настолько черны, как вас малюют? — улыбнулся Мальпурго.

Комендант остановился как вкопанный.

— Кто это называет меня черным? — мгновенно рассвирепел он.

— Никто. Никто не называет, — поспешил успокоить Мальпурго, пораженный этой его вспышкой. — Просто так говорят.

Но комендант Ван Хеерден его не слушал.

— Я белый! — гремел он. — Такой же белый, как и все другие! И если я услышу, что кто-то утверждает иное, я оторву этой скотине яйца. Слышите? Я кастрирую всякого, кто станет это утверждать! И не повторяйте при мне подобного! — С этими словами он с такой силой крутанул вращающуюся дверь, что две вечно спавшие там мухи поневоле оказались выброшенными на свободу. Мальпурго, оставшийся на террасе, облокотясь на перила, старался успокоить вновь охвативший его приступ икоты. Когда наконец бешеное вращение двери прекратилось, Мальпурго собрался с силами и, шатаясь, побрел по коридору к своей комнате. Взяв в своем номере ключи от машины, комендант Ван Хеерден тем временем снова вышел на улицу. Внутри у него все кипело от оскорбления, нанесенного его происхождению.

— Я белый, не хуже других! — продолжал он возмущаться вслух, шествуя мимо пропалывавшего клумбу садовника-зулуса и не обращая на него никакого внимания. Продолжая злиться, он уселся в машину и погнал в Веезен. Когда, припарковавшись на пыльной площади городка, он поднимался по ступенькам местного торгового центра, настроение у него все еще было хуже некуда. В магазине несколько фермеров спокойно ожидали своей очереди. Не обращая на них никакого внимания, комендант прошел прямо к стоявшему за прилавком сухопарому пожилому человеку.

— Знаешь, где живут Хиткоут-Килкууны? — спросил он.

Продавец проигнорировал вопрос и продолжал заниматься с покупателем.

— Я спросил — ты знаешь, где живут Хиткоут-Килкууны? — повторил комендант.

— Я слышал, — ответил продавец и замолчал снова.

— Ну?

— Я обслуживаю, — сказал продавец. Среди фермеров послышался ропот, но комендант находился в слишком скверном расположении духа, чтобы придать этому значение.

— Я задал вежливый вопрос, — продолжал требовать он.

— Но в невежливой форме, — ответил продавец. — Если вам

нужен ответ, встаньте в очередь, дождитесь и спросите, как положено.

— Ты знаешь, кто я такой? — рассвирепел комман дант.

— Нет, — ответил продавец, — и не интересуюсь. Но вы находитесь в моем магазине. И если не хотите вести себя здесь как следует, можете убираться.

Коммандант злобно огляделся по сторонам. Все, кто находился в магазине, смотрели на него недружелюбно. Он развернулся и, громко топая, вышел на окружавшую магазин веранду. Кто-то за его спиной засмеялся, и до него донеслись слова: «Вот чертова обезьяна!» Его давным-давно уже никто не называл обезьяной. А сегодня вначале назвали черным, а теперь вот еще и обезьяной. На мгновение он застыл на месте, стараясь совладать с охватившим его гневом, а потом повернулся и снова вошел в магазин.

Он остановился в дверном проеме, и на фоне залитой солнцем площади фигура его смотрелась черным силуэтом. Все, кто был в магазине, уставились на него.

— Меня зовут Ван Хеерден, — произнес он негромким, но зловещим голосом. — Я коммандант полиции в Пьембурге. И вы меня еще вспомните. — В любом другом месте в Зулулэнде подобное заявление имело бы эффект разорвавшейся бомбы, но здесь оно не про извело никакого впечатления.

— Тут у нас Малая Англия, — ответил продавец, — пшел вон.

Коммандант повернулся и вышел. Ему сказали «пшел вон», как собаке. Такого оскорбления он не забудет никогда. Ничего не видя вокруг от ярости, он проковылял по ступенькам вниз и какое-то время постоял на улице, сжав зубы и искоса недоброжелательно поглядывая на великую королеву, непритязательная самонадеянность которой уже больше не казалась ему притягательной. Ему, коммандан ту Ван Хеердену, человеку, предки которого на руках протащили свои повозки через горы Аардварк, одержали победы над зулусами у Кровавой реки и над англичанами возле Спион-Коп, — ему сказали «пшел вон», как какой-нибудь кафрской собаке. И сказали те, чьи предки, не чуя под собой ног, удирали и из Индии, и из Египта, и из Кении при первых же признаках опасности.

— Глупая старая сука! — обозвал коммандант статую и, повернувшись к ней спиной, отправился на по иски почты. Пока он шел, гнев его постепенно прохо дил, уступая место удивлению и изумлению перед са монадеянностью англичан. «Малая Англия» — этот высохший продавец как будто бы даже гордился тем, что его местная «англия» такая маленькая! Для коммандан та Ван Хеердена все это было за пределами здравого смысла. Он брел по

тротуару, с грустью размышляя над злой, даже преступной игрой судьбы, которая дала ему в руки власть, но не сопроводила эту власть внутренней самоуверенностью, совершенно не обходимой, чтобы можно было практически править. Со стороны это могло бы показаться странным, но комендант почему-то внутренне признавал право продавца обходиться с ним как с собакой независимо от того, кем и чем он был. «Я всего лишь бур, паршивый буришка», — думал комендант, испытывая неожиданный приступ жалости к себе. Он был один в чуждом и враждебном ему мире. За ним не стоял свой народ. Случай забросил его, и то лишь на время, в окружение чужих народов и племен. У англичан был свой Остров — холодный, но для них гостеприимный северный край, куда они всегда могли вернуться. У черных была их Африка — огромный континент, полностью изгнать их с которого не могла бы никакая сила и никакой закон. Он же был африканером, и между ним и забвением стояли лишь его собственные ум, воля и силы. Его дом здесь, и только здесь. Отпущенное ему время — сейчас. Оно пройдет и не оставит после себя ничего, что напоминало бы о его, коменданта, существовании. Расстроенный этими мыслями, Ван Хеерден свернул в переулок, где находилась почта.

Миссис Хиткоут-Килкуун, сидя на ферме «Белые леди», от нечего делать перелистывала страницы «Иллюстрейтед Лондон ньюс» месячной давности в тщетной надежде хоть так немножко разогнать скуку. Устав от этого занятия, она попросила майора Блоксхэма сделать ей мартини.

— Если он и не собирался приезжать, он мог бы по крайней мере нас предупредить, — недовольно про говорила она. — В конце концов, отправить в таком случае открытку — требование элементарной вежли вости.

— Чего ожидать от свиньи, кроме хрюканья? — ответил майор. — Из свиных ушей крокодиловую сумочку не сошьешь.

— Пожалуй, что вы и правы, — согласилась миссис Хиткоут-Килкуун. — Интересно: принцессу Анну избрали спортсменкой года.

— А она согласилась принять это звание? — любо пытствовал майор. — Как-то это слишком заурядно для члена королевской семьи.

— Не знаю, сказала миссис Хиткоут-Килкуун. — В наше время даже жокеям дают рыцарское звание.

После обеда миссис Хиткоут-Килкуун настояла на том, чтобы отправиться на прогулку, и полковник, который ожидал телеграмму от своего биржевого агента, отвез их в Веезен, откуда потом они поехали в расположенную на перевале Сани гостиницу

попить чаю.

Комендант, раздобывший все же на почте их адрес, тем временем приехал к Хиткоут-Килкуунам, но застал дом пустым. Он успел уже восстановить душевное равновесие, хотя и не обрел еще прежней уверенности в себе. И потому его не очень удивил негостеприимный прием, оказанный пустым домом и престарелым дворецким-зулусом, открывшим дверь на его звонок.

— Хозяина нет, — сказал дворецкий, и комендант вернулся к своей машине с ощущением, что такой уж невезучий сегодня выдался день. Прежде чем забраться в машину, он постоял немного, рассматривая дом и сад и проникаясь атмосферой самодовольства, которая явственно ощущалась в том и другом.

Все было в идеальном порядке: и отлично ухоженные, аккуратно подстриженные газоны, и кустарниковые изгороди вокруг них, и кусты роз, около каждого из которых стояла тщательно написанная табличка с названием сорта, и куст, подстриженный в форме петушка[40]. Даже фруктовые деревья выглядели так, будто полковой парикмахер подстриг им затылки. Вверх по стене симметрично расположенными плетьми рос декоративный виноград, сложенный из крупного камня дом сочетал в себе гарнизонно-георгианский и модернистский архитектурные стили, а закрытые ставнями окна наводили на мысль о царящих внутри уюте, прохладе и богатстве. На флагштоке возле дома был укреплен английский флаг, бессильно обвисший в знойном летнем воздухе. Комендант обрадовался, увидев этот флаг, и мгновенно забыл о своих утренних приступах гнева. Хиткоут-Килкууны были настоящими англичанами, а не какими-нибудь потомками переселенцев — потому-то и дом, и сад были столь ухожены и преисполнены сдержанной самоуверенности. Комендант уселся в машину и поехал назад в гостиницу. Оставшуюся часть дня он провел на реке с удочкой. Повезло ему не больше, чем в предыдущий раз, однако он окончательно стряхнул с себя остатки утренних переживаний. К нему снова пришло это странное чувство, будто он смотрит на самого себя со стороны. А с ним и спокойная готовность принять себя не такого, каким он был в этот момент, но такого, каким он мог бы стать в отдаленном будущем, при более благоприятных обстоятельствах. Когда солнце скрылось за Аардваркскими горами, комендант развинтил удочку и в быстро сгущавшихся сумерках пошел назад к гостинице. Где-то поблизости от него кто-то икал, однако комендант не обратил на этот звук никакого внимания. На сегодня он уже достаточно пообщался с Мальпурго. Комендант поужинал и, прихватив новую книгу Дорнфорда Йейтса, улегся пораньше в постель. Книга называлась

«Бренные блага».[41]

Тем временем в Пьембурге операция «Побелка» вступала в новую фазу. Лейтенант Веркрамп подверг первую десятку добровольцев, уже прошедших курс лечения, проверке в реальных условиях и был удовлетворен тем, что успех одержан стопроцентный. Когда перед ними поставили чернокожих женщин, все испытуемые продемонстрировали реакцию отвращения, после чего Веркрамп решил, что можно приступать к следующей фазе операции. Однако сержант Брейтенбах вновь воспринял его планы без особого энтузиазма.

— Двести человек одновременно в физкультурном зале?! — переспросил сержант, явно не веря собственным ушам. — Привязать в спортзале двести полицейских к стульям и подвести к ним провода?!

— Да, — подтвердил Веркрамп, — и тогда один сержант сможет и показывать слайды, и наносить удар током. Ничего сложного в этом нет.

— Во-первых, будет чертовски сложно засадить туда двести здоровых мужиков, — не согласился сержант, — а потом, просто ничего не получится. Ручной генератор недостаточно мощный, его не хватит, чтобы нанести шок двумстам человекам.

— Подключим к сети, — сказал Веркрамп.

У сержанта Брейтенбаха глаза полезли из орбит.

— К чему подключим?!

— К сети, — ответил Веркрамп. — Через трансформатор, конечно.

— К сети и, конечно же, через трансформатор, — сержант захихикал как ненормальный. А если что-нибудь выйдет не так?

— Все будет как надо, — заявил Веркрамп, но сержант Брейтенбах его уже не слушал. Он представил себе спортивный зал, в котором лежат трупы двухсот полицейских, погибших на электрических стульях во время демонстрации им слайдов обнаженных чернокожих женщин. Не говоря уже о том, какой это вызовет общественный скандал, его просто растерзают вдовы этих полицейских.

— Я в этом не участвую, — с чувством ответил сержант. — Действуйте сами. — Он повернулся, чтобы выйти из кабинета, однако исполняющий обязанности коммандантa вернул его.

— Сержант Брейтенбах, — торжественно произнес Веркрамп, — то, что мы делаем, необходимо для высшего блага белой расы Южной Африки. Вы что, готовы принести в жертву будущее своей страны только из-за того, что боитесь взять на себя риск?

— Да, — ответил сержант, отказывавшийся понимать, какому высшему благу страны может служить убийство двухсот полицейских.

Лейтенант Веркрамп решил использовать менее возвышенные аргументы.

— Поставим предохранители, чтобы избежать случайной перегрузки сети, — успокоил он.

— Предохранители? Ампер эдак на пятнадцать? — иронизировал сержант.

— Ну, можно и на пятнадцать, — легко согласился Веркрамп. — Я оставляю все эти детали на усмотрение нашего полицейского электрика.

— Лучше уж прямо патологоанатома, — ответил сержант, немножко лучше разбиравшийся в электротехнике. — Но люди не подчинятся добровольно такому приказу, а заставить их вы не сможете. Я, во всяком случае, не намерен никого заставлять идти на риск оказаться казненным на электрическом стуле.

Лейтенант Веркрамп улыбнулся.

— И не надо заставлять, — сказал он. — Они же все подписали добровольное обязательство.

— Одно дело подписать обязательство. И совсем другое — позволить, чтобы вам наносили удары током. Да и откуда вы возьмете электричество? Его же до сих пор нет после этих взрывов.

Лейтенант Веркрамп набрал номер управляющего компанией, снабжавшей город электричеством. Пока он ждал ответа, он показал сержанту подписанные полицейскими обязательства.

— Прочтите то, что написано внизу мелким шрифтом, — предложил он.

— Без очков не могу, — ответил сержант. Веркрамп забрал у него расписку и прочел написанное там вслух.

— Я признаю, добровольно и по собственному побуждению, что вступал в половые сношения с женщинами банту и нуждаюсь в соответствующем лечении, — произнес лейтенант, в ответ на что из телефонной трубки послышался громкий голос человека, явно испытавшего состояние ужаса. Это подключился управляющий электроэнергетической компанией.

— В чем вы признаетесь?! — прокричал управляющий, пораженный тем, что ему довелось услышать.

— Это не я признаюсь, — пытался объяснить ему Веркрамп.

— Я слышал совершенно ясно, — продолжал шуметь управляющий. Вы сказали: «Я признаю, добровольно и по собственному побуждению, что вступал в половые сношения с женщинами банту». Не станете же вы утверждать, будто не

говорили только что ничего подобного?

— Да, говорил, но… — начал было Веркрамп, но управляющий был слишком возмущен и не давал ему продолжить.

— А я что говорю?! И не отпирайтесь! Это возмутительно — звонить мне для того, чтобы сообщить, что вы спите с цветными девками! Я сейчас позвоню в полицию!

— С вами и говорят из полиции! — взял более жесткий тон Веркрамп.

— О Господи, вот уж действительно мир сошел с ума, — шумел управляющий.

— Я просто читал вслух показания заключенного, — объяснил Веркрамп.

— По телефону? — иронизировал управляющий.

— И почему понадобилось читать их именно мне? У меня и без того забот хватает.

Сержант Брейтенбах вышел из кабинета, предоставив Веркрампу одному разбираться дальше с управляющим. С тех пор как лейтенант Веркрамп приступил к исполнению обязанностей коммандантa, ход событий набрал такие темпы, что у сержанта голова уже шла кругом.

Нечто подобное испытывали и секретные агенты Веркрампа. Постоянное недосыпание, необходимость ежедневно менять квартиры, непрерывная слежка — когда то они пытались кого-то выследить, то кто-то следил за ними самими, — все это не только до предела выматывало агентов, но и разрушало даже то скромное представление о том, что на самом деле с ними происходит, какое было у них изначально. Они знали твердо только одно: им дан приказ заставить настоящих саботажников что-нибудь взорвать. Агенты сидели за общим столиком в кафе «У Флориана» и разрабатывали планы, которые должны были привести их именно к такому финалу.

Агент 745 396 предложил взорвать баки, в которых хранится горючее на товарном узле железной дороги. 628 461 больше склонялся к тому, чтобы подорвать газораспределительную станцию. Агент 885 974, почувствовав, что его могут обойти в смелости замыслов, порекомендовал нанести удар по станции очистки сточных вод. Свое предложение он обосновал тем, что вслед за ее разрушением неминуемо разразится эпидемия, от чего дело коммунизма во всем мире только выиграет. Свои предложения высказали и все другие агенты. Когда были обсуждены все «за» и «против» по каждой из предложенных целей, стало окончательно неясно, какой же из объектов избирается все-

таки в качестве мишени. Повисшая в воздухе взаимная подозрительность окрепла еще больше после того, как агент 885 974 обозвал агента 745 396 полицейской ищейкой, полагая, что тем самым укрепит собственную репутацию настоящего подпольщика. Последовала вспышка взаимных обвинений, и, когда наконец заговорщики покинули кафе «У Флориана» и разошлись в разные — впрочем, не столь уж разные — стороны, каждый из них был преисполнен решимости доказать всем остальным, что именно он и является подлинным подрывным элементом. В эту ночь на Пьембург обрушилась вторая волна взрывов.

В десять вечера взорвалось нефтехранилище на товарной станции, и огонь с него перекинулся на стоявший неподалеку грузовой состав. В половине одиннадцатого рванула газораспределительная станция, причем с такой силой, что на нескольких прилегающих к ней улицах во всех домах оказались выбиты стекла. Только было пожарные разъехались по этим адресам, как взрыв прогремел на станции очистки канализационных вод. И если раньше весь город был погружен во тьму, то теперь со всех сторон его освещало зарево пожаров. Чтобы не допустить дальнейшего распространения огня по территории товарной станции, было решено немного продвинуть грузовой состав по путям. Но когда попытались это сделать, то от горевшего поезда вспыхнули четыре сарая в тех садах, мимо которых толкали поезд. С сараев огонь перекинулся на сухую траву, а с нее — на поле сахарного тростника. К утру все пожарные Пьембурга выбились из сил, а над городом зловеще висело облако густого черного дыма.

Когда сержант Брейтенбах появился в здании полиции, все лицо у него было заклеено пластырем: накануне вечером он смотрел дома в окно как раз в тот момент, когда взорвалась газораспределительная станция. Он застал лейтенанта Веркрампа за расшифровкой донесений, полученных от его агентов: Веркрамп лихорадочно искал в них хоть какого-то объяснения причин новой череды взрывов. Но обнаружил он только предупреждение о том, что баки с горючим должен взорвать некто по имени Джек Джонс, живущий в гостинице «Аутспэн». Однако пока это предупреждение было доставлено адресату и расшифровано, сгинули и хранилище горючего, и сам Джек Джонс. Директор гостиницы сообщил, что постоялец с таким именем съехал два дня тому назад.

— Чем заняты? — спросил сержант Брейтенбах, входя в кабинет Веркрампа. Исполняющий обязанности коменданта поспешно спрятал донесения, расшифровкой которых занимался,

в ящик стола.

— Ничем, — нервно ответил он. — Совершенно ничем.

Сержант Брейтенбах взглянул на раскрытый справочник по селекции сельскохозяйственных животных — ключ к шифру в тот день следовало брать из этой книги и подумал, не собирается ли Веркрамп заняться фермерством. Учитывая, что за недолгое время его пребывания на посту коммандан та в городе разразилась уже не первая серия катастроф, Веркрампу, пожалуй, действительно стоило подумать об отставке.

— Ну? — спросил Веркрамп, раздраженный тем, что кто-то прервал его занятия. — В чем дело?

— Мне кажется, пора уже что-то предпринять в отношении этих саботажников. События явно выходят из-под контроля, — сказал сержант.

Веркрамп недовольно поерзал в кресле. У него возникло ощущение, что его авторитет ставится под сомнение.

— Похоже, ты сегодня встал не с той ноги, — отве тил Веркрамп.

— Я сегодня вообще не вставал, — сказал сержант. — Меня просто выбросило из дома. Когда взорвались очистные сооружения.

Веркрамп улыбнулся.

— А я подумал, что ты порезался во время бритья, — сказал он.

— Это когда взорвалась газораспределительная станция, — пояснил сержант Брейтенбах. — Я в этот момент как раз смотрел из окна.

— Не «из», а «в», — педантично заметил Веркрамп.

— Что «в»?

— В окно. Если бы ты смотрел из окна, тебя бы не порезало осколками стекла. Офицер полиции должен излагать факты точно.

Сержант Брейтенбах заметил, что ему вообще повезло, что он остался в живых.

— Недолет на милю, — ответил Веркрамп.

— На полмили, — уточнил сержант.

— На полмили?

— Я живу в полумиле от газораспределительной станции, если уж вам нужен точный доклад, — сказал сержант. — Могу себе представить, каково пришлось тем, кто живет рядом с ней.

Лейтенант Веркрамп встал, подошел к окну и уставился в него. Что-то в том, как он стоял, напомнило сержанту виденный им однажды фильм о генерале накануне сражения. Одна рука Веркрампа была заложена за спину, другая — за борт пиджака.

— Я подрублю это зло под самый корень, одним ударом, — напыщенно произнес лейтенант, а затем резко повернулся и пристально впился взглядом в сержанта. — Ты когда-нибудь смотрел злу прямо в лицо?

Вспомнив газораспределительную станцию, сержант Брейтенбах без колебаний ответил утвердительно.

— Тогда ты меня понимаешь, — сказал Веркрамп и сел.

— С чего мы начнем поиски? — спросил сержант.

— С сердца, — ответил Веркрамп.

— С чего? — изумился сержант.

— С сердца человека. С его души. С самых глубин его внутренней природы.

— И будем искать там террористов? — спросил се ржант.

— Будем искать там зло, — ответил Веркрамп. Он протянул сержанту длинный список имен, — этих людей немедленно собрать в спортзале. Там все подготовлено. Стулья поставлены, проводка проведена, проектор и экран установлены. Вот список сержантов, которые будут проводить лечение.

Сержант Брейтенбах уставился на начальника, не веря собственным ушам.

— Вы с ума сошли, — выговорил он наконец. — Вы просто сошли с ума. — В городе разгул терроризма, самый крупный за всю историю страны. Взорваны нефтехранилище, газораспределительная станция, не работает радио. Все взлетает на воздух, а вы думаете только о том, как бы кто не переспал с цветной девкой. Чокнулись вы на этом, что ли? — Сержант остановился, поразившись точности собственных слов, но проследить до конца глубину своей мысли ему не удалось. Разъяренный лейтенант Веркрамп вскочил из-за стола.

— Сержант Брейтенбах! — заорал он, и сержант поразился прозвучавшей в его голосе ярости. — Вы что, отказываетесь выполнять приказ? — Какой-то демонический оптимизм в голосе Веркрампа напугал сержанта еще больше.

— Нет, сэр. Приказ я не отказываюсь выполнять, — ответил сержант. Это священное слово сразу же за глушило в нем все проблески критической мысли. — Законность и порядок должны поддерживаться постоянно, несмотря ни на что. Привычные слова подействовали на лейтенанта Веркрампа успокоительно.

— Вот именно, — подчеркнул он. — Так вот, законность в городе — это я. И я отдаю тут приказы. Мой приказ таков: немедленно начать курс лечения по выработке отвращения. Чем быстрее у нас будет истинно христианская и неподкупная полиция, тем быстрее сможем мы искоренить то зло, симптомами которого являются эти взрывы. Симптомами, а не причинами,

сержант. Бессмысленно пытаться искоренять отдельные проявления зла, если перед этим мы не про чистили всю политическую систему в целом. Именно это я и собираюсь сделать, с Божьей помощью. То, что произошло в Пьембурге, должно стать для всех нас уроком. Этот вот дым, который повис над городом, — он говорит о том, что небеса гневаются на нас. И мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы не прогневить их еще больше.

— Да, сэр. Слушаюсь, сэр. Искренне надеюсь на это, сэр, — ответил сержант Брейтенбах. — Может быть, нам следует предпринять какие-нибудь дополнительные меры предосторожности, сэр? Например, выставить охрану на тех объектах, где могут произойти новые взрывы, сэр?

— В этом нет необходимости, сержант, — высоко мерно изрек Веркрамп. — Я держу все под контролем.

— Слушаюсь, сэр, — ответил сержант Брейтенбах и отправился выполнять полученные приказания. Но уже через двадцать минут он столкнулся в спортзале с настоящим бунтом. Собранные туда двести полицейских, и без того озабоченные тем, что творится в городе, отказывались садиться на стулья и давать подключать к себе провода, которые шли к какому-то большому трансформатору. Многие даже заявляли, что готовы скорее пойти под суд, рискуя получить десять ударов тростниковой палкой и семь лет каторги за то, что спали с кафирками, нежели сесть на этот электрический стул. В конце концов сержант был вы нужден позвонить лейтенанту Веркрампу и доложить ему о сложившемся положении. Веркрамп заявил, что через пять минут прибудет и сам во всем разберется.

Когда пришел Веркрамп, полицейские группами ходили по залу и возмущенно о чем-то переговаривались. То здесь, то там раздавались громкие выражения недовольства.

— Всем на улицу, — приказал он и повернулся к сержанту Брейтенбаху. — Построить всех повзводно: сержанты — со своими взводами.

Двести полицейских послушно выстроились на площадке перед спортзалом. Лейтенант Веркрамп обратился к ним с речью.

— Солдаты! — сказал он. — Полицейские Южной Африки! Вас собрали сюда, чтобы проверить меру вашей лояльности своей стране и своей расе. Враги Южной Африки используют чернокожих женщин, что бы отвратить вас от исполнения своего долга. Сегодня вам предоставляется возможность доказать, что вы достойны того огромного доверия, какое возлагают на вас все белые женщины Южной Африки. Ваши матери и жены, ваши сестры и дочери надеются и ждут, что в этот момент

ответственного испытания все вы докажете, что вы надежные отцы и мужья. Так ли это, продемонстрирует тест, через который вы должны пройти. Сейчас вы по одному будете заходить в спортзал. Там вам покажут кое-какие картинки. Те, кто не станет реагировать на эти картинки, сразу же будут отпущены и вернутся на службу. Те, кто станет реагировать на изображение, выйдут назад, сюда, и будут ждать здесь дальнейших указаний. А пока сержант Брейтенбах займется с вами строевой подготовкой. Приступайте, сержант.

Маршируя взад-вперед по раскаленной от солнца площадке, полицейские наблюдали за тем, как их товарищей по одному вызывают в спортзал. Ни один из вызванных не вышел обратно. Было очевидно, что все они успешно справились с тестом. Когда вызвали последнего полицейского, сержант Брейтенбах из любопытства зашел за ним следом в спортзал. У него на глазах четыре сержанта схватили полицейского, мгновенно залепили ему рот пластырем и привязали к последнему стулу, который еще оставался, свободен. Двести полицейских, не в силах издать ни звука, с молчаливой яростью смотрели на временного коммандантa. Свет в зале выключили, включили диапроектор. На огромном экране в противоположном конце зала возникло большое, исполненное в прекрасном цвете, изображение чернокожей. Она была в чем мать родила, но по размеру раз в сорок больше, чем в момент рождения. Лейтенант Веркрамп взобрался на сцену и встал перед экраном, причем так, что изображенные на экране волосы в паховой области окружили голову лейтенанта как бы ореолом. Когда же лейтенант открыл рот, представшая залу картина обрела поразительный реализм.

— Это делается для вашего же блага, — сказал лейтенант. — Когда вы выйдете отсюда, у вас навсегда исчезнет стремление спать с представительницами других рас. У вас исчезнут все плотские желания. Начинайте лечение. — Двести полицейских в зале дернулись на своих стульях с синхронностью, начисто отсутствовавшей у них во время занятий строевой подготовкой.

По дороге назад, в полицейское управление, сержант Брейтенбах выразил восхищение придуманным Веркрампом хитрым ходом.

— Надо знать психологию, — самодовольно ответил Веркрамп. — Ничего особенного: разделяй и властвуй.

Глава девятая

Доктор фон Блименстейн даже не догадывалась о том, чем обернулся для пьембургских полицейских ее совет насчет выработки отвращения к чему-либо. Она продолжала думать о Веркрампе и недоумевала, почему лейтенант не звонит. Потрясшая город серия взрывов подсказала ей возможное объяснение, польстившее ее самолюбию. «Он сейчас так занят, бедняжка», — думала она. Впрочем, некоторое разочарование, вызванное молчанием лейтенанта, с лихвой возместилось бурным притоком пациентов, у которых взрывы вызвали различные психические расстройства. Очень многие страдали особой разновидностью мании преследования. Они боялись, что однажды утром их прирежут чернокожие слуги, работающие у соседей. Сама доктор фон Блименстейн была тоже не чужда этих страхов, в той или иной форме присущих всему белому населению Южной Африки. Но она, как могла, старалась облегчить страдания новых пациентов и как-то успокоить их.

— Но почему слуги соседей? — спросила она пациентку, настолько потерявшую душевное равновесие, что та даже не пускала к себе в палату черную няньку и выносила свой ночной горшок сама. Для белой женщины подобное занятие свидетельствовало о неоспоримом психическом расстройстве.

— Так мне сказал мальчик, который прислуживает у меня на кухне, — сквозь слезы ответила женщина.

— Мальчик сказал вам, что работающие у соседей слуги придут и убьют вас? — продолжала терпеливо расспрашивать доктор фон Блименстейн. Женщина пыталась совладать с собой, но ей это плохо удавалось.

— Я его спросила: «Джозеф, ты ведь не убьешь свою хозяйку, правда?» А он ответил: «Нет, миссис. Вас убьет мальчик, который работает у соседей. А я убью его хозяйку.» — Вот видите, у них уже все продумано. Нас перережут прямо в постелях, в семь часов утра, когда принесут нам утренний чай.

— Может быть, стоит отказаться от утреннего чая? — спросила врачиха, но женщина и слышать об этом не хотела. — Если я не выпью с утра чашку чая, я весь день буду чувствовать себя разбитой, — утверждала она. Доктор фон Блименстейн удержалась и не стала указывать пациентке на явное противоречие между последними ее словами и тем, что она говорила за минуту до этого о перспективе оказаться зарезанной. Не тратя времени, она дала рецепт, который всегда прописывала в таких случаях: направила больную к инструктору по стрельбе.

— Это — разновидность трудотерапии, — объяснила докторша. В дальнейшем ее пациентка с удовольствием стреляла из револьвера по мишеням, на которых были изображены чернокожие слуги, державшие в одной руке чайный поднос, а в другой — здоровенный нож.

Следующая пациентка страдала от еще более распространенного типа мании преследования — она боялась быть изнасилованной негром, потому что у всех негров огромные члены. Во всяком случае, она так считала.

— Они у них такие большие, — пыталась сбивчиво объяснить она врачихе в ответ на вопрос, что ее беспокоит.

— Большие что? — переспросила доктор фон Блименстейн, хотя мгновенно распознала симптомы заболевания.

— Вы знаете что. Эти самые, — пробормотала женщина.

— Эти самые?

— Ну как они называются?

— Что как называется? — гнула свое врачиха, полагая, что лечение заключается отчасти и в том, чтобы заставить больного вразумительно и прямо сказать о мучающих его страхах. Сидевшая перед ней женщина сильно покраснела.

— Ну, то, что у них там болтается. Эти палки, — отчаянно пыталась объяснить женщина.

— Пожалуйста, выражайтесь точнее, — потребовала доктор фон Блименстейн. — Я совершенно не понимаю, о чем вы говорите.

Женщина собрала все свое мужество.

— У них очень длинные шпаги, которыми закалывают свиней, — произнесла она наконец.

Доктор фон Блименстейн записала это на бумажку, медленно повторяя каждое слово: «У них… длинные… шпаги… для свиней». Она подняла голову от стола и оживленно спросила:

— А что такое шпаги, которыми закалывают свиней?

Пациентка смотрела на нее как на сумасшедшую.

— Вы что, не знаете? — спросила она.

Доктор фон Блименстейн отрицательно помотала головой.

— Понятия не имею, — солгала она.

— Вы не замужем? — спросила женщина. Докторша снова помотала головой. — Ну, тогда я вам не скажу. Узнаете в первую брачную ночь. — И она с упрямым выражением на лице смолкла.

— Давайте попробуем сначала, — предложила доктор фон Блименстейн. — Шпага для закалывания свиней — это то же самое, что болтающаяся палка, что как-оно-там-называется и что я-сама-знаю-что. Верно?

— О Господи, — не выдержала женщина. — Я говорю об их

набалдашниках. Палка с набалдашником на конце, знаете?

— И то же самое, что набалдашник, — сказала докторша и записала и это слово тоже. Сидевшая перед нею женщина не находила себе места от смущения.

— Ну что мне, по буквам вам продиктовать? — воскликнула она.

— Сделайте одолжение, — ответила докторша, — должны же мы в этом наконец разобраться.

Пациентка передернула плечами.

— Че, эль, е, эн, — продиктовала она. — Читается «член». — Она была явно уверена, что это-то и есть настоящее, верное название.

— Так вы хотите сказать — пенис, милочка? — спросила доктор фон Блименстейн.

— Да! Да! — истерично закричала пациентка. — Пенис, член, палка, набалдашник… Какая разница, как его называть? Они у них огромные, понимаете?!

— У кого у них?

— У кафров. Они у них восемнадцать дюймов в длину, три дюйма толщиной, а впереди еще широкие, как зонтик, и они…

— Погодите минутку,[42] — сказала доктор фон Блименстейн, стараясь не дать женщине снова впасть в истерику. Однако после только что испытанного смущения пациентка поняла ее буквально.

— Подержать? — воскликнула она. — Подержать?! Да я смотреть на такую гадость не смогла бы, не то что подержать ее!

Доктор фон Блименстейн наклонилась над столом.

— Я не это имела в виду, — сказала она. — Вы слишком близко принимаете это к сердцу.[43]

Пациентка, однако, опять восприняла ее слова буквально.

— Глубоко?! — воскликнула женщина. — Еще бы не глубоко! Куда глубже, чем я могу выдержать! Он же мне просто матку проткнет. Он…

— Послушайте, надо же видеть…

— Не хочу я его видеть. В этом-то все и дело. Я на него даже взглянуть боюсь!

— …Видеть соразмерно! — властно прикрикнула докторша.

— Соразмерно чему? — закричала в ответ женщина. — Моей дырке? Так вот, он туда не влезет! Я его не смогу вместить!

— Никто вас и не просит, — сказала врачиха. — Во-первых…

— Во-первых? — пациентка вскочила на ноги. — Во-первых?! Вы что, хотите сказать, что мне это не один раз придется выдерживать?

Доктор фон Блименстейн вышла из-за стола и силой усадила

пациентку назад в кресло.

— Нельзя позволять своему воображению так командовать собой, — примирительным тоном сказала она. — Вам здесь ничего не грозит. Ну так вот, — продолжила она, когда женщина немного успокоилась, — если мы хотим добиться результата, то надо понимать, что пенисы — всего лишь симптомы. Важно видеть то, что за ними.

Пациентка в ужасе оглядела комнату.

— Ну, это видеть нетрудно, — проговорила она. — Их повсюду полным-полно.

Доктор фон Блименстейн поспешила объяснить смысл только что сказанных ею слов.

— Во всех нас сидит глубоко… Ну а теперь в чем дело? — воскликнула она, видя, что женщина без чувств сползает на пол. Когда пациентка пришла в себя, врачиха решила использовать другой подход.

— Больше я ничего говорить не буду, — предложила она. — Давайте вы мне сами расскажете, о чем вы думаете.

Женщина успокоилась и призадумалась.

— Они подвешивают к ним что-нибудь тяжелое, чтобы сделать их подлиннее, — проговорила она, помолчав какое-то время.

— Правда? — удивилась докторша. — Как интересно!

— Ничего интересного. Это отвратительно.

Доктор фон Блименстейн согласилась, что действительно в этом есть и что-то отвратительное.

— Они подвешивают к ним на веревочке по полкирпича, на самый кончик, и так и ходят, — продолжала женщина. — Конечно, это все у них в штанах.

— Я думаю, — ответила доктор фон Блименстейн.

— И еще они смазывают их маслом. Они считают, что от масла он лучше растет.

— Но тогда как же там держится кирпич? — практично возразила доктор фон Блименстейн. — Ведь веревка должна по маслу соскальзывать, верно?

Пациентка задумалась.

— Они вначале привязывают веревку, а потом уже смазывают, — наконец пояснила она.

— Логично, — согласилась психиатриня. — А что еще вас тревожит? Вы замужем? Отношения с мужем нормальные?

— Как вам сказать, — задумчиво проговорила женщина, — могли бы быть и хуже. Вы меня понимаете? — Доктор фон Блименстейн сочувственно закивала головой.

— Думаю, мы вас вылечим, — сказала она, что-то

записывая. — Лечение, которое я вам прописываю, на первый взгляд немного необычное, но вы к нему скоро привыкнете, и оно вам понравится. Прежде всего мы сделаем вот что. Постараемся сделать так, чтобы вы привыкли держать в руках небольшой пенис — очень маленький, беленький, а потом…

— Вы хотите, чтобы я привыкла к чему?! — изумленно переспросила женщина. Взгляд ее ясно показывал, что она считает ненормальной саму врачиху.

— Держать в руке маленькие беленькие пенисы.

— Да вы с ума сошли! — закричала женщина. — И думать об этом не хочу! Я — уважаемая замужняя женщина, и если вы думаете, что я буду… — она истерически зарыдала.

Доктор фон Блименстейн склонилась над ней, стараясь успокоить.

— Ну хорошо, — проговорила она, — пенисами мы заниматься не будем.[44]

Но пациентка опять поняла ее слишком буквально.

— О Боже, — закричала она, — а я-то считала, что лечить надо меня!

Доктор фон Блименстейн успокоила ее.

— Я имела в виду, что пенисы мы трогать не будем, — сказать она. — Начнем с карандашей. Если вам предложат подержать карандаш, у вас не будет возражений?

— Конечно, нет, — ответила женщина. — С чего бы я должна была возражать?

— А шариковую ручку? — Доктор фон Блименстейн внимательно наблюдала за выражением лица пациентки: не появится ли на нем хотя бы секундное колебание.

— Ничего не имею против шариковых ручек, — ответила пациентка. — И авторучек тоже.

— А если банан?

— Подержать его или съесть? — уточнила пациентка.

— Только подержать.

— Нет проблем.

— А банан и две сливы?

Женщина с сомнением посмотрела на врачиху.

— Я готова подержать хоть фруктовый салат, если вы считаете, что это мне поможет. Но я совершенно не понимаю, чего вы рассчитываете этим добиться.

В конце концов доктор фон Блименстейн начала курс лечения с того, что стала приучать пациентку держать в руках кабачок, повторяя это упражнение до тех пор, пока вид кабачка не перестал вызывать у больной признаки беспокойства.

В те дни, когда докторша боролась с психологическими проблемами своих пациентов, а Веркрамп был занят богоугодным делом, изгоняя дьявола из подчиненных, комендант Ван Хеерден проводил время в Веезене мирно и спокойно. Он ловил в реке рыбу, читал романы Дорнфорда Йейтса и недоумевал, почему после того, как он нашел дом Хиткоут-Килкуунов и побывал там, оттуда нет ни слуху ни духу. Наконец на четвертый день он решил спрятать гордость и заговорить с Мальпурго. Поскольку тот был авторитетом во всех вопросах, то, казалось бы, у кого же, как не у него, можно разузнать о всех тонкостях британского этикета.

Комендант нашел Мальпурго в саду. Он сидел в старой, обсаженной розами беседке и тихонько икал. Комендант уселся на скамейку рядом со знатоком английской литературы.

— Не могли бы вы мне помочь? — начал он. Мальпурго заикал громче.

— А в чем дело? — нервно спросил он. — Я занят.

— Если вас пригласили погостить у кого-то в сельской местности, вы приехали и остановились в гостинице, а приглашавшие не кажут к вам носа, то что это значит? — спросил комендант.

Мальпурго попытался вычислить, к чему клонит комендант.

— Если бы меня пригласили погостить у кого-то, — ответил он, — не понимаю, зачем бы мне понадобилось останавливаться в гостинице. Если, конечно, пригласившие — не владельцы этой гостиницы.

— Нет, не владельцы, — подтвердил комендант.

— Тогда что мне делать в гостинице?

— Они сказали, что их дом переполнен гостями.

— А это действительно так? — спросил Мальпурго.

— Нет, — ответил комендант, — там вообще никого нет. — Он немного помолчал, а потом добавил: — Во всяком случае, когда я заезжал туда день тому назад, там никого не было.

По мнению Мальпурго, это было очень странно.

— А вы не перепутали даты? — спросил он.

— Нет, все правильно, я проверял, — ответил комендант.

— Позвоните им.

— У них нет телефона.

Мальпурго снова взялся за свою книжку.

— Н-да, в странное положение вы попали, — заметил он. — Думаю, на вашем месте я бы еще разок туда съездил и, если там опять никого не окажется, то правился бы домой.

Комендант неопределенно кивнул головой, как бы и соглашаясь, и не соглашаясь с этим советом одновременно.

— Пожалуй, — проговорил он. Мальпурго снова икнул. — Все еще пучит? — сочувственно спросил комендант. Попробуйте задерживать дыхание. Иногда это помогает.

Мальпурго ответил, что он уже много раз пробовал так делать, но безуспешно.

— Я однажды вылечил одного человека от икоты, — продолжал комендант, и было заметно, что он старается припомнить все подробности. — Я его здорово напугал. Это был угонщик машин.

— Интересно, — сказал Мальпурго. — И как же вы его вылечили?

— Сказал ему, что его выпорют.

— Это же ужасно, — Мальпурго передернуло.

— Ну, он тоже был хорош, — ответил комендант. — Получил пятнадцать ударов… Однако икать перестал.

При воспоминании об этом комендант улыбнулся. Сидевший рядом преподаватель литературы задумался: какие жуткие последствия могут скрываться за такой вот улыбкой. В присутствии коменданта ему уже не впервые казалось, что он видит перед собой какую-то примитивную силу, для которой не существуют понятия справедливости и произвола, моральных принципов, этических соображений — ничего, кроме голой силы. В простоте коменданта было не что чудовищное. В его выражении «человек человеку волк» не скрывалось и отдаленной метафоры. Для него это было не моральным убеждением, а фактом, на котором основывалось его существование. Перед реалиями подобного мира, основанного на грубой силе, все навеянные занятиями литературой идеи Мальпурго просто теряли право на существование.

— Полагаю, вы одобряете телесные наказания? — спросил он, заранее зная ответ.

— Это единственное, что дает результат, — сказал комендант. — От тюрьмы нет никакого толку. Она слишком комфортабельна. А вот если человека выпороть, он об этом никогда не забудет. И если повесить — тоже.

— Только при условии, что есть загробная жизнь, — заметил Мальпурго. — В противном случае, полагаю, о повешении можно забыть так же легко, как и обо всем остальном.

— Есть загробная жизнь или ее нет, но если кого повесили, тот больше никаких преступлений не совершит, это уж точно, — сказал комендант.

— И это — единственное, что для вас важно? — спросил Мальпурго. — Чтобы он больше никогда не совершал преступлений?

Комендант Ван Хеерден утвердительно кивнул.

— Это моя работа, — ответил он, — за это мне платят зарплату.

Мальпурго попробовал подъехать с другой стороны.

— Но неужели чья-то жизнь для вас ничего не значит? Ее священность, красота, ее радости, откровения?

— Когда я ем баранину, то об овце не думаю, — ответил комендант. Мальпурго живо представил себе эту картину и снова икнул.

— Мрачный у вас взгляд на жизнь, — сказал он. — Такое впечатление, что вы не видите впереди никакой надежды.

Комендант улыбнулся.

— Надежда есть всегда, мой друг, — сказал он, похлопывая Мальпурго по плечу и одновременно поднимаясь со скамейки. — Надежда есть всегда.

Комендант ушел. А через какое-то время и сам Мальпурго тоже покинул беседку и отправился прогуляться пешком до Веезена.

— В наши дни повсюду стало невероятное количество пьяных, — заметил на следующее утро за завтраком майор Блоксхэм. — Вчера вечером в баре познакомился с одним парнем. Преподает английский в университете. На вид ему не больше тридцати. Напился по-черному и все время орал что-то насчет того, что все в жизни должно быть относительно. Пришлось отвезти его в гостиницу. Живет в каком-то санатории или что-то в этом роде.

— Молодежь дошла бог знает до чего, — сказал полковник. Если не пьянство, так наркотики. Страна катится в пропасть. — С этими словами он встал из-за стола и отправился на псарню проверить, как Харбингер готовит собак.

— В санатории? — переспросила миссис Хиткоут-Килкуун, когда полковник вышел. — Ты сказал — в санатории, Малыш?

— Какая-то дыра. Но постояльцы там есть, — ответил майор.

— Вот там-то, наверное, и остановился комендант, — сказала миссис Хиткоут-Килкуун. Позавтракав, она распорядилась подать «роллс-ройс» и отправилась в Веезен, оставив полковника и майора Блоксхэма обсуждать рассадку гостей на торжественном обеде в клубе Дорнфорда Йейтса, который должен был состояться в тот день вечером. Торжественные обеды в клубе — такая тоска, нечто скучнейшее и со вершенно искусственное. Обществу в Зулулэнде не хватало того шика, который в Найроби делал жизнь по крайней мере терпимой. Все они тут какие-то слишком raffmes,[45] думала миссис Хиткоут-Килкуун, прибегая к тому небольшому запасу

французских слов, с которыми она была au fait[46] и которые были de rigueur[47] среди ее друзей в Кении. Вот чем отличался здесь комендант от всех остальных: уж его-то никак невозможно было обвинить в том, что он raffine.

— Он какой-то настолько приземленный, — проговорила она вслух, припарковывая машину около гостиницы и входя внутрь.

Встреча их тоже оказалась довольно-таки приземленной. Когда миссис Хиткоут-Килкуун в конце концов нашла комнату коменданта — что стоило ей определенных усилий — и постучала, комендант открыл дверь, стоя в нижнем белье, он как раз переодевался, чтобы пойти на рыбалку, — и поспешно захлопнул дверь снова. Через некоторое время дверь открылась, и комендант предстал, одетый уже должным образом. Но миссис Хиткоут-Килкуун успела изучить прибитую к двери эмалированную табличку и сделала из нее собственные выводы о причинах стоявшего здесь запаха.

— Входите, пожалуйста, — сказал комендант, в очередной раз демонстрируя ту вульгарность, которая так привлекала в нем миссис Хиткоут-Килкуун. Она вошла и подозрительно огляделась по сторонам.

— Я бы не хотела вам мешать, — сказала она, вы разительно посмотрев на краны и трубы.

— О, вы мне нисколько не мешаете. Я как раз собирался…

— Ну, неважно, — поспешила перебить его миссис Хиткоут-Килкуун. — Незачем вдаваться в подробности. У каждого из нас есть какие-то болячки.

— Болячки? — удивился комендант.

Миссис Хиткоут-Килкуун сморщила нос и открыла дверь.

— Хотя, если судить по запаху, у вас они гораздо серьезнее, чем у большинства других. — Она вышла в коридор, комендант последовал за ней.

— Это сера, — объяснил он.

— Чепуха, — ответила миссис Хиткоут-Килкуун, — это недостаток движений. Ну ничего, скоро мы все исправим. Что вам нужно, так это хорошая прогулка верхом перед завтраком. Сидеть можете?

Комендант Ван Хеерден заметно смутился, но поспешил заверить, что тут у него все в порядке.

— Ну что ж, это уже хорошо, — заметила миссис Хиткоут-Килкуун.

Они вышли через вертящиеся двери наружу и теперь стояли на террасе, где воздух был заметно свежее. Некоторая резкость в манерах миссис Хиткоут-Килкуун здесь исчезла.

— Мне очень жаль, что вы сюда угодили, — сказала она. —

Это наша вина. Мы искали вас в гостинице в городе. Я даже не подозревала о существовании этого места.

Она картинно облокотилась на перила и окинула критическим взглядом здание гостиницы с его выцветшей вывеской и обшарпанной террасой со следами от присосок вьющихся растений. Комендант объяснил, что он пытался позвонить, но не мог найти номера телефона.

— Конечно, не могли, дорогуша, — сказала миссис Хиткоут-Килкуун, беря его под руку и спускаясь вниз по ступенькам в сад. — У нас нет телефона. Генри, знаете ли, такой скрытный. Он играет на бирже, и ему становится просто не по себе от одной мысли, что кто-нибудь может подслушать его распоряжения брокеру и сорвать на этом большой куш.

— Ну что ж, это можно понять, — ответил комендант, абсолютно не представлявший себе, о чем именно идет речь.

Они прошлись по дорожке, ведущей к реке. Миссис Хиткоут-Килкуун все время оживленно болтала о жизни в Кении и о том, как она тоскует по прекрасным временам, которые у них были в Томсон-Фоллс.

— У нас был там прекрасный дом, он назывался Литтлвудс-лодж, в честь… ну, неважно. Скажем, в честь первого большого coup[48] Генри, и там было море азалий, просто целые акры азалий. Мне кажется, Генри поэтому и выбрал Кению. Он просто помешан на цветах, а в южной части Лондона азалии растут так плохо.

Комендант заметил, что надо действительно очень сильно любить цветы, чтобы ради этого переехать жить в Африку.

— А кроме того, была еще и проблема налогов, — продолжала миссис Хиткоут-Килкуун. — Я хочу сказать, что когда Генри выиграл… ну, словом, когда у него появились деньги, он просто не мог жить больше в Англии, при этом ужасном лейбористском правительстве, которое налогами отбирает все до последнего пенни.

Какое-то время они еще погуляли вдоль реки, а потом миссис Хиткоут-Килкуун сказала, что ей пора возвращаться.

— Не забудьте про сегодняшний вечер, — напомнила она, усаживаясь в машину. — Торжественный обед в восемь часов, коктейли — с семи. Буду вас ждать. Au'voir,[49] — и, помахав на прощание затянутой в перчатку рукой, она уехала.

— Что ты сделала?! — Узнав, что его жена пригласила на ужин коменданта, полковник Хиткоут-Килкуун от бешенства не находил слов. — Неужели ты не понимаешь, что это вечер, специально посвященный Берри?! А у нас на торжественном обеде

в клубе будет сидеть неизвестно кто!

— Я его пригласила, и он придет, — стояла на своем миссис Хиткоут-Килкуун. — Он просидел целую неделю в этом противном санатории. Там такая тоска, что он от нечего делать стал даже ставить себе клизмы. И все это только потому, что Малыш — такой идиот, который вечно попадает не туда. Ему лишь бы был бар.

— Ну, это уже нечестно, — запротестовал майор Блоксхэм.

— Да, это нечестно, — согласилась миссис Хиткоут-Килкуун, — совершенно нечестно. Вот именно поэтому он и придет сегодня на ужин, и мне безразлично, торжественный это обед клуба или нет. Надеюсь, вы оба будете вести себя с ним как следует.

Она поднялась к себе в комнату и провела там всю вторую половину дня, предаваясь мечтам о сильных молчаливых мужчинах и о комманданте, от которого так пахло мускусом. Из сада до нее доносилось громкое щелканье ножниц: полковник подстригал декоративные кустарники, давая этим занятием выход своему недовольству. Когда миссис Хиткоут-Килкуун спустилась к чаю, куст, который раньше напоминал петушка, приобрел новые очертания и стал казаться похожим на попугая. Полковник — тоже.

— Да, дорогая, нет, дорогая, — отвечал полковник на все аргументы миссис Хиткоут-Килкуун, что коммандант будет смотреться вполне уместно среди других членов клуба.

— В конце концов, он же не какой-то неграмотный мужик, — сказала она. — Он читал книги о Берри и он сам говорил мне, что он — поклонник Мастера.

Сказав это, она оставила мужчин в комнате одних и пошла на кухню проверить повара-зулуса, который отчаянно пытался сообразить, как приготовить filet de boeuf en chemise strasbourgeoise.[50]

Оставшись одни, мужчины переглянулись многозначительно и заулыбались.

— Шут на торжественном обеде — это бесподобно, проговорил полковник. — Думаю, мы получим массу удовольствия.

— Придворный клоун, — согласился майор. — Упоим его в стельку и славно посмеемся. Можно будет даже заставить этого типа снять штаны.

— Это идея, — поддержал полковник. — Поучим скота хорошим манерам, а?

Тем временем в санатории, у себя в комнате, коммандант Ван Хеерден штудировал «Этикет для всех», стараясь запомнить,

какой вилкой следует есть рыбу. В шесть часов он помылся — с теми же вынужденными сложностями и ухищрениями, что и в прошлый раз, — а потом обильно полил себя дезодорантом, чтобы отшибить запах серы. После чего облачился в твидовый костюм от Харриса, который ему сшили в Пьембурге настоящие английские портные и который тщательно проутюжила его служанка, и ровно в семь вечера подъехал к особняку «Белые леди». Посыпанная гравием площадка перед домом была запружена машинами. Комендант припарковал свою и поднялся по ступенькам парадного входа. Зулус-дворецкий открыл дверь, навстречу коменданту через холл поспешила миссис Хиткоут-Килкуун.

— О Боже, — выпалила она вместо приветствия, с ужасом глядя на костюм коменданта: все гости по случаю торжественного обеда пришли в вечерних костюмах. Однако она тут же спохватилась, решив продемонстрировать savoir-faire,[51] и со словами «Ну, да ладно. Теперь уже ничего не поделаешь», — проводила коменданта в комнату, наполненную табачным дымом, шумом разговора и народом.

— Я что-то нигде не вижу Генри, — рассудительно проговорила она, подводя коменданта к столу, за которым майор Блоксхэм разливал напитки. — Но Малыш сделает вам коктейль.

— Чем привыкли травиться, старина? — спросил майор.

Комендант ответил, что с удовольствием выпил бы пива.

Взгляд майора выразил неодобрение.

— Ну уж нет, уважаемый, — сказал он. — Сегодня только коктейли. Вспоминаем славные двадцатые и все такое. Я вам сделаю «особый». — Не успел комендант поинтересоваться, что туда входит, как майор уже энергично затряс шейкером.

— Очень вкусно, — сказал комендант, потягивая из стакана напиток, состоявший из яблочного бренди и «Дюбонне» с добавлением хорошей порции водки, которая и придавала этому коктейлю «особость».

— Рад, что вам понравилось, — ответил майор. — Доканчивайте его, и я вам сделаю другой — «кувалду».

Но попробовать смесь рома, бренди и яблочного бренди в дополнение к «особому» комендант не успел. Миссис Хиткоут-Килкуун постаралась по возможности быстрее и незаметнее провести его через толпу гостей, чтобы познакомить с мужем. Полковник с интересом уставился на костюм коменданта.

— Очень хорошо, что вы все-таки смогли к нам выбраться, комендант, — приветствовал его хозяин с таким дружеским расположением, что это не на шутку встревожило супругу

полковника. — Скажите, а буры всегда приходят на званые обеды в твидовых костюмах от Харриса?

— Ну Генри!.. — вмешалась миссис Хиткоут-Килкуун, прежде чем комендант нашелся что ответить. — Комендант просто не ожидал, что у нас тут, в деревне, будет официальный прием. Муж, — повернулась она к коменданту, такой педант в… — Ее заключительные слова потонули в ударе колоссального гонга. Когда звук его замер, зулус-дворецкий пригласил всех к столу. На часах было половина восьмого. Миссис Хиткоут-Килкуун вихрем промчалась через комнату и набросилась на дворецкого. Резко отчитав его и дважды назвав черным чурбаном, хозяйка повернулась к гостям с фарфоровой улыбкой на лице.

— Прошу прощения, небольшое недоразумение со временем, — сказала она.

Пробормотав еще что-то насчет того, как трудно в наше время раздобыть приличных слуг, она смешалась с толпой. Комендант, оставшись в одиночестве, допил свой «особый» коктейль, подошел к бару и попросил сделать ему «кувалду». После чего отыскал тихий уголок рядом с аквариумом, в котором плавала золотая рыбка, подходившая по цвету к его костюму, и устроился там, наблюдая за остальными гостями. Среди собравшихся выделялся один лишь полковник: его желчный взгляд позволял угадать в нем человека выдающихся достоинств. Все же остальные представляли собой тот тип людей, который комендант меньше всего ожидал здесь встретить. Казалось, будто их сопровождает атмосфера какой-то самоуверенной неуверенности; а речи этих людей явно недоставало того легкого городского юмора и ироничности, что изобиловали на страницах романа «Берри и компания». В стоявшей рядом с комендантом небольшой группе низенький толстенький человечек объяснял своим слушателям, как можно получить пятидесятипроцентную скидку при покупке холодильника. Рядом кто-то страстно доказывал, что мясо стоит покупать только оптом. Комендант не спеша двинулся по комнате, стараясь прислушиваться к другим разговорам. До него долетали только отдельные фразы, из которых, однако, можно было составить себе общее представление. Говорили о розах, о предстоящих в июле скачках, о чьем-то разводе. Когда комендант, обойдя комнату, вновь добрался до бара, майор Блоксхэм протянул ему новый коктейль, назвав его «третья степень».

— Ну как, старина, годится? — спросил он, однако попробовать коктейль комендант не успел. Снова раздался громкий вибрирующий звук гонга, приглашавший гостей к столу. Не желая, чтобы коктейль пропал зря, комендант вылил его в

аквариум, в котором плавала золотая рыбка.

— Садитесь между Маркизой и мной, — сказала миссис Хиткоут-Килкуун, пока гости отыскивали свои места за длинным обеденным столом. — Здесь вы будете в безопасности. — Она показала коммандантe на место рядом с весьма странным человеком, облаченным в вечерний костюм, который называл всех подряд «дорогой» или «дорогая». Заметив, что человек как-то слишком внимательно, изучающе разглядывает его, комендант, которому этот взгляд показался неприятным, немного передвинул свой стул поближе к месту, где сидела миссис Хиткоут-Килкуун. Комендант повертел в руках серебряные ножи и вилки, лежавшие рядом с его тарелкой, и почувствовал на себе какой-то странный взгляд полковника. Когда разговоры за столом немного приутихли, сидевший справа от коменданта человек спросил его, чем он занимается.

— Занимаюсь? — переспросил комендант, не вполне понимая, куда клонит собеседник. Вопрос прозвучал так, что ответить на него можно было бы по-разному.

Маркиза мгновенно уловила смущение коменданта.

— В смысле — чем вы зарабатываете на жизнь, дорогой? Не чем вы занимаетесь со мной — этого я не имела в виду, могу вас уверить.

Сидевшие за столом засмеялись, когда же комендант сказал, что он полицейский, смех стал еще громче. Комендант хотел было заявить, что повидал на своем веку достаточно распиздя́ев, которые корчили из себя невесть что, но тут миссис Хиткоут-Килкуун прошептала ему на ухо: «Это женщина». Комендант побелел от мысли, какой ляп он чуть было не совершил, и, чтобы прийти в себя, сделал добрый глоток австралийского бургундского, которое, по мнению полковника, почти не уступало шамбертену урожая 1959 года.

К концу обеда, когда стали подавать кофе и портвейн, коменданту удалось восстановить самообладание. При этом он дважды отыгрался, оба раза совершенно случайно. Первый раз, когда спросил, присутствует ли на обеде муж Маркизы. А второй, когда потянулся мимо нее за солью и нечаянно задел Маркизу за то место, где у нее должна была бы быть грудь по-видимому, тщательно скрываемая. Сидевшая слева от него миссис Хиткоут-Килкуун, раскрасневшаяся от вина и близости коменданта, излучавшего вокруг мужское обаяние, осторожно прижималась к нему под столом ногой, широко улыбалась и все время дотрагивалась кончиками пальцев до своих жемчужных сережек. Когда полковник встал и предложил тост за Мастера, миссис Хиткоут-Килкуун слегка подтолкнула коменданта локтем и

показала глазами на фотографию, висевшую над камином.

— Этот майор Мерсер, прошептала она, — Дорнфорд Йейтс.

Комендант кивнул и стал внимательно разглядывать лицо, пристально смотревшее на него с фотографии и выражавшее откровенное омерзение при виде мира и его обитателей. Сильный и жестокий взгляд горящих глаз, один из которых был больше другого; ощетинившиеся усы; автор романтическкх книг скорее смахивал на рассвирепевшего сержанта. «Наверное, слово „авторитет“ происходит от „автора“», — подумал комендант, машинально передавая бутылку с портвейном не в ту сторону, в какую следовало бы. Из уважения к Маркизе женщины остались за столом, и теперь официант-зулус обносил гостей сигарами.

— Это вам не «Генри Клэй» — всего-навсего родезийские «маканудос», — скромно сказал полковник. Комендант взял сигару и закурил.

— Никогда не пробовали скрутить такую сами? — спросил он полковника и был удивлен тем, что тот немедленно залился румянцем.

— Разумеется, нет, ответил полковник Хиткоут-Килкуун, который начал выходить из себя еще тогда, когда портвейн отправился не в ту сторону. — Кто же сворачивает себе сигары сам?!

— Я, например, — с нескрываемой иронией произнес комендант. — У моей бабки была ферма в Магалиесбурге. Она выращивала табак. А сигары скручиваются на ляжках, на внутренней их стороне.

— Просто жуть как романтично, — ледяным тоном заметила Маркиза. Когда хохот за столом затих, комендант как ни в чем не бывало продолжил свой рассказ.

— Бабка нюхала табак. А мы все крошили его для нее.

Окружавшие стол раскрасневшиеся лица молча уставились на человека в твидовом костюме от Харриса, бабка которого, по его собственному признанию, нюхала табак.

— Да, красочная у вас семейка, — заметил толстяк, знавший, как получать скидки на холодильники, и испугался, увидев, что комендант внезапно наклонился в его сторону через стол с выражением неописуемой ярости на лице.

— Если бы я не находился в чужом доме, вы бы по жалели о своих словах, — прорычал комендант. Толстяк побледнел, а миссис Хиткоут-Килкуун умиротворяюще положила свою руку на руку коменданта.

— Я что-нибудь не так сказал? — поинтересовался толстяк.

— Полагаю, мистер Эванс имел в виду, что у вас очень интересная семья, — прошептала миссис Хиткоут-Килкуун

коммандантy.

— Мне так не показалось, — ответил тот. Полковник Хиткоут-Килкуун, сидевший на противоположном конце стола, решил, что пора ему заявить о своей власти, и приказал официантам подавать ликеры. Решение оказалось не самым удачным. Майор Блоксхэм, уязвленный тем, что его убойные коктейли не привели коммандантa в такое состояние, когда из него можно было бы сделать всеобщее посмешище, предложил коммандантy шартрез. Ван Хеерден с интересом наблюдал, пока в его стакан для портвейна наливали ликер.

— Никогда в жизни не видел зеленого вина, — признался он.

— Ну, старина, ведь его же делают из зеленого винограда, — проговорил майор, и сидевшие за столом снова разразились хохотом. — Это надо пить залпом и до дна.

Миссис Хиткоут-Килкуун все это очень не понравилось.

— Как же низко ты можешь пасть, Малыш? — с недовольством в голосе то ли спросила, то ли констатировала она. Тем временем коммандант залпом выпил налитый ему стакан.

— Зато вы способны подняться так высоко, — весело ответил майор.

Маркиза решила тоже вступить в разговор.

— Высоко? Дорогие вы мои, — воскликнула она, — вам бы надо посидеть на моем месте, тогда бы вы поняли. Это же совершеннейшая горгонзола,[52] могу вас уверить!

Ее слова вызвали некоторое замешательство: официант поспешил поставить перед Маркизой поднос с сыром. Не обращая на все это внимания, коммандант Ван Хеерден сидел, счастливо улыбаясь, и чувствовал, как по телу разливается приятное тепло. Он решил извиниться перед толстяком и уже было открыл для этого рот, но тут майор Блоксхэм предложил ему еще стаканчик шартреза. Коммандант с благодарностью принял предложение, несмотря на полученный от миссис Хиткоут-Килкуун резкий толчок в бок.

— Полагаю, мы все должны присоединиться к коммандантy, — внезапно сказала она, — нельзя, чтобы он пил в одиночестве. Малыш, наполни все стаканчики для портвейна.

Майор недоумевающе посмотрел на нее.

— Все? — переспросил он.

— Ты слышал, что я сказала, — подтвердила миссис Хиткоут-Килкуун, переводя осуждающий взгляд с майора на полковника и обратно. — Все. Думаю, в честь нашего гостя мы должны выпить за южноафриканскую полицию.

— Черта с два буду я пить полный стакан шартреза за что бы

то ни было, — изрек полковник.

— Я вам никогда не рассказывала, как Генри провел войну? — спросила миссис Хиткоут-Килкуун сидевших за столом. Полковник побледнел и поднял свой стакан.

— За южноафриканскую полицию, — поспешно поддержал он.

— За южноафриканскую полицию, — торжествующе повторила миссис Хиткоут-Килкуун и внимательно проследила за тем, чтобы полковник и майор Блоксхэм выпили свои стаканы до дна.

Совершенно не видя и не понимая происходящего и потому пребывая в счастливом неведении, комендант сидел и улыбался. Так вот как англичане проводят свое свободное время, думал он, и чувствовал себя столь же прекрасно, как в собственном доме.

После того как был произнесен тост и все выпили, наступила полная тишина: каждый сидел и думал, что натворит стакан шартреза с его почками. Комендант Ван Хеерден встал.

— Я испытываю огромное удовлетворение от того, что нахожусь сегодня здесь, в этом прекрасном обществе, — сказал комендант, выдержал паузу и посмотрел на сидевших за столом гостей, которые помутневшими глазами уставились в ответ на него самого.

— То, что я собираюсь сказать, возможно, удивит некоторых из вас. — На противоположном конце стола полковник Хиткоут-Килкуун прикрыл глаза и вздрогнул. Если тост коменданта окажется сродни его вкусам в одежде и вине… бр-р, даже страшно подумать! Но в этом случае полковник оказался приятно удивлен. — Как вам известно, я африканер, — продолжал комендант. — Или, как говорите вы, англичане, — бур. Но я хочу, чтобы вы все знали: я восхищаюсь англичанами и хочу предложить тост за Британскую империю!

До полковника не сразу дошел смысл сказанного комендантом. Он удивленно открыл глаза и с еще большим удивлением увидел, что комендант держит бутылку бенедиктина и сам наполняет из нее стаканы сидящих за столом.

— Ну что же ты, Генри, — сказала миссис Хиткоут-Килкуун в ответ на умоляющий взгляд полковника, — за Британскую империю!

— О Боже, — простонал полковник. Комендант разлил ликер и поднял свой стакан.

— За Британскую империю, — повторил он и опорожнил стакан, а потом зло уставился на полковника, который только пригубил из своего стакана и теперь не знал, как поступить с остальным.

— Ну что же ты. Генри, — снова сказала миссис Хиткоут-Килкуун. Полковник допил свой стакан до конца и обмяк на стуле.

Коммандант испытывал прилив настоящего счастья. Чувство некоторого разочарования, омрачившее было начало вечера, теперь почти исчезло. Исчезла и Маркиза. Мужественно попытавшись что-то сказать напоследок, она сумела произнести только в очередной раз «дорогой…» и сползла под стол — впрочем, и тут выдержав до конца присущую ей элегантность. Вскоре и у других гостей стали проявляться последствия преданности коммандантa Ван Хеердена Британской империи. Воспользовавшись этим, официант — по всей видимости, стремившийся пораньше отправиться спать, — решил ускорить процесс и подал одновременно поднос с сыром и сигары.

Полковник Хиткоут-Килкуун вознамерился поправить его.

— Сыр и сигары не сочетаются друг с дру… — проговорил он и вдруг, шатаясь, поспешил выйти из комнаты. С его уходом вечеринка распалась сама собой. Толстяк заснул. Майору Блоксхэму было плохо. А миссис Хиткоут-Килкуун прижималась к коммандантy уже не только ногой, но всем, чем могла. «Возьми меня…» — пробормотала она и упала ему на колени. Коммандант с нежностью посмотрел на ее локоны, седина в которых была подкрашена до синевы, с непривычной для себя галантностью поднял ее голову со своих колен и встал.

— Пора спать, — сказал он и, аккуратно подняв миссис Хиткоут-Килкуун со стула, понес ее в спальню. Следом за ним шел зулус-дворецкий, по-видимому, заподозривший что-нибудь недоброе в намерениях коммандантa.

Когда Ван Хеерден опустил хозяйку дома на постель, миссис Хиткоут-Килкуун улыбнулась во сне.

— Не сейчас, дорогой, — пробормотала она. Видимо, ей что-то снилось. — Не сейчас. Завтра.

Коммандант на цыпочках вышел из спальни и отправился поблагодарить хозяина дома за прекрасный вечер. Однако в столовой полковника не было, а остальные члены «клуба Дорнфорда Йейтса» лежали неподвижно — кто на столе, кто под ним. Только майор Блоксхэм подавал некоторые признаки жизни, однако признаки эти были таковы, что вступить с ним в разговор было бы невозможно.

Коммандант попрощался на африкаанс, в ответ на что из майора вырвался новый фонтан. Окинув взглядом комнату, коммандант вдруг заметил какое-то движение под столом. Некто явно пытался привести в чувство Маркизу, хотя коммандант и не понял, почему для этого понадобилось снимать с нее брюки.

Приподняв край скатерти, комендант заглянул под стол и встретился с чьим-то взглядом. Увидев это лицо, комендант внезапно почувствовал себя плохо. «Похоже, я крепко перебрал», — подумал он и, отпустив скатерть, поспешно вышел из комнаты, на ходу припоминая, что он слышал о симптомах белой горячки. В саду к треску цикад время от времени примешивался звук щелкающих ножниц полковника, однако комендант не обратил на это внимания. Перед его мысленным взором стояли глаза, уставившиеся на него из-под скатерти. Два маленьких, круглых, блестящих, как бусинки, глаза и противное, отталкивающее лицо. Это было лицо констебля Элса. Но ведь констебль Элс мертв! «Скоро мне уже начнут мерещиться розовые слоны», — с ужасом подумал комендант, забираясь в машину. Назад, к себе в санаторий, он ехал крайне осторожно, а добравшись до своего номера, постарался выпить как можно больше этой отвратительной воды, чтобы хорошенько прочистить желудок.

Глава десятая

Но не только у коммандантa Ван Хеердена появилось в тот день ощущение, будто он страдает галлюцинациями. Рвение лейтенанта Веркрампа, ставившего своей целью вырвать из политической жизни с корнем любые подрывные силы, привело к появлению в Пьембурге новой и очень странной вспышки насилия, на этот раз охватившей улицы самого города. Первопричиной этой вспышки и на сей раз стал слишком изощренный способ связи, избранный шефом госбезопасности для сношений с его тайными агентами.

Агент 628 461 по четвергам должен был оставлять свои донесения в тайнике, устроенном в птичьем заказнике. Точнее, тайником служил мусорный контейнер, расположенный около вольера для страусов. Со всех точек зрения выбор места был оправдан: выбрасывание чего-либо в контейнер ни у кого не могло вызвать подозрений, а с другой стороны, сотруднику службы безопасности, одетому под бродягу, было бы легко, покопавшись в контейнере, извлечь из него донесение. И вот каждый четверг по утрам агент 628 461 неторопливо прогуливался по птичьему заказнику, покупал брикетик мороженого, съедал содержимое — якобы наблюдая в это же время за повадками страусов, — заворачивал в оставшуюся липкую серебряную обертку свое донесение и опускал его в контейнер для мусора. А после обеда возле мусорного бака появлялся констебль Ван Руйен, одетый в отрепья и с пустой винной бутылкой в руках. Он внимательнейшим образом обследовал бак, но тот неизменно оказывался пуст. Никому ни разу не пришло в голову, что опущенное в тайник донесение за время между моментом, когда оно было там оставлено, и приходом констебля могло быть извлечено из контейнера кем-то еще. Агент 628 461 не знал, что оставленное им сообщение не обнаружено. А констебль Ван Руйен и не подозревал о существовании агента. Он знал лишь одно: лейтенант Веркрамп приказал ему принести из бака все серебряные обертки от мороженого; но таких оберток в контейнере постоянно не оказывалось.

В первый же после отъезда коммандантa четверг агент 628 461 зашифровал очень важное сообщение, в котором информировал лейтенанта Веркрампа о том, что ему удалось подговорить всех других подпольщиков хоть один раз сделать что-то вместе — с тем чтобы всех их можно было бы взять на месте с поличным и потом повесить. Для этого он предложил

взорвать плотину Хлуэ, из водохранилища которой снабжались водой сам Пьембург и еще пол-Зулулэнда. Справиться с такой задачей в одиночку было бы не под силу, именно поэтому он и предложил совместные действия. К удивлению агента 628 461, все остальные — а их было одиннадцать человек — поддержали его идею. Вернувшись домой, каждый из них тоже составил шифровку для Веркрампа, предупреждая его, чтобы в пятницу ночью он был со своими людьми на плотине. С чувством выполненного долга и в предвкушении того, что наконец-то ему удастся отдохнуть и выспаться, утром в четверг агент 628 461 отправился в птичий заказник, чтобы заложить в тайник свое донесение. Он, однако, не на шутку встревожился, обнаружив, что за ним по пятам следует агент 378 550. Когда же, покупая мороженое, он вдруг увидел, что из кустов на противоположной стороне дороги за ним следит агент 885 974, его тревога переросла в панику. 628 461 съел купленное мороженое возле клетки с удодами, чтобы не привлекать внимания следивших к мусорному баку возле вольера для страусов. Через полчаса он купил вторую порцию мороженого и проглотил ее, с недовольным видом разглядывая павлинов. Еще через час он купил третье эскимо и как бы случайно направился к вольеру со страусами. За его действиями с нарастающим любопытством следили агенты 378 550 и 885 974, а также страусы. 628 461 доел эскимо, бросил обертку от него в мусорный бак и только было собрался уходить, как внезапно осознал, что все его тайные ухищрения были совершенно напрасны. С жадностью, еще более усилившейся от того, что им пришлось прождать целый час, страусы устремились к забору, просунули через него головы на длинных шеях, и одной из птиц удалось вытащить из бака обертку, которая тут же и была проглочена. При виде этого агент 628 461 потерял всякий контроль над собой.

— Черт бы их побрал, — в сердцах выругался он: Вот это да! Эти проклятые твари глотают все подряд!

— А что стряслось? — спросил агент 378 550, ре шивший, что обращаются к нему, и обрадованный возможностью избавиться наконец от роли скрытого наблюдателя.

Агент 628 461 внутренне подобрался и с подозрением взглянул на агента 378 550.

— Вы сказали: «Вот это да!», — повторил тот. Агент 628 461 попытался как-то выпутаться из си туации.

— Я имел в виду, что дошло, — объяснил он. — До меня дошло. Эти твари глотают что угодно.

— Не понимаю, — все еще никак не мог сообразить, о чем идет речь, агент 378 550.

628 461 старался отыскать какую-нибудь взаимосвязь между всеядностью страусов и его собственной преданностью делу коммунизма во всем мире.

— Ну, — сказал он, — я подумал о том, что можно заставить их проглотить взрывчатку, а потом выпустить их на свободу, и они начнут взрываться по всему городу.

— Гениально. — 378 550 с восторгом посмотрел на него. — Просто гениально.

— Конечно, — продолжал рассуждать агент 628 461, — сперва надо упаковать взрывчатку во что-нибудь водонепроницаемое. Потом скормить это страусам. И пожалуйста — готовая мина!

885 974, не желавший оставаться в стороне, пока эти двое тут о чем-то договариваются, выбрался из кустов и тоже присоединился к ним.

— Можно использовать презервативы, — предложил он, когда ему растолковали общий замысел. — Заложить гелигнит в презервативы, концы завязать, вот и будет водонепроницаемо.

Через час, сидя в кафе «У Флориана», они уже обсуждали этот план с остальными подпольщиками.

Возражал только 745 396 на том основании, что хотя страусы и глотают что угодно, но даже они вряд ли станут клевать презервативы, наполненные взрывчаткой.

— Можно сегодня же и попробовать, — предложил 628 461, которому показалось, что 745 396 пытается вызвать у других сомнения в силе его преданности делу марксизма-ленинизма. Предложение было поставлено на голосование, и единственным, кто высказался против, оказался 745 396.

В обед каждый из участников группы лихорадочно составлял донесение Веркрампу, предупреждая лейтенанта о том, что взрыв плотины временно откладывается, но следует ожидать появления взрывающихся страусов. Агента 885 974, которому принадлежала мысль о возможности использования презервативов, отправили на закупку двенадцати дюжин этих изделий. Самых лучших.

— Покупайте Crepe de Chine, посоветовал агент 378 550, которому как-то крепко не повезло с другой маркой, — Они с «гарантией».

885 974 отправился в большую аптеку на Маркет-стрит и попросил у стоявшего за прилавком молодого продавца двенадцать дюжин «Crepe de Chine»-а.

— Крепдешина? — удивился продавец, который явно был новичком на этой работе. — Это вам нужно в магазин тканей. А здесь аптека. У нас его не бывает.

885 974, и без того смущенный тем количеством, которое он

собирался купить, при этих словах покраснел до корней волос.

— Я знаю, — пробормотал он в ответ. — Но вы же понимаете, что мне нужно. В пакетиках, по три штуки.

Продавец покачал головой.

— Крепдешин продают на ярды, — сказал он. — Впрочем, спрошу, может быть, у нас и есть. И прежде чем агент 885 974 успел остановить его, продавец громко закричал через весь магазин, обращаясь к девушке, обслуживавшей нескольких покупательниц в противоположном углу зала.

— Салли, этот джентльмен просит двенадцать дюжин крепдешина. Разве у нас есть такая штука?

885 974 немедленно стал объектом самого пристального внимания двенадцати женщин солидного возраста, которые, в отличие от продавца, сразу же прекрасно поняли, что нужно джентльмену, и на которых огромное впечатление произвело количество запрошенного им товара.

— О Господи, да ладно, не надо ничего, — пробормотал 885 974 и выскочил из аптеки. В конце концов ему все же удалось приобрести желаемое, но только другой марки и после того, как в нескольких аптеках пришлось купить шесть зубных щеток и два тюбика краски для волос.

— Эта марка лучше, — объяснил он коллегам, встретившись с ними после обеда возле вольера со страусами. Впервые объединенные совместным замыслом, агенты с увлечением занялись тем, чтобы заставить страуса проглотить взрывчатку, спрятанную в резиновую оболочку.

— Давайте для начала насыпем в него просто песку, — предложил агент 628 461. Пожилая леди, кормившая уток на расположенном рядом пруду, отнеслась к операции насыпания песка с нескрываемым от вращением. 628 461 дождался, пока женщина ушла, после чего протянул то, что у него получилось, страусу. Птица взяла колбаску в клюв и выплюнула ее. 628 461 ухитрился палкой вытащить свое изделие из вольера. Вторая и третья попытки заставить птицу проглотить полфунта набитой в презерватив земли тоже потерпели неудачу. Тогда 628 461 предложил запрятать взрывчатку в мороженое.

— Утром оно им вроде бы пришлось по вкусу, — пояснил 628 461, которому уже надоело вытаскивать назад через забор набитые до отказа презервативы. Агент 378 550 купил два мороженых и шоколадку, и они попробовали смазывать приманку снаружи вначале мороженым, потом шоколадом, а потом тем и другим одновременно. Но тут их занятие было прервано появлением смотрителя заказника, которого привела женщина, кормившая раньше уток. 628 461, только что извлекший из

вольера уже восьмой отвергнутый страусами презерватив, поспешно засунул его к себе в карман.

— Это те, кто кормили страусов всякой дрянью? — спросил смотритель у женщины.

— Они, они самые, — подтвердила та с жаром.

Смотритель повернулся к агенту 628 461.

— Эта женщина утверждает, что вы пытались заставить птицу проглотить что-то большое, спрятанное в некоей упаковке. Так это или не так? — спросил он.

— Ничего подобного, — возмущенно возразил 628461.

— Пытались, пытались, я видела! — утверждала женщина.

— Попрошу вас пройти отсюда, — сказал смотритель.

Когда они выходили из заказника, агент 745 396 напомнил, что он-таки оказался прав.

— Я же вам говорил: эти страусы — не такие идиоты, — сказал он. Как будто для того, чтобы унизить 628 461 еще сильнее, презерватив, засунутый им в карман, прорвался.

— Ты же должен был купить Crepe de Chine, — упрекнул он агента 885 974, выгребая из кармана смесь земли, шоколада, мороженого и страусиного помета.

— Чего мне теперь делать с этими двенадцатью дюжинами? — спросил 885 974.

И тут агента 378 550 осенило.

— Воздушная кукуруза и мед, — внезапно сказал он.

— Что? — переспросил 628 461.

— Надо запрятать взрывчатку в смесь воздушной кукурузы и меда, и я вам гарантирую, что страусы это проглотят.

В первом же попавшемся им магазине агент 378 550 купил пакет воздушной кукурузы и баночку меда, затем взял у 885 794 презерватив и отправился в заказник проверять свою идею.

— Сработало! — доложил он, вернувшись уже через десять минут. — Проглотили с ходу!

— Наполним мы их, поставим взрыватели. А что потом? — усомнился агент 745 396.

— Наметим кукурузой дорожку в центр города, — ответил ему 628 461. Группа рассталась — каждому предстояло пополнить свои запасы взрывчатки, — а в девять вечера все снова собрались в заказнике. Взаимная подозрительность, столь характерная для первых их встреч, на этот раз уступила место искренней атмосфере товарищества. Тайным агентам Веркрампа начинало нравиться то, чем они занимались.

— Если это получится, то в следующий раз можно будет попробовать с зоопарком, предложил 628461.

— Черта с два стану я кормить львов презервативами, —

возразил 745 396.

— Незачем их ничем кормить, — сказал 885 974, которому не улыбалась перспектива снова закупать мешками противозачаточные средства. — Они и без того произведут впечатление не хуже взрывчатки.

Если агенты Веркрампа пребывали в приподнятом настроении, то об их шефе сказать подобное было нельзя. Чем дальше, тем сильнее в нем крепло ощущение, что с его планами по искоренению подрывной коммунистической деятельности что-то пошло не так. Это ощущение переросло почти в уверенность, когда хранитель полицейского арсенала обнаружил исчезновение значительного количества взрывчатки и запалов к ней.

Хранитель доложил лейтенанту Веркрампу о том, что ему удалось обнаружить, — точнее, о том, чего обнаружить именно не удалось. Еще раньше специалисты по взрывным устройствам сообщили лейтенанту, что во всех случаях использовались исключительно взрыватели того типа, который применяет только южноафриканская полиция. Теперь после доклада хранителя арсенала, интуиция Веркрампа, сколь бы слабой она ни была, все же подсказывала лейтенанту, что он, похоже, откусил больше, чем может проглотить. Похожее ощущение испытывали и пять страусов в птичьем заказнике. То, что поначалу представлялось Веркрампу великолепной возможностью реализовать свои амбиции, превращалось в ловушку, из которой не было возможности повернуть назад. Не желали поворачивать назад и страусы. Когда тайные агенты накормили птиц взрывчаткой, а потом выпустили их из вольера, то к собственному ужасу убедились, что страусы не хотят с ними расставаться. По-видимому, птицы считали, что им снова дадут презервативы с воздушной кукурузой, и потому все пять страусов так и топали стадом за агентами, направлявшимися в город. Когда вся компания добралась до начала Маркет-стрит, а страусы так и не отставали, агенты не на шутку запаниковали.

— Может быть, разбежимся в разные стороны? — предложил 628 461.

— Пожалуй. А то мы разлетимся в разные стороны, если эти черти от нас не отвяжутся, — заявил 745 396, которому с самого начала не нравилась вся эта затея — но особенно сейчас, когда к нему проникся симпатией и привязался страус весом под триста фунтов, не считая взрывчатки, запал которой, как хорошо знал агент, должен был сработать через пятнадцать минут. В следующее же мгновение агенты дружно бросились врассыпную, стремясь избавиться от вероятных последствий собственного эксперимента. Однако страусы, ничуть не обескураженные, без

малейших усилий последовали за ними. На ближайшем перекрестке агент 745 396 вскочил на площадку проходящего автобуса, а спустя несколько минут, случайно взглянув в заднее окно, с изумлением увидел силуэт страуса, с легкой небрежностью трусившего в нескольких ярдах позади автобуса. Птица не отстала и еще через несколько кварталов. У первого же светофора, агент 745 396 выскочил из автобуса и рванулся на противоположную сторону улицы, в кинотеатр, где, как извещала афиша, демонстрировался фильм «Бесстрашные орлы».

— Сеанс окончен, — сказал ему билетер у входа.

— Это вам так кажется, — ответил 745 396, не спуская взгляда со страуса, уставившегося с улицы в стеклянную входную дверь. Разрешите мне воспользоваться вашим туалетом.

— Вниз по лестнице и налево, — сказал билетер и вышел на тротуар, чтобы прогнать страуса. 745 396 спустился в туалет, заперся в кабинке и стал ждать, когда раздастся взрыв. Через пять минут в туалет спустился и билетер. Он постучал в дверь кабинки.

— Это ваш страус? — спросил билетер. Агент 745 396 оторвал от рулона туалетную бумагу, чтобы доказать, что использует это место по назначению.

— Нет, — как-то неуверенно ответил 745 396.

— Нельзя оставлять его на улице, — сказал биле тер, — он мешает движению.

— Это уж точно, — ответил 745 396.

— Что точно? — переспросил билетер.

— Ничего! — истерически завопил 745 396, дошедший уже до точки. Впрочем, к своему пределу приближался и страус.

— Последний вопрос. Вы всегда… — начал было билетер, но закончить он не успел. Наступила какая-то оглушительная тишина, за которой в туалет ворвалась стена пламени и раздался мощнейший взрыв. Фасад кинотеатра обрушился на улицу, свет погас, а агент 745 396 медленно сполз на треснувшую крышку унитаза и привалился к стене. Там его засыпанный штукатуркой труп и обнаружили на следующий день спасатели.

Слух о том, что город наводнили стаи взрывающихся страусов, распространился по Пьембургу со скоростью пожара. За ночь разбежались в разные стороны и страусы. Самый трагический инцидент произошел в помещении Общества охраны природы Зулулэн-да, где одна из птиц, доставленная туда активистом общества, взорвалась, когда ее осматривал ветеринар.

— Мне кажется, у нее что-то с желудком, — сказал человек, доставивший страуса. Ветеринар послушал через стетоскоп зоб птицы и вынес диагноз.

— Изжога, — уверенно произнес он, и безапелляционность сделанного ветеринаром заключения подтвердил последовавший за ним взрыв. В ночное небо взлетели кирпичи, куски штукатурки, ветеринара и любителя птиц. Так перестало существовать здание Общества охраны природы, которое само было историческим памятником, поставленным под охрану городским советом Пьембурга. Под лунным светом курился лишь столб дыма да летали в воздухе несколько больших перьев.

Сидя у себя в кабинете, исполняющий обязанности коменданта Веркрамп прислушивался к глухим раскатам взрывов с нарастающим чувством отчаяния. Разрушено уже многое. Вот сейчас, судя по доносившимся до него звукам, к разрушениям добавилась еще и немалая часть городского торгового центра. Можно не сомневаться, что в самом ближайшем будущем окажется разрушенной и его карьера. Чтобы развеять нараставшие у него подозрения, лейтенант снова внимательнейшим образом изучил несколько донесений своих агентов и лишний раз убедился, что, в отличие от усилий агентов, его план дал осечку. Агент 378 550 сообщал, что группа заговорщиков состояла из одиннадцати человек. О том же самом сообщал и агент 885 974. Это подтверждал и агент 628 461. Все донесения не противоречили друг другу — это-то и вселяло ужас. Каждый из его агентов докладывал о группе, состоявшей из одиннадцати человек. Веркрамп прибавил к одиннадцати по одному, и у него получилось двенадцать. Именно столько агентов участвовало в начатой им операции. Вывод был очевиден, и последствия всего происшедшего тоже казались очевидными. Отчаянно стараясь найти хоть какой-то выход из дурацкой истории, в которую он сам же втянул себя, Веркрамп встал из-за стола и подошел к окну. Тут-то он и увидел крупного страуса, целеустремленно бегущего куда-то по улице. Выругавшись, Веркрамп открыл окно и уставился вслед птице. «Конец», — злобно проворчал он, и в этот момент полыхнула яркая вспышка, ударная волна выбила окно на следующем этаже, прямо над головой Веркрампа, страуса не стало, а Веркрамп очутился на полу кабинета, явственно ощущая, что у него ум заходит за разум.

— Не может быть. Это был не страус, — бормотал он, с трудом ковыляя назад к окну. Улица была покрыта битым стеклом, посреди проезжей части темнела воронка глубиной фута в два. Вот и все, что осталось от того, что взорвалось — чем бы оно ни было. Да, в воронке лежала еще пара ног, на каждой из которых, как видел Веркрамп, было по два пальца. Значит, это все-таки был страус.

На протяжении последующих двадцати минут лейтенант Веркрамп действовал с непостижимой скоростью. Он сжег все дела, которые позволили бы установить хоть какую-то связь между ним самим и его агентами. Уничтожил все их донесения. Приказал хранителю вставить в дверь полицейского арсенала новый замок. Сделав все это, уехал из полицейского управления на черном «форде» коменданта. Через час, объехав все бары в городе, он наконец наткнулся на двух из своих агентов, которые обмывали в баре отеля «Критерион» успех своей последней операции.

— Легавый, — сказал агент 628 461, когда Веркрамп вошел в бар. — Разбегаемся.

Агент 885 974 допил свою рюмку и пошел к выходу. 628 461 взглядом проследил за ним и сильно удивился, увидев, что Веркрамп вышел следом за 885 974 на улицу.

«Наверное, арестовывает», — подумал агент и заказал себе еще кружку пива. Однако через минуту ему пришлось удивиться еще сильнее: 628 461 внезапно обнаружил, что Веркрамп стоит рядом и пристально смотрит на него сверху вниз.

— Выходи на улицу, — бесцеремонно приказал Веркрамп. 628 461 слез со стула, вышел и с еще большим удивлением обнаружил, что его коллега-подпольщик сидит в полицейской машине один и без всякой охраны.

— Одного из них, как вижу, поймали, — сказал 628 461 Веркрампу и уселся в машину рядом с 885 974.

— Одного из них?! — заорал Веркрамп. — Он не один из них! Он один из нас!

— Из нас? — переспросил ничего не понимаю щий 628 461.

— Я — агент 885 974. А ты кто?

— О Боже, — только и смог сказать 628 461. Веркрамп сел на место водителя, обернулся и злобно уставился на обоих агентов.

— Где остальные? — прошипел он.

— Кто остальные?

— Остальные агенты, идиоты! — рявкнул Веркрамп. В течение следующих двух часов они объехали все бары и кафе, и по пути Веркрамп метал громы и молнии, доказывая своим агентам, что не годится взрывать общественную собственность, равно как и подрывать страусов в самом центре города.

— Я вам приказал проникнуть в коммунистическое движение, а вы чем занялись?! — гремел лейтенант. — Подняли на воздух полгорода. Хорошенькое дельце! Знаете, чем оно может для вас кончиться? Тюремной виселицей в Претории, вот чем.

— Могли бы предупредить заранее, — недовольно проговорил агент 628 461. — В том числе и о том, что можем

столкнуться с другими агентами.

Лейтенант Веркрамп побагровел.

— Предупредить?! — зашумел он снова. — А здравого смысла у вас что, нет вовсе? Я же не думал, что вы станете выслеживать друг друга!

— Откуда нам было знать, что мы все — агенты? — спросил 885 974.

— Я думаю, даже такие идиоты, как вы, могли бы отличить хорошего африканера от еврея-коммуниста!

885 974 задумался над этой мыслью.

— Если это так просто, — сказал он наконец, тщательно стараясь придерживаться хоть какой-то логики, я не понимаю, в чем мы виноваты. Евреи-коммунисты должны с первого же взгляда понять, что мы — хорошие африканеры. Я хочу сказать: какой же смысл посылать хороших африканеров на поиски евреев-коммунистов, если евреи-коммунисты могут с ходу…

— Заткнись! — заорал Веркрамп, уже успевший понять, что эту тему затрагивать не следовало.

К полуночи в разных местах города им удалось найти еще семерых агентов, и в полицейской машине стало тесновато.

— И что нам теперь делать? — спросил агент 378 550, когда они в пятый раз объехали вокруг парка в поисках трех недоставaвших агентов. Веркрамп остановил машину.

— Я вас всех обязан арестовать, — прорычал он. — Вы все должны пойти под суд за терроризм. Но…

— Не арестуете, — перебил его 885 974, успевший поразмышлять над создавшимся положением.

— Это почему? — обозлился Веркрамп.

— Потому что каждый из нас заявит, что это вы приказали нам взорвать и трансформатор, и газораспределительную станцию, и…

— Ничего подобного! Я вам приказал найти коммунистов! — рявкнул Веркрамп.

— А кто нам дал ключи от полицейского арсенала? — спросил 885 974. — Кто нас снабжал взрывчаткой?

— А донесения, которые мы вам посылали? — добавил 628 461.

Веркрамп замолчал, безучастно глядя в ветровое стекло и размышляя о будущем, в конце которого четко просматривалась виселица в центральной тюрьме Претории.

— Ну хорошо, — сказал он наконец. — И чего же вы от меня теперь хотите?

— Вывезите нас через заставы на дорогах. Довезите до Дурбана, дайте каждому по пятьсот рандов и забудьте о том, что

вы нас видели, — сказал агент 885 974.

— А что делать с теми тремя, которых мы не нашли? — спросил Веркрамп.

— Это уж ваша проблема, — ответил 885 974. — Завтра поищете.

Они подъехали к зданию полицейского управления, и Веркрамп зашел взять деньги. Через два часа девять агентов выбрались из его машины в аэропорту Дурбана. Лейтенант Веркрамп посмотрел, как они входят в здание аэропорта, и поехал назад в Пьембург. При въезде в город сержант, дежуривший на заставе, вторично за эту ночь поприветствовал его, пропуская машину, и отметил про себя, что лейтенант выглядел измотанным и больным. В четыре утра Веркрамп уже лежал дома в постели и, глядя в темноту широко раскрытыми глазами, раздумывал о том, как ему найти завтра этих трех агентов. В семь он встал и отправился в кафе «У Флориана». Агент 885 974 на прощание посоветовал ему попробовать поискать там. В одиннадцать машина коммандanta снова прошла через контрольно-пропускной пункт при выезде из города по шоссе, ведущему в Дурбан. На этот раз в машине, кроме лейтенанта, сидели еще двое. Когда исполняющий обязанности коммандanta возвратился в Пьембург, от одиннадцати из его агентов и след простыл. Двенадцатый, номер 745 396, лежал в городском морге в ожидании, пока труп будет опознан.

Коммандант Ван Хеерден спал в эту ночь на курорте гораздо лучше, чем ожидал, — особенно после того, как накануне ему что-то померещилось. Правда, наутро голова у него немного болела от выпитого вечером, но после весьма плотного завтрака быстро прошла. В дальнем углу «Насосной» две пожилые леди с короткими прическами, как всегда, продолжали свое бесконечное перешептывание.

После завтрака коммандант решил пройтись пешочком в Веезен, рассчитывая встретить где-нибудь в городке миссис Хиткоут-Килкуун, которая говорила что-то насчет «завтра», когда он укладывал ее в постель. Он вышел на шоссе и уже тащился по нему в сторону городка, когда внезапно раздавшийся у него за спиной громкий сигнал заставил его отпрыгнуть с дороги. Коммандант яростно оглянулся и увидел старинный «роллс-ройс», за рулем которого сидел майор Блоксхэм.

— Вас-то мне и надо! — прокричал ему майор. — Прыгайте в машину!

Коммандант забрался на переднее сиденье и с удовлетворением отметил про себя, что майор выглядел неважно.

— Честно говоря, я сегодня не в лучшей форме, — ответил

майор, когда комендант поинтересовался, пришел ли он в себя после вчерашнего. — Не могу не отдать вам должное: вы, буры, умеете пить ликеры. И как только вы добрались вчера до гостиницы?!

Услышав такой комплимент, комендант улыбнулся.

— Ну, меня двумя стаканами под стол не отправишь, — скромно сказал он.

— Кстати, о столах, — спросил комендант, когда они уже въезжали в Веезен, — а как та женщина, в мужском вечернем костюме — с ней все в порядке?

— Которая? А, Маркиза! — ответил майор. — Странно, что вы ее запомнили. Она сегодня утром как-то не в себе. Говорит, что чувствует себя нездоровой.[53]

Комендант побелел. Если за словами «чувствует себя нездоровой» стояло что-то серьезное — а комендант был уверен, что дело обстояло именно так, — то можно было не сомневаться, что Маркиза говорит истинную правду. Сейчас он уже почти не сомневался в том, что Элс под столом ему не почудился. А спустить штаны с лесбиянки — это проделка из разряда тех, которыми как раз и был известен констебль Элс. Но ведь Элс же мертв?! Комендант мучился над этой загадкой, пока они не остановились около бара.

— Клин клином вышибают, — сказал майор и на правился в бар. Комендант последовал за ним.

— Мне джин и мятный леденец, — заказал майор Блоксхэм. — А вам, старина, что?

Продолжая думать о своем, комендант механически попросил все то же самое.

— Она не рассказывала, что с ней было? — спросил он.

Майор Блоксхэм с любопытством посмотрел на коменданта.

— Что, зацепила вас эта штучка, да? — спросил он наконец. Комендант жестко глянул на него, и майор немного сменил тон. — Погодите, припоминаю, она сказала за завтраком что-то странное… Вот, вспомнил. Она сказала: «Чувствую себя так, будто меня затрахали в хвост и в гриву». Да, именно так. Для женщины довольно грубое, на мой взгляд, высказывание.

Комендант не ответил, однако про себя не мог согласиться с последним замечанием. Если под столом был действительно Элс, то женщина наверняка просто говорила правду, а не выражалась, это уж точно. Но так ей, дуре, и надо — будет знать, как облачаться в мужские костюмы, подумал комендант.

— Кстати, Дафния просила узнать, не хотите ли вы составить нам завтра компанию на охоту? — спросил майор.

Комендант с трудом оторвался от размышлений об Элсе и

лесбиянке, одевающейся под мужчину, и постарался сосредоточиться на охоте.

— С удовольствием, — сказал он, — но мне придется попросить у кого-нибудь ружье.

— Мы охотимся на подманку, — продолжал майор, прежде чем до него дошло, что комендант привык охотиться на лис с ружьем. Комендант тоже не сразу понял, о чем идет речь.

— На подманку? — переспросил он, неприязненно глядя на майора.

— Ружье? — одновременно спросил тот, уставившись на коменданта с такой же неприязнью. Он быстро огляделся по сторонам — не прислушивается ли кто-нибудь в баре к их разговору, — а потом наклонился поближе к коменданту.

— Послушайте, старина, — сказал он тоном заговорщика, — мы с вами умные люди, все понимаем, и все такое. Но слушайтесь моего совета — я бы об этом широко не трепался. Вы понимаете, что я имею в виду.

— Вы хотите сказать, что полковник Хиткоут-Килкуун…[54] — неуверенно начал комендант, которому трудно было представить себе полковника участником такой охоты.

— Совершенно верно, старина, перебил его майор. — Полковник относится к таким вещам страшно чувствительно.

— Ну, меня это ни капельки не удивляет, — сказал комендант.

— Только оставим это между нами, — проговорил майор. — Еще по стаканчику? Теперь ваша очередь заказывать.

Комендант попросил еще два джина и мятные леденцы. В ожидании заказанного он подумал о том, что теперь ему понятна роль майора Блоксхэма в семействе Хиткоут-Килкуунов. Последующие слова майора подтвердили его догадку.

— До дна, — предложил майор и поднял свой стакан.

Комендант поставил свой стакан на стойку бара и жестко посмотрел на майора.

— Это незаконно, — сказал он. — Надеюсь, вы это понимаете.

— Что именно, старина? — спросил майор. Теперь настала очередь коменданта оглядеться вокруг, не прислушивается ли к ним кто-нибудь.

— Охота на приманку, — сказал он наконец.

— Правда? Как интересно. Понятия не имел, — ответил майор. — Но ведь никакого вреда от этого ни кому нет.

Комендант поерзал на стуле.

— Ну, это смотря как поглядеть на дело, — ответил он тихим голосом.

— Конечно, тому, кто впереди, приходится несладко. И

удрать непросто. Но ведь это только дважды в неделю, — сказал майор.

Коммандант Ван Хеерден передернулся от отвращения.

— Передайте полковнику мои слова, — сказал он майору. — Передайте ему, что это совершенно противозаконно.

— Будет сделано, старина, — ответил майор, — хотя, убейте меня, не понимаю, что здесь такого. Но, конечно, вам как полицейскому лучше знать.

Они посидели еще немного молча, допивая свои стаканы. Каждый думал о своем.

— Вы абсолютно уверены, старина, что это незаконно? — спросил наконец майор Блоксхэм. — В этом же нет какой-то особой жестокости или чего-то похожего. И на самом-то деле мы ведь никого не убиваем.

— Хотел бы верить, что так, черт возьми, — ответил коммандант, уже всерьез разозлившись. — Мы просто выпускаем после завтрака кафра с мешочком анисового семени у пояса, а через час отправляемся за ним в погоню.

— А зачем анисовое семя? — спросил коммандант.

— Оно дает отчетливый запах, — объяснил майор. Коммандант Ван Хеердена передернуло. Пятидесятилетние мужчины, переодетые женщинами и гоняющиеся за надушенными кафрами, — это для него было уже слишком.

— А что обо всем этом думает миссис Хиткоут-Килкуун? — с интересом спросил он. Ему было трудно представить себе, чтобы столь элегантная леди одобрительно относилась к подобной охоте.

— Кто, Дафния? Ей это очень нравится. По-моему, гораздо больше, чем всем другим, — ответил майор. — У нее прекрасная посадка, должен вам сказать.

— Да, я обратил внимание, — сухо сказал коммандант, который счел совершенно неуместным это замечание о некоторых особенностях тела миссис Хиткоут-Килкуун. — А во что она одевается?

Майор Блоксхэм расхохотался.

— О, она принадлежит к старой школе. И не при знает никаких поблажек. Она надевает цилиндр…

— Цилиндр? Неужели цилиндр? — переспросил коммандант.

— Именно так, старина. И еще плетку. Поверьте мне на слово: спаси Господи того, кто откажется прыгать через забор. Эта женщина покажет такому, где раки зимуют.

— Очаровательно, — сказал коммандант, пытаясь представить себе, что значило бы узнать, где раки зимуют, от миссис Хиткоут-Килкуун, одетой только в цилиндр и ни во что

больше.

— Мы можем дать вам хорошую лошадь, — предложил майор.

Коммандант выпрямился на стуле.

— Не сомневаюсь, — непреклонно произнес он, — но не советую вам даже пытаться втянуть меня в подобное дело.

Майор Блоксхэм встал со своего места.

— Что, душа в пятки ушла? — спросил он мерзким голосом.

— О моей душе не волнуйтесь, — ответил коммандант.

— Ну что ж, поеду домой, — сказал майор и на правился к двери. Коммандант допил свой стакан и последовал за ним. Когда он выходил, майор уже уса живался в «роллс-ройс».

— Кстати, просто в порядке интереса, — спросил коммандант, — а во что одеваются мужчины в таких… э-э-э… случаях?

Майор Блоксхэм грязно ухмыльнулся.

— Во что-нибудь розовое, старина, в розовое. Что же еще надеть джентльменам, как не розовое?[55] — Он отпустил сцепление, и «роллс-ройс» уехал, а коммандант, оставшись один, в очередной раз испытал то чувство разочарования, которое, кажется, взяло за правило приходить к нему всякий раз, как только он начинал подвергать идеалы, существовавшие в его воображении, проверке практикой. Коммандант постоял какое-то время возле бара, а потом неторопливо добрел до площади и остановился, вглядываясь в лицо великой королевы. До него впервые дошло, почему это лицо выражает подмеченное им еще раньше слегка замаскированное отвращение. «Ничего удивительного, — подумал коммандант, — невелико удовольствие быть королевой страны гомосексуалистов». Верхняя часть памятника была изгажена голубями, и теперь коммандантy виделся в этом особый смысл. Он повернулся и медленно пошел назад в гостиницу на обед.

— Противозаконно?! — воскликнул полковник Хиткоут-Килкуун, когда майор передал ему слова коммандантa. — Охота незаконна? В жизни не слышал подобного вздора. Да он просто врет. Не удивлюсь, если окажется, что он боится лошадей. А еще что он сказал?

— Признался, что охотится на лис, — ответил майор.

Полковника Хиткоут-Килкууна прорвало.

— Черт побери, я же всегда говорил, что этот тип — негодяй, — завопил полковник. — Только подумать: я рисковал почками, отвечая на тосты подобной скотины!

— Генри, дорогой, не надо так кричать, — сказал миссис Хиткоут-Килкуун, выходя из соседней комнаты. — У меня от

этого просто раскалывается голова. А кроме того, умер Вилли.

— Вилли умер? — удивился полковник. — Вчера он прекрасно себя чувствовал.

— Подите посмотрите сами, — грустно произнесла миссис Хиткоут-Килкуун. Мужчины направились в соседнюю комнату.

— О Боже, — сказал полковник, когда они подошли к аквариуму, в котором еще вчера плескалась золотая рыбка. — Любопытно, что же с ней произошло?

— Допилась до смерти, наверное, — попробовал пошутить майор Блоксхэм. Полковник Хиткоут-Килкуун холодно посмотрел на него.

— Не нахожу в этом ничего смешного, — сказал он и, прямой как палка, величественно прошествовал к выходу. Майор Блоксхэм потолкался как неприкаянный по дому и в конце концов вышел на окружавшую дом веранду. Там он и наткнулся на Маркизу, которая стояла у перил, вперив взгляд куда-то вдаль.

— И грешен только человек, а? — жизнерадостно произнес майор. Маркиза сердито посмотрела на него.

— Дорогой, вы обладаете удивительным даром говорить правильные вещи в самое неподходящее время, — отрезала она и странно, как больная, заковыляла по лужайке прочь от дома. Майор остался в полном недоумении: и что это на нее сегодня нашло?

Глава одиннадцатая

Пока комендант Ван Хеерден шел из Веезена к себе в гостиницу, чувство разочарования, ставшее первой его реакцией на то, что приоткрыл ему майор Блоксхэм, уступило место подозрениям. Притом сразу нескольким. Оглядываясь на последние дни и недели, комендант вдруг осознал, что все происшедшее с ним за это время — повод не столько для разочарований, сколько для серьезного беспокойства. Приглашение погостить в имении «Белые леди» — и тот факт, что его практически тут же отфутболили в эту гостиницу. А как откровенно игнорировали его на протяжении нескольких дней после того, как он все же приехал! Да и вообще все дни, что он находится тут, его не по кидало ощущение, будто он здесь гость нежеланный. Но и это еще не все. Комендант вдруг увидел вопиющее противоречие между тем, как вели себя в книгах герои Дорнфорда Йейтса, и поведением Хиткоут-Килкуунов и их окружения. Персонажи из «Берри и компания» не напивались до положения риз и не сваливались под стол если, конечно, какой-нибудь мошенник-француз не подмешивал им чего-нибудь в шампанское. Они не приглашали на торжественные обеды лесбиянок-алкоголичек. Герои Йейтса не скакали на лошадях, одетые… Нет, сейчас комендант припоминал какой-то эпизод, в котором Берри переодевался женщиной. Но как бы там ни было, Берри и компания не путались с констеблем Элсом, это уж точно.

Лежа на постели в своей комнате «6 — Промывка кишок», комендант снова и снова перебирал в уме все эти подозрения до тех пор, пока его разочарование не сменилось гневом.

Я никому не позволю обращаться с собой подобным образом, заводился он, вспоминая о всех оскорблениях, какие ему довелось претерпеть за обедом, особенно от этого толстяка. Вот уж воистину красочная семейка, подумал комендант. Ничего, вы у меня засверкаете еще ярче! Он встал и посмотрел в помутневшее зеркало на свое отражение.

— Я — комендант Ван Хеерден! — произнес он вслух, выпятил грудь, как бы самоутверждаясь, и поразился тому внезапному приливу гордости за самого себя, который при этом испытал. Пропасть между тем, чем он был на самом деле, и чем хотел бы быть, на мгновение исчезла, и в этот миг комендант посмотрел на мир глазами человека, сумевшего добиться успеха в жизни. Только он было задумался, что может дать ему столь новый взгляд на вещи, как раздался стук в дверь.

— Входите! — крикнул комендант. Дверь откры лась, и он с

удивлением увидел миссис Хиткоут-Килкуун.

— Ну что еще? — машинально произнес он, не в силах сразу переключиться от настроения, вызванного раздраженным честолюбием, на обычную вежливость, которой требовало создавшееся положение. Но взгляд миссис Хиткоут-Килкуун выражал лишь покорность.

— Дорогой, — проговорила она чуть слышно. — Дорогой мой. — Она с кротким выражением лица перевела глаза на свои безукоризненные розовато-лиловые перчатки. — Мне так стыдно. Мне просто ужасно стыдно при одной мысли о том, как плохо мы с вами обошлись.

— М-да. Ну что ж, — как-то неуверенно ответствовал комендант, однако интонация при этом у него была такая, как будто он допрашивал подозреваемого.

Миссис Хиткоут-Килкуун опустилась на кровать и понуро сидела, уставившись на кончики своих туфель. Это все моя вина, — сказала она наконец. — Я не должна была приглашать вас сюда. — Она окинула взглядом жуткую комнату, на пребывание в которой коменданта обрекло проявленное ею гостеприимство, и тяжело вздохнула. — Я должна была понимать, что Генри не будет вести себя прилично. Он, знаете ли, с предубеждением относится ко всем иностранцам.

Комендант и сам уже успел это заметить. По крайней мере, это хоть как-то объясняло присутствие в его окружении такого персонажа, как Маркиза. Француженка-лесбиянка такое сочетание должно было импонировать сложной и противоречивой натуре полковника.

— И еще этот его отвратительный клуб, — продолжала миссис Хиткоут-Килкуун. — Это даже не столько клуб, сколько тайное общество. Я понимаю, вам, конечно, все это должно казаться невинным и безвредным занятием. Но вам не приходится жить рядом со всем этим изо дня в день. Вы даже представить себе не можете, насколько это все омерзительно. Весь этот маскарад, все это притворство. Один стыд, да и только.

— Вы хотите сказать, что это все — ненастоящее? — спросил комендант, стараясь понять, что же скрывается за внезапным приступом откровенности миссис Хиткоут-Килкуун.

Миссис Хиткоут-Килкуун изумленно посмотрела на него.

— Не пытайтесь меня уверить, будто им удалось одурачить и вас тоже, — сказала она. — Конечно, не настоящее. Неужели вы сами не видите? Никто из нас не является тем, кем он притворяется. Генри никакой не полковник. Малыш — не майор. Он даже не малыш, если уж на то пошло. А я — никакая не леди. Каждый из нас играет какую-то роль, мы все — обманщики,

дешевые подделки. — При этих словах глаза ее наполнились слезами.

— Но кто же вы тогда? — вопрос коммандантa прозвучал довольно требовательно.

— Господи, зачем вам это знать? — простонала миссис Хиткоут-Килкуун. Она сидела на краешке кровати и рыдала. Комендант подошел к одному из кранов, налил стакан воды и протянул ей.

— Выпейте, — сказал он, подавая стакан, — это поможет.

Миссис Хиткоут-Килкуун сделала глоток и в ужасе уставилась на коменданта.

— Неудивительно, что вы страдаете запорами, — сказала она и поставила стакан на прикроватный столик. — И мы вас заставили жить в этом ужасном месте! Что же вы после всего этого должны о нас думать?!

Комендант, в глубине души соглашаясь с тем, что курорт Веезен оказался далеко не самым приятным местом, решил, однако, воздержаться от высказывания собственного мнения. Для него день и так превратился уже в непрерывную череду признаний и исповедей.

— Скажите, — спросил он вместо ответа, — если полковник — не полковник, то кто же он на самом деле?

— Этого я не могу вам сказать, — проговорила миссис Хиткоут-Килкуун. — Я дала обещание никому и никогда не рассказывать, что он делал во время войны. Он меня убьет, если решит, будто я вам рассказала. — Она осуждающе посмотрела на коменданта, — забудьте все, о чем я тут говорила. Я уже и так наболтала слишком много лишнего.

— Вот как, — заметил комендант, — делая собственные умозаключения на основании угрозы полковника убить жену, если она проговорится. Чем бы ни занимался Генри Хиткоут-Килкуун во время войны, ясно, что это было нечто совершенно секретное.

Миссис Хиткоут-Килкуун решила, что пролитых ею слез и сделанного только что признания более чем достаточно, чтобы как-то компенсировать коменданту неудобства его проживания. Она вытерла глаза и встала.

— Вы с таким пониманием ко всему относитесь, — прошептала она.

— Ну, я бы этого не сказал, — совершенно искренне возразил комендант.

Миссис Хиткоут-Килкуун подошла к зеркалу и стала приводить в порядок тот ущерб, который — весьма, впрочем, расчетливо — был причинен ее гриму. — А сейчас, — заявила она

неожиданно весело, что весьма удивило коменданта, — я отвезу вас на перевал Сани и мы попьем там чаю. Нам обоим не помешает развеяться, а вам бы стоило попробовать и какой-нибудь другой воды.

Эта поездка навсегда осталась в памяти коменданта. Великолепная машина бесшумно скользила мимо подножия гор, оставляя позади себя густой шлейф пыли, медленно оседавшей на поля и лачуги кафров, мимо которых они проезжали. И чем дальше они ехали, тем заметнее возвращалось к коменданту его утраченное было добродушие. Вот он сидит в этом прекрасном автомобиле, который когда-то принадлежал генерал-губернатору и в котором, как говорят, даже дважды проехался принц Уэллльский во время его триумфального визита в Южную Африку в 1925 году. А рядом с ним сидит — ну, если и не леди в полном смысле этого слова, то по крайней мере женщина, обладающая всеми внешними признаками и достоинствами настоящей леди. Во всяком случае, машину она вела превосходно, чем комендант не мог не восхищаться. Особое впечатление произвело на него ее умение до мига рассчитывать скорость движения. В одном месте машина неслышно подкралась сзади почти вплотную к негритянке, несшей на голове большую корзину. Только тогда миссис Хиткоут-Килкуун нажала на сигнал, и насмерть перепуганная негритянка одним прыжком отскочила в канаву.

— Во время войны я была в армии и там научилась водить, — объяснила миссис Хиткоут-Килкуун в ответ на комплимент коменданта ее шоферскому мастерству. — Водила тридцатитонный грузовик. — Она засмеялась при этом воспоминании. — Вы знаете, все говорят, что война была ужасным временем. Но лично мне она очень понравилась. Никогда в жизни у меня не было больше такого интересного времени.

Комендант в очередной раз удивился странной способности англичан находить радость и удовлетворение в самых, казалось бы, неподходящих для этого явлениях и обстоятельствах.

— А… э-э-э… полковник — ему тоже война понравилась? — спросил комендант, которого все сильнее разбирало любопытство, чем же все-таки занимался тот во время войны.

— Что? Это в подземке-то?[56] Нет, не думаю, — машинально ответила миссис Хиткоут-Килкуун прежде, чем поняла, что проговорилась. Она съехала на обочину, плавно остановила машину и только тогда повернулась к коменданту.

— Грязный трюк, — сказала она. — Сперва заставить меня разговориться, а затем невзначай спросить, чем Генри занимался во время войны. У полицейского это, наверное, уже

профессиональная привычка. Ну что ж, я проговорилась, — продолжала она, не обращая внимания на возражения коменданта. — Так вот, Генри был охранником в подземке. Во внутреннем круге. Но ради Бога, поклянитесь мне, что вы ни когда не будете об этом говорить.

— Разумеется, не буду, — с готовностью ответил комендант, чье уважение к полковнику неимоверно выросло сейчас, когда он узнал, что тот принадлежал к внутреннему кругу подпольного движения сопротивления.

— А майор? Он тоже был с ним? — Миссис Хиткоут-Килкуун расхохоталась.

— О Господи, нет, конечно, — проговорила она сквозь смех. — Он был чем-то вроде бармена в «Савое».[57] А где, вы думаете, он научился делать такие сногсшибательные коктейли?!

Комендант понимающе кивнул. Майор Блоксхэм всегда производил на него впечатление человека, находящегося не в ладах с законом. Но кто же знает — возможно, это впечатление и было неверным.

Они доехали до перевала, попили чаю в расположенной там гостинице, а затем отправились назад в Веезен. И лишь на обратном пути, и то только тогда, когда они уже подъезжали к городу, комендант задал вопрос, неотступно мучавший его весь день.

— Вы, случайно, не знаете человека по имени Элс?[58] — спросил он.

Миссис Хиткоут-Килкуун отрицательно покачала головой.

— Нет, не припоминаю такого, — ответила она.

— Вы уверены?

— Совершенно уверена, — подтвердила она. — Человека с таким именем я бы запомнила.

— Да, наверное, — согласился комендант, подумав про себя, что такого мерзавца, как Элс, запомнил бы всякий, кому довелось бы с ним столкнуться, и под любым именем. — Он очень худой, с маленькими глазками, и голова у него сзади заметно приплюснута, как будто ее чем-то ударили.

Миссис Хиткоут-Килкуун улыбнулась.

— Точь-в-точь Харбингер, — сказала она. — Странно, что вы его вспомнили. Вы — второй, кто меня сегодня о нем спрашивает. А первый раз его кто-то упомянул за обедом, и тогда Маркиза сказала… Она сказала: «О нем могла бы рассказать легенд немало я». Странно, что подобное могут говорить в отношении Харбингера. Мне кажется, он ведь не слишком культурный и воспитанный?

— Безусловно, нет, — с чувством подтвердил комендант,

отлично понимая, что могла иметь в виду Маркиза.

— Генри взял его из веезенской тюрьмы. Вы же знаете этот порядок, когда можно нанять заключенного за несколько центов в день для разной домашней работы. Так с тех пор он у нас и остался, вроде разнорабочего.

— Но я бы все-таки не сводил с него глаз, — сказал комендант. — Мне кажется, это не тот тип, которому можно позволять оставаться без присмотра.

— Странно, что у вас сложилось о нем такое мнение, — повторила миссис Хиткоут-Килкуун. — Он как-то признался мне, что, прежде чем стал преступником, работал палачом.

— Прежде? — изумленно спросил комендант, но миссис Хиткоут-Килкуун в этот момент была вся поглощена процедурой въезда в ворота гостиницы и потому не обратила внимания на его вопрос.

— Вы ведь присоединитесь завтра к нашей охоте? — полувопросительно, полуутвердительно сказала она, когда комендант уже выходил из машины. — Я понимаю: после всего, что вам уже пришлось из-за нас испытать, я прошу слишком многого. Но мне бы очень хотелось, чтобы вы приехали.

Комендант глядел на нее и думал, что ответить. Сегодняшняя послеобеденная прогулка доставила ему большое удовольствие, и он не хотел бы обидеть миссис Хиткоут-Килкуун.

— А как, на ваш взгляд, мне следует одеться? — осторожно спросил комендант.

— Хороший вопрос, — ответила миссис Хиткоут-Килкуун. — Послушайте, а почему бы вам не поехать сейчас со мной, и мы посмотрим, не подойдет ли вам что-нибудь из вещей Генри?

— Из вещей? — переспросил комендант, гадая, какая принадлежность женского туалета может скрываться за этими словами.

— Из его костюмов для верховой езды, — сказала миссис Хиткоут-Килкуун.

— А в чем он ездит?

— В бриджах, в самых обычных бриджах.

— В обычных?

— Конечно. А вы думаете в чем? Он действительно человек со странностями, но голым он не ездит, могу вас уверить.

— Вы уверены? — спросил комендант.

Взгляд миссис Хиткоут-Килкуун стал холодно-суровым.

— Разумеется, уверена, — сказала она. — А с чего вы вдруг решили, что он ездит голым?

— Да нет, ничего, это я просто так, — ответил комендант, дав себе слово при первой же возможности как следует

поговорить с майором Блоксхэмом. Коммандант снова уселся в машину, и они поехали в имение «Белые леди».

— Прекрасно, — сказала миссис Хиткоут-Килкуун полчаса спустя, когда они уже стояли в гардеробной полковника. — Они как будто на вас сшиты.

Коммандант поглядел на себя в зеркало и должен был согласиться, что бриджи сидели на нем великолепно.

— Вы даже одеваетесь на одну сторону, — продолжала миссис Хиткоут-Килкуун, осматривая его взглядом профессионала.

— На какую сторону? — коммандант недоуменно огляделся по сторонам и удивился еще больше, когда ответом ему оказалась вспышка хохота.

— Ах вы, негодник, — сказала наконец миссис Хиткоут-Килкуун и, к еще большему изумлению коммандант, легко поцеловала его в щеку.

В Пьембурге проблема негодников была тоже актуальна и начала уже всерьез волновать лейтенанта Веркрампа. Как выяснилось, благополучная отправка подальше из города одиннадцати оставшихся в живых секретных агентов отнюдь не положила конец его треволнениям. Когда наутро после их отъезда лейтенант пришел на работу, то застал сержанта Брейтенбаха в состоянии необычного для него возбуждения.

— В хорошенькую историю вы нас втравили, — сказал сержант в ответ на вопрос Веркрампа, поинтересовавшегося, что вывело его подчиненного из себя.

— Это со страусами, что ли? — спросил Веркрамп.

— Нет, не со страусами, — ответил сержант. — С полицейскими, которым вы прописали шоковую терапию. Они все чокнулись.

— Страусы мне тоже показались крепко чокнутыми, — ответил Веркрамп, который все еще не мог забыть сцену, когда один из страусов взорвался прямо у него перед глазами.

— Это что, вы еще не видели наших полицейских, — сказал сержант Брейтенбах и подошел к двери.

— Констебль Бота, — крикнул он в коридор. Констебль Бота вошел в кабинет.

— Вот, полюбуйтесь, — мрачно произнес сержант Брейтенбах. — Вот что натворил ваш курс по выработке отвращения. А ведь он играл в сборной Зулулэнда по регби!

Лейтенант Веркрамп почувствовал, что начинает сходить с ума. Взрывающиеся страусы — это уже было достаточно скверно. Но сейчас, глядя на известного на всю страну игрока сборной,

лейтенант почти физически ощутил, что у него в голове что-то «поехало». Знаменитый хукер национальной сборной констебль Бота, почти семи футов роста, жеманясь, вошел в комнату. На нем был желтый парик, губы были густо намазаны помадой.

— Ах ты, красавчик![59] — глупо ухмыляясь, Бота, чем-то напоминающий сверхмодно вырядившегося слона, вразвалочку направился к Веркрампу.

— Убери руки, негодяй, — рявкнул сержант. Но лейтенант Веркрамп уже ничего не слышал. В нем снова заговорили какие-то внутренние голоса, и на этот раз остановить их не было никакой возможности. Глаза лейтенанта широко раскрылись, лицо стало при обретать серовато-синий оттенок. Громко вскрикнув, он обмяк в кресле и съехал вниз. Когда приехала «скорая» из больницы в Форт-Рэйпире и его, отчаянно сопротивляющегося, спускали вниз по лестнице, лейтенант продолжал вопить, перемежая крики утверждениями, будто он-то и есть Бог.

Сержант Брейтенбах проводил лейтенанта в «скорой» до больницы. Там их, сияя от удовольствия, уже ждала облаченная в белоснежный халат доктор фон Блименстейн.

— Теперь все будет хорошо. Со мной ты будешь в полной безопасности, — сказала она и, ловким движением завернув лейтенанту руку за спину, строевым шагом повела в палату.

— Не повезло бедняге, — подумал сержант Брейтенбах, с тревогой глядя вслед докторше и по достоинству оценив ее широкие плечи и мощный зад. — Впрочем, он сам на это напрашивался.

Вернувшись в полицейское управление, сержант предался тяжким размышлениям о том, что же делать дальше. Перед ним вставала гора проблем. По городу только что прокатилась волна террористических актов. В тюрьме сидели тридцать шесть разгневанных видных граждан. А из пятисот находившихся в его распоряжении полицейских двести десять превратились в гомосексуалистов. Сержант понимал, что при таких обстоятельствах выполнять свои обязанности он не сможет. Через полчаса в полицейские участки всех прилегающих к городу районов ушли срочные телеграммы с просьбой найти коммандантa Ван Хеердена. Чтобы чем-то занять две сотни прошедших лечение констеблей, сержант приказал вывести их на плац и заняться с ними строевой подготовкой. Выполнять это приказание он отправил сержанта Де Кока. Но когда сам Брейтенбах некоторое время спустя заглянул на плац посмотреть, как идут занятия, он сразу понял, что его распоряжение оказалось

ошибкой. Две сотни полицейских, разбившись на пары и маленькие группки, жеманно фланировали по плацу.

— Если не можете заставить их маршировать, так хоть уберите их куда-нибудь с глаз долой, — приказал Брейтенбах сержанту Де Коку. — Из-за таких вот сцен и идет дурная слава о южноафриканской полиции.

— Что ты сделала? — воскликнул полковник Хиткоут-Килкуун, когда жена сказала, что пригласила коммандантa присоединиться к охоте. — Пригласила человека, который привык стрелять в лис? И он еще будет охотиться в моих бриджах?! Ну, этого я не потерплю!

— Ну Генри, Генри, — пыталась успокоить его жена. Но полковник решительно вышел из комнаты и почти бегом отправился на конюшню, где Харбингер мыл и расчесывал гнедого жеребца.

— Как Чака? — спросил его полковник. Как бы в ответ на этот вопрос лошадь, стоявшая в одном из стойл, сильно ударила копытом.

Полковник вгляделся в полумрак конюшни и некоторое время пристально рассматривал огромную черную кобылу, беспокойно мечущуюся по стойлу.

— Оседлай ее, — приказал полковник и вышел. Легко сказать, подумал Харбингер, не имевший понятия, как можно хотя бы подступиться к этому зверю, тем более надеть на него седло.

— Не потребуешь же ты от коммандантa, чтобы он сел на Чаку, — возмутилась миссис Хиткоут-Килкуун, когда полковник сказал ей о своем распоряжении.

— Я вообще не хочу, чтобы тип, который стреляет в лис, садился на какую-нибудь из моих лошадей, — ответил полковник. — Но если уж он этого так хочет, пусть попробует проехаться на Чаке. Желаю ему удачи.

Со стороны конюшни донеслись грохот и ругательства. По-видимому, Харбингер пытался оседлать Чаку и ему приходилось несладко.

— Если коммандант погибнет, этот грех падет на твою голову, — сказала миссис Хиткоут-Килкуун, но на полковника ее слова не произвели никакого впечатления.

— Любой, кто стреляет в лис, заслуживает смерти, — только и ответил он.

Когда подъехал коммандант Ван Хеерден, первый, кого он увидел, был стоявший на лестнице у входа майор Блоксхэм, одетый в ярко-красный френч.

— По-моему, вы утверждали, что носите только розовое? — с ноткой беспокойства в голосе спросил комендант.

— Совершенно верно, старина, совершенно верно. Так я и одет, разве вы не видите? — Майор повернулся и вошел в дом. Комендант последовал за ним, недоумевая, не начинает ли он сам страдать дальтонизмом. В гостиной толпились люди со стаканами и бокалами в руках, и комендант с чувством облегчения отметил, что все они были одеты сообразно полу и возрасту. Миссис Хиткоут-Килкуун, в длинной черной юбке, выглядела прекрасно, хотя и казалась слегка бледной. А цвет лица полковника вполне соответство вал цвету его френча.

— Налить вам зеленого шартреза, — спросил полковник, — или по утрам вы предпочитаете желтый?

Комендант выбрал зеленый. Через какое-то время миссис Хиткоут-Килкуун потихоньку отвела его в уголок.

— Генри вбил себе в голову, что вы стреляете лис, — сказала она, — и он просто бесится из-за этого. Я хочу вас только предупредить, что он дал вам самую жуткую лошадь.

— Да я за всю жизнь ни одной живой лисицы не видел, — честно признался комендант. — Интересно, как вам удалось внушить ему эту мысль.

— Ну, сейчас это уже неважно. Главное — она засела у него в голове, и из-за этого вам придется сесть на Чаку. Вы действительно умеете ездить верхом? Я спрашиваю совершенно серьезно.

Комендант Ван Хеерден гордо выпрямился.

— О да, — ответил он. — Полагаю, что умею.

— Надеюсь. Чака — ужасная лошадь. Грубая и своенравная. Не давайте ей взять над вами верх.

Комендант заверил, что и не собирается этого делать. Через несколько минут все вышли во двор, где уже были наготове гончие. Там же ждала и Чака. Крупная, черная, она стояла несколько поодаль от других лошадей. Ее держал под уздцы человек с маленькими, узко посаженными глазами и практически без лба.

Коменданту было бы трудно сказать, кто из этих двоих вызывал у него большую неприязнь. Занятый мыслями о предстоящей охоте, он как-то позабыл о существовании констебля Элса. Безусловно, перспектива даже просто взобраться на такое чудовище, каким казалась Чака, выглядела малопривлекательно. Но, по крайней мере, так можно было избежать дальнейших контактов с Элсом. С быстротой и энергией, крайне удивившими полковника, комендант бросился к лошади, мгновенно взлетел в седло и теперь с высоты своего положения смотрел на толкотню и

суету внизу. Рвались вперед гончие, беспокойно переступали на месте лошади, участники охоты рассаживались по коням. Наконец Элс, сидевший на низкорослой лошаденке, энергично подудел в рог, и охота тронулась с места. Комендант мягко послал Чаку вперед. «Я еду на охоту как настоящий английский джентльмен», — с гордостью подумал он и вторично пришпорил коня. После этого никаких мыслей в голове у коменданта уже не оставалось, да и быть не могло. Огромная черная лошадь одним каким-то демоническим прыжком выскочила с хозяйственного двора и влетела в сад. Комендант, прилагая нечеловеческие усилия, старался удержаться в седле. Куда неслась эта лошадь, было неизвестно, но ясно — не на охоту. Гончие рванулись в совершенно ином направлении. Под комендантом же промелькнули искусственные каменные горки сада. Потом перед ним вырос и мгновенно остался где-то внизу скульптурно подстриженный куст. Затем на землю упали не только таблички, расставленные перед розовыми кустами полковника, но и сами розы. Всего этого комендант уже не видел. Он сознавал только одно, что мчится куда-то довольно высоко над землей и с невероятной скоростью. Впереди были кусты азалии, которыми так гордился полковник Хиткоут-Килкуун, а за ними начинался открытый вельд.[60] Комендант Ван Хеерден зажмурил глаза. Молиться было уже некогда. В следующую секунду он почувствовал, что лошадь сделала очередной прыжок.

Резвый галоп, с места взятый лошадью коменданта, произвел на остальных участников охоты смешанное впечатление. Миссис Хиткоут-Килкуун, в цилиндре, возвышающемся над ее аккуратно завитыми сиренево-седыми локонами, безукоризненно сидя в седле, наблюдала, с чувством одновременно острой неприязни к мужу и восхищения комендантом, как Ван Хеерден скрылся за азалиями. Кем бы и чем бы он ни был во всем остальном, комендант явно не принадлежал к числу тех, кто пасует перед заборами.

— Видишь теперь, что ты наделал! — прокричала она полковнику, изумленно взиравшему на оставленное комендантом опустошение. Миссис Хиткоут-Килкуун развернула свою гнедую кобылу и умчалась к еще большему расстройству полковника вслед за комендантом, попутно нанеся по пути дополнительный ущерб цветникам и газонам.

— По крайней мере, избавились от этого мерзавца, бодро прокомментировал происшедшее майор Блоксхэм.

— Проклятый бур! — воскликнул полковник. — Мало того, что стреляет лис, так он еще перепортил мои лучшие розы.

Харбингер, стоявший позади них, снова с удовольствием

протрубил в рог. Ему всегда хотелось посмотреть, что будет, если загнать черной лошади в зад кусок прессованного табака. Теперь ему удалось удовлетворить свое любопытство.

Любопытство коммандanта в отношении верховой охоты тоже было удовлетворено, хотя он и не подозревал о той конкретной причине, что вызвала такую резвость Чаки. Удержавшись в седле после первого прыжка лошади, дальше он старался припомнить, о чем именно предупреждала его миссис Хиткоут-Килкуун. Кажется, она говорила что-то насчет того, чтобы он не давал лошади слишком много воли. Но совет был явно неуместен. Комманданту с радостью бы дал этой лошади полную волю и отпустил ее на все четыре стороны, если бы только не опасался, что при этом она сломает ему шею. Но, похоже, единственный для него шанс уцелеть заключался в том, чтобы усидеть на ней, покуда она не выдохнется. С упорством и стойкостью человека, у которого не осталось никаких иных альтернатив, комманданту сжался в седле и с тревогой наблюдал, как каменная стена впереди становится все ближе и ближе. Стена, построенная явно в расчете на жирафов, была бы не под силу любой лошади. Но когда они коснулись земли на противоположной стороне стены, у коммандanta возникло ощущение, что он скачет не на лошади, а на каком-то мифическом существе, изображения которого обычно рисуют на бензоколонках. Теперь перед ними была лишь открытая степь, а на горизонте виднелись очертания леса. Комманданту понимал, что в частом лесу он не усидит ни на какой лошади — ни на мифической, ни на настоящей. Лучше было рискнуть переломом шеи на открытом месте, чем наверняка остаться без ног после скачки по лесу. Решившись так или иначе положить конец этой гонке, комманданту крепко ухватился за поводья и резко дернул их.

Миссис Хиткоут-Килкуун, отчаянно скакавшей позади, комманданту представал сейчас совершенно в новом свете. Теперь он ей казался не просто грубо-привлекательным мужчиной, пришедшим из гущи жизни, — каким она считала его до сегодняшнего дня, — но героем ее мечты. Когда-то ей довелось увидеть картину, на которой был изображен Наполеон, пересекающий Альпы на горделиво скачущем коне. И сейчас вид коммандanta, с ходу махнувшего верхом через стену, которую никто и никогда даже не пытался перепрыгнуть, напомнил ей чем-то эту картину. Миссис Хиткоут-Килкуун вовсе не хотела лишиться вновь обретенного идола. И потому она с оправданной осторожностью предпочла проехать через ворота. Оказавшись по другую сторону стены, она, однако, с изумлением обнаружила, что и комманданту, и его лошадь исчезли. Она поскакала в

сторону леса и через некоторое время к ужасу своему увидела Чаку и ее наездника лежащими без движения на земле. Она подъехала и спешилась.

Когда комендант Ван Хеерден пришел в себя, то увидел, что голова его удобно покоится на смуглых коленях склонившейся над ним миссис Хиткоут-Килкуун. Ее лицо выражало при этом чисто материнское восхищение.

— Не двигайтесь, — предупредила она. Комендант попробовал пошевелить пальцами ног, чтобы проверить, не сломан ли позвоночник. Пальцы шевелились нормально. Он приподнял ногу и согнул ее в колене. С руками тоже все было в порядке. Кажется, ничего не сломано. Комендант снова открыл глаза и улыбнулся. Миссис Хиткоут-Килкуун, лицо которой нависало над ним в обрамлении завитых локонов, улыбнулась ему в ответ. Коменданту Ван Хеердену почудилось, что в этом обмене улыбками скрывается признание какой-то глубокой эмоциональной связи, отныне соединившей их, что за ним — встреча двух сердец, двух людей, совершенно одиноких в этом пустынном вельде. Миссис Хиткоут-Килкуун как будто читала его мысли.

— Дыра от муравьеда, — произнесла она с глубоким чувством в голосе.

— Дыра от муравьеда? — переспросил комендант.

— Дыра от муравьеда, — ласково повторила миссис Хиткоут-Килкуун.

Комендант пытался сообразить, что может быть общего между его чувствами к ней и дырой от муравьеда. Пожалуй, хорошо было бы забраться с ней вдвоем в какую-нибудь норку — больше ему ничего не приходило в голову. Он еще раз пробормотал: «Дыра от муравьеда», постаравшись вложить в эти слова как можно больше чувства, и умиротворенно прикрыл глаза. Ее пышные формы образовывали великолепнейшую подушку у него под головой. Комендант вздохнул и поудобней устроился у нее на коленях. Счастье переполняло его, и это чувство лишь слегка омрачалось при мысли, что придется снова садиться на проклятую лошадь. Он, однако, не собирался торопить наступление этого неизбежного момента. Миссис Хиткоут-Килкуун укрепила его надежды.

— Нельзя здесь оставаться, — сказала она. — Тут слишком жарко.

Комендант, начавший уже подозревать, что к нему в бриджи забралось какое-то крупное насекомое, не мог не согласиться. Он медленно оторвал голову от ее коленей и встал на ноги.

— Давайте уйдем в лес, — сказала миссис Хиткоут-

Килкуун. — Вам надо отдохнуть, а я хочу убедиться, что у вас ничего не сломано.

Когда комендант поднялся, он понял, что имела в виду миссис Хиткоут-Килкуун, говоря о дыре от муравьеда. Огромная черная лошадь бездыханно лежала на боку, шея у нее была сломана: одна из передних ног ее угодила в узкую и глубокую, похожую на нору, яму, оставленную кормившимся тут муравьедом. Со вздохом облегчения, что ему больше не придется садиться на эту лошадь и что он-таки доказал свое умение ездить верхом, комендант позволил проводить себя под сень леса. Впрочем, в проявлении такой заботы не было никакой необходимости. Там, в небольшой лощинке, затененной окружавшими ее деревьями, миссис Хиткоут-Килкуун заставила коменданта снова лечь, чтобы она могла проверить, нет ли у него переломов.

— У вас могло быть сотрясение, — сказала она. Ее опытные пальцы тем временем ловко и быстро расстегивали его куртку. В следующее мгновение комендант начал думать, что, возможно, она и права. То, что проделывала с ним почтенная английская леди, могло быть только следствием помутнения разума. Когда, встав над ним, она расстегнула пряжку юбки, комендант понял, что ему предстоит увидеть нечто невероятное. Лучше лежать тихо, пока все не кончится, подумал он и закрыл глаза.

В двух милях от этого места гончие напали наконец на след Фокса и азартно кинулись в погоню. Участники охоты неслись теперь напрямую, во весь опор. Время от времени Харбингер дудел в рог.

— Интересно, что сейчас поделывает этот проклятый бур, — прокричал майор Блоксхэм.

— Думаю, с ним все в порядке, — прокричал ему в ответ полковник. — Скорее всего, Дафния за ним присматривает.

Тем временем стая гончих, забирая все сильнее влево, постепенно сворачивала к лесу. Еще десять минут спустя вся стая, разгоряченная и увлеченная погоней, влетела под сень деревьев. Здесь запах следа оказался сильнее, чем на открытой местности, и потому гончие устремились вперед еще быстрее. В полумиле от них ускорил темп и комендант Ван Хеерден.

В отличие от стаи гончих, которая мчалась по следу совершенно бесшумно, комендант издавал некоторые звуки. Однако при этом он был также всецело поглощен своим занятием, как гончие — своим. Сидя на нем, миссис Хиткоут-Килкуун, облаченная только в сапоги со шпорами и цилиндр, вскриками подбадривала свою новую лошадку, время от времени огревая ее плеткой. Они были настолько заняты друг другом, что не

обращали ни малейшего внимания на нараставший шум и треск, свидетельствовавший о приближении охотников. «Дафния, красавица, дорогая», — стонал комендант, не в силах отделаться от впечатления, будто он угодил прямиком в один из романов Дорнфорда Йейтса. Воображение же миссис Хиткоут-Килкуун, обостренное многолетней неудовлетворенностью, осталось прикованным к верховой езде.

— Вот леди скачет на коне, смотрите все, смотрите все! — выкрикивала она и вдруг с изумлением обнаружила, что ее приглашение посмотреть принято.

Из леса вырвалась стая гончих, и комендант, который вот-вот должен был кончить уже вторично, вдруг почувствовал, что облизывающий его лицо язык стал какой-то странный. Во всяком случае, судя по его длине и производимому им ощущению, трудно было вообразить, чтобы такой язык мог принадлежать миссис Хиткоут-Килкуун. Комендант открыл глаза и увидел прямо перед собой морду гончей. Пасть ее была широко раскрыта, язык вывалился наружу, с него отвратительно капала слюна. Комендант скосил глаза вначале налево, потом направо. Вся лощинка была заполонена собаками. Над его головой колыхался целый лес хвостов, а над этими хвостами возвышалась сидевшая на коменданте миссис Хиткоут-Килкуун, во все стороны лупившая наотмашь своей плеткой.

— Джейсон, сидеть! Снарлер, сидеть! Крэйвен, сидеть! Ван Хеерден, сидеть! — выкрикивала она, раздавая удары, и цилиндр у нее на голове часто и энергично подпрыгивал в такт движениям ее груди.

Ничего не соображая, комендант смотрел снизу на Снарлера, пытаясь выплюнуть изо рта собачью лапу. Ему никогда не приходило в голову, что разгоряченная собака воняет столь омерзительно. Снарлер, привыкший слушаться хозяйку, сел — и тут же вскочил, потому что комендант, которому грозила смерть от удушья, укусил его. Переведя дыхание, комендант приподнял голову, чтобы оглядеться, но что-то тут же сильно вдавило ее обратно. Он, однако, успел кое-что разглядеть, и увиденное было столь ужасно, что он предпочел бы навсегда остаться под ногами гончих, в грязи и вони, — только бы его не обнаружили. На краю лощины стояли выехавшие из леса полковник Хиткоут-Килкуун и все другие участники охоты и с изумлением взирали на открывшуюся их глазам сцену.

— О Господи, Дафния, чем ты здесь занимаешься?! — услышал комендант сердитый голос полковника.

Миссис Хиткоут-Килкуун повела себя в этих обстоятельствах просто великолепно.

— Какого черта?! А чем, по-твоему, я тут занимаюсь? — возмущенно закричала она в ответ. Ее возмущение было более чем оправданно. И все же коммандантку казалось, что оно могло бы пробудить в полковнике вопросы, которые лучше всего было бы оставить без ответа. Тем не менее реакция миссис Хиткоут-Килкуун произвела на коммандантку большое впечатление.

— Понятия не имею, — прокричал со своей стороны полковник, который и на самом деле не мог взять в толк, чем может заниматься посреди этой лощины[61] его совершенно обнаженная жена. Миссис Хиткоут-Килкуун внесла полную ясность.

— Посрать села! — грубо крикнула она. Ее грубость резанула коммандантку, но в целом была, по его мнению, более чем уместна.

Полковник стушевался и закашлялся от смущения.

— О Боже, извини, пожалуйста, — забормотал он, но миссис Хиткоут-Килкуун была преисполнена реши мости воспользоваться обретенным ею преимуществом.

— Ну-ка вы, все, живо, поворачивайте и мотайте отсюда ко всем чертям, — продолжала шуметь она. Ее слова возымели немедленное действие. Охотники развернули лошадей и ускакали туда, откуда появились.

Вслед за ними отхлынула и стая гончих. Коммандантка лежал, абсолютно голый, весь покрытый грязными следами собачьих лап, и смотрел снизу вверх на леди, ниспосланную ему судьбой. Медленно и неохотно что делало коммандантку честь миссис Хиткоут-Килкуун оторвалась от него и встала. Ван Хеерден, у которого замирал дух и от восхищения перед ней, и от страха за ее дальнейшую судьбу, тоже с трудом поднялся на ноги и начал искать свои бриджи. Вот теперь он понял, что такое британское хладнокровие и самообладание.

— А у меня верхняя губа одеревенела, — сказал коммандантка, все еще страдая от когтей наступившего на него Снарлера.

— Похоже, это единственное, что способно у тебя деревенеть, — честно ответила миссис Хиткоут-Килкуун.

Сидевший в кустах на краю лощины Харбингер тихонько захихикал. Он никогда не стремился выдавать себя за джентльмена. И кроме того, ему давно уже хотелось как-нибудь увидеть жену полковника голой.

Глава двенадцатая

Пока они одевались, настроение у коменданта Ван Хеердена и миссис Хиткоут-Килкуун, как обычно бывает после близости, сменилось в худшую сторону.

— Приятно для разнообразия натолкнуться на настоящего мужчину, — проговорила она. — Ты себе не представляешь, каким занудой может быть Генри.

— Ну почему же не представляю, — ответил комендант, которому на всю жизнь запомнилась недавняя бешеная скачка. Кроме того, коменданту не очень улыбалась перспектива через какое-то короткое время снова оказаться в одной компании с полковником практически сразу же после столь близкого — или, как деликатно подумал про себя комендант, телесного — знакомства с его женой.

— Пожалуй, я прогуляюсь отсюда пешком прямо назад к себе в гостиницу, — сказал он. Но миссис Хиткоут-Килкуун не желала и слышать об этом.

— Я пришлю за тобой Малыша на «лендровере», — заявила она. — После падения тебе нельзя столько ходить. Да еще по такой жаре. — И прежде чем комендант смог что-то возразить, она уже вышла из леса, села на лошадь и ускакала.

Комендант Ван Хеерден уселся на бревно и стал заново припоминать только что пережитый им романтический эпизод.

Вот именно что пережитый, — произнес он вслух и с ужасом услышал, как кусты позади него раздвинулись и какой-то голос сказал:

— Славненькая штучка, а?

Комендант узнал этот голос. Он резко обернулся и увидел Элса, который, ухмыляясь, в упор смотрел на него.

— Какого черта ты тут делаешь? — спросил комендант. — Я думал, что ты умер.

— Кто умер? Я?! Никогда, — ответил Элс.

«Он прав», — подумал комендант. — «Такие, как Элс, не умирают. Они вечны, как первородный грех».

— Хорошо позабавились с женушкой полковника? — продолжал Элс с фамильярностью, очень досаждавшей коменданту.

— Не твое дело, как я провожу свое свободное время, — резко ответил Ван Хеерден.

— Конечно. Это дело полковника, — жизнерадостно согласился Элс. — Думаю, ему будет интересно узнать…

— Неважно, что ему будет интересно, — поспешно перебил

коммандант. — Мне интересно узнать, как получилось, что ты не умер в пьембургской тюрьме вместе с губернатором и капелланом?

— Произошла ошибка, — ответил Элс. — Меня перепутали с одним из заключенных.

— Понятно, — заметил коммандант.

Элс сменил тему разговора.

— Я подумываю, не вернуться ли мне назад в полицию, — сказал он. — Надоело быть Харбингером.

— О чем подумываешь? — удивился коммандант. Он попробовал было рассмеяться, но смех вышел какой-то неуверенный.

— Хочу снова быть полицейским.

— Шутишь, — ответил коммандант.

— Нет, не шучу. Мне пора уже думать о пенсии. И кроме того, мне еще причитается награда за поимку мисс Хейзелстоун.

Коммандант припомнил, какая награда была за это обещана, и задумался, что же ответить Элсу.

— Ты умер без завещания,[62] — сказал он наконец.

— Неправда, — возразил Элс. — Я умер в Пьембурге.

Коммандант тяжело вздохнул. Он уже успел позабыть, как трудно бывало заставить констебля Элса согласиться с очевиднейшими фактами и элементарными требованиями закона.

— Я хочу сказать, что ты умер, не оставив после себя завещания, — объяснил коммандант. На Элса эти слова не произвели впечатления, и он лишь с интересом разглядывал коммандanta.

— А вы оставили завещание? — спросил Элс, угрожающе вертя в руках рог. Впечатление было такое, будто он собирался в него затрубить.

— Не вижу связи. — сказал коммандант.

— Связь в том, что полковник имеет законное право убить вас за то, что вы трахнули его жену, — ответил Элс. — И стоит мне потрубить в рог и по звать его сюда, и он это тотчас сделает.

Комманданту ничего не оставалось, как признать, что на этот раз Элс прав. Южноафриканские законы не предусматривали наказания мужей, когда те убивали любовников своих жен. За время службы в полиции комманданту много раз приходилось успокаивать мужчин, опасавшихся, что их может постигнуть подобная судьба. Элс поднял рог и поднес его ко рту. Коммандант решился.

— Хорошо, — сказал он, — чего ты хочешь?

— Я сказал, — ответил Элс. — Вернуться на прежнюю работу.

Коммандант задумался, как бы увильнуть от каких-либо

определенных обещаний, но в этот момент послышался шум подъезжавшего «лендровера», и это решило исход спора.

— Хорошо, посмотрю, что я смогу сделать, — сказал комендант. — Но один Бог знает, как я сумею объяснить, что черный заключенный и белый констебль — это на самом деле одно и то же лицо.

— Бог не выдаст, свинья не съест, — заметил Элс, воспользовавшись выражением, которое он позаимствовал у майора Блоксхэма.

— Слышал, вы попали в небольшую переделку, старина, — сказал майор, останавливая «лендровер» возле погибшей Чаки. Я всегда говорил, что когда-нибудь эта черная дрянь кого-нибудь убьет.

Комендант уселся в машину рядом с майором и выразил свое согласие с этой мыслью. Впрочем, в отличие от майора, под черной дрянью он подразумевал вовсе не лошадь. Констебль Элс, устроившийся на заднем сиденье, счастливо улыбался. Он уже предвкушал тот момент, когда снова сможет на совершенно законных основаниях убивать кафров.

На крыльце у дома их поджидали полковник и миссис Хиткоут-Килкуун. Их поведение снова поразило коменданта. Женщина, с которой он всего час назад испытал трогательную близость, сейчас держалась надменно, холодно и отчужденно. А ее муж, проявлял признаки крайнего смущения, явно неподобающего его нынешней роли.

— Я искренне, искренне сожалею, — бормотал он, распахивая коменданту дверцу машины. — Конечно же, я не должен был предлагать вам эту лошадь.

Комендант мучительно искал подобающий ответ на это извинение.

— Дыра от муравьеда, — выдавил он наконец, прибегнув к спасительной фразе, за которой могло скрываться все, что угодно.

— Совершенно верно, — согласился полковник. — Это такая пакость. Пора уже как-то положить этому конец. — Взяв коменданта под руку, он помог ему подняться по ступенькам. Миссис Хиткоут-Килкуун шагнула навстречу Ван Хеердену.

— Очень хорошо, что вы сумели к нам выбраться, — произнесла она.

— Спасибо, что вы меня пригласили, — ответил комендант, заливаясь румянцем.

— Приезжайте к нам почаще, — сказала миссис Хиткоут-Килкуун.

Они вошли в дом. Там коменданта приветствовала Маркиза,

проехавшаяся насчет Летучего голландца. Ее острота не понравилась коменданту.

— Не обращайте внимания, — заметила ему миссис Хиткоут-Килкуун. — Вы сегодня были великолепны. Они все вам просто завидуют.

Какое-то время комендант пребывал в центре всеобщего внимания. Каждый считал своим долгом высказать свое восхищение тем, как он перепрыгнул на лошади через высокую стену. Комендант и не подозревал, что станет первым, кому удалось — пусть и — преднамеренно — взять это препятствие. Даже полковник заявил, что готов снять перед ним шляпу, учитывая, что погибла одна из его лошадей и немалый ущерб был нанесен его саду, не говоря уже об инциденте в лесу, комендант счел этот жест полковника весьма благородным. Ван Хеерден пространно объяснял собравшимся, что научился ездить верхом на ферме своей бабушки в Магалиесбурге и что ему приходилось садиться на лошадь и в Пьембурге, уже как полицейскому. Едва он закончил свои объяснения, как тут-то и взорвалась бомба.

— Должен сказать, у вас потрясающее хладнокровие, комендант, — заявил толстяк, знавший, как добиваться скидок на холодильники. — В Пьембурге творится такое, а вы здесь спокойно отдыхаете и охотитесь.

— Творится? Что творится? — спросил комендант.

— Как это что? Вы и вправду ничего не знаете? — переспросил толстяк. — Там жуткая вспышка терроризма. По всему городу взрываются бомбы. Радио не работает. Электричества нет. Полный хаос.

Выругавшись, комендант вылил свой стакан с куантро в первое, что подвернулось ему под руку.

— К сожалению, у нас тут нет телефона, — сказала миссис Хиткоут-Килкуун, увидев, что комендант лихорадочно ищет его взглядом. — Генри не хочет его устанавливать из соображений безопасности. Он часто звонит своему биржевому брокеру и…

Но комендант уже заторопился, и слушать о биржевом брокере Генри ему было некогда. Он промчался вниз по лестнице, выскочил на улицу к своей машине. В ней за рулем уже сидел Элс. Все правильно, так и должно было быть. Комендант плюхнулся на заднее сиденье, инстинктивно ощутив, что сегодняшняя самонадеянность Элса как-то связана с новостями, которые он только что узнал, и вполне соответствует их ужасному смыслу. Казалось, в самом воздухе повисло ощущение катастрофы. И не только ощущение: катастрофа немедленно постигла цветочный бордюр, на который Элс сдал машину задним ходом перед тем, как рвануть вперед так, что из-под колес

брызнул гравий. Со стороны могло показаться, что Элс на прощание как будто отряхивает с ног пыль имения «Белые леди».

С террасы миссис Хиткоут-Килкуун грустно наблюдала за их отъездом.

— Когда расстаешься, всегда как будто бы немножко умираешь, — прошептала она и пошла посмотреть, чем занят полковник. Тот мрачно взирал на аквариум с тропическими рыбками, в котором уже начинало действовать выплеснутое туда комендантом вино.

— Так вот от чего умер бедняга Вилли, — сказал полковник.

По дороге в Веезен комендант костерил себя за собственную глупость.

«Я же должен был сообразить, что Веркрамп устроит без меня черт-те что», — досадовал он. В Веезене он приказал Элсу остановиться у местного полицейского участка. То, что он там узнал, расстроило его еще больше.

— Что они делают? — удивленно переспросил комендант, когда дежурный сержант сказал ему, что Пьембург наводнен стаями взрывающихся неизвестно от чего страусов.

— Они сотнями слетаются по ночам в город, — повторил сержант.

— Чушь собачья! — рявкнул комендант. — Страусы не летают! Они не умеют летать.

Комендант вышел, сел в машину и приказал Элсу ехать дальше. Что бы там ни вытворяли эти страусы, одно было ясно: в Пьембурге действительно произошло нечто такое, в результате чего город оказался отрезанным от внешнего мира. Телефонной связи с ним не было вот уже несколько дней.

Машина неслась по проселочной дороге к перевалу Роой-Нек, ее трясло и бросало из стороны в сторону, и коменданту казалось, что он покидает идиллический мир спокойствия и здравого смысла и возвращается назад, в привычный водоворот насилия, в центре которого — сатанинская фигура лейтенанта Веркрампа. Комендант настолько погрузился в свои, мысли, что за всю дорогу только раз или два сделал замечания Элсу, чтобы тот не гнал машину с такой скоростью.

В Съембоке ощущение катастрофы усилилось еще больше: здесь они узнали, что на подъездах к Пьембургу взорваны все мосты. В Вотзаке комендант обнаружил, что разрушены очистные сооружения столицы. После этого комендант решил больше не делать остановок, а ехать прямо до Пьембурга.

Час спустя, когда они уже подъезжали к городу, появилось первое реальное подтверждение того, что столица действительно подверглась нападениям террористов. У временного моста,

построенного на месте того, который взорвали секретные агенты Веркрампа, их машину остановил поставленный поперек дороги шлагбаум. Комендант вышел осмотреть разрушения, а полицейский патруль тем временем обыскивал машину.

— Извините, я обязан обыскать и вас, — сказал констебль, и прежде чем комендант успел объяснить, кто он такой, полицейский быстро и тщательно ощупал бриджи коменданта.

— Я должен выполнять приказы, сэр, — сказал констебль в ответ на недовольное замечание коменданта, что он не носит взрывчатку в штанах. Когда машине коменданта было позволено следовать дальше, ее пассажир был уже вне себя.

— И смените лосьон, которым пользуетесь после бритья! — прокричал он на прощание полицейскому. — От вас воняет, как из помойки!

Машина въехала в город, и пораженный комендант вдруг увидел двух полицейских, которые прогуливались по улице, держа друг друга за руки.

— Остановись, — бросил комендант Элсу и вышел из машины.

— Чем вы занимаетесь, черт побери? — обрушился он на констеблей.

— Мы патрулируем, сэр, — хором ответили оба.

— Патрулируете?! Взявшись за ручки?! — шумел комендант. — Вы что, хотите, чтобы люди приняли вас за каких-нибудь педиков?

Полицейские расцепились, и комендант вернулся в машину.

— Что здесь происходит, черт побери? — пробормотал он себе под нос.

Сидевший на переднем сиденье констебль Элс в душе ликовал. С того времени, когда ему последний раз довелось быть в Пьембурге, он заметил в городе кое-какие перемены, и теперь ему все больше нравилась перспектива возвращения в ряды южноафриканской полиции.

Когда они наконец добрались до полицейского управления, комендант пребывал уже в неподдельном бешенстве.

— Исполняющего обязанности коменданта ко мне, — рявкнул он на дежурного сержанта и раздраженно прошел наверх, недоумевая: то ли у него разыгралось воображение, то ли на лице дежурного и вправду промелькнуло выражение дикой злобы. Дисциплина в полиции сильно упала; это первое впечатление коменданта подтвердилось, стоило ему только войти в собственный кабинет. В окнах не было ни одного уцелевшего стекла, по всей комнате летал пепел из камина. Комендант остановился как вкопанный, пораженный беспорядком. В дверь

постучали, и вошел сержант Брейтенбах.

— Объясните мне, черт побери, что здесь у вас про исходит? — обрушился комендант на вошедшего. Он, однако, успел с облегчением заметить, что по крайней мере в сержанте нет видимых признаков гомосексуализма.

— Видите ли, сэр… — начал было сержант, но комендант перебил его.

— Я уезжаю всего на несколько дней, и что же я вижу по возвращении? — заорал он так, что дежурный на первом этаже вздрогнул от испуга, а на улице от неожиданности остановились несколько прохожих. Саботаж. Бомбы. Взрывающиеся страусы. Вы во всем этом хоть что-нибудь понимаете? — Сержант Брейтенбах кивнул. — Хотелось бы верить! Стоило мне только уехать в отпуск, и здесь у вас сразу же разгул терроризма! Мосты на дорогах взлетают в воздух. Телефон не работает. Констебли патрулируют, взявшись за руки. А во что превратился мой кабинет?!

— Это все страусы, сэр, — вставил сержант. Комендант Ван Хеерден плюхнулся в кресло и обхватил голову руками. — О Боже! От всего этого можно с ума сойти!

— Так и случилось, сэр, — расстроенно произнес сержант.

— Что случилось?

— Он сошел с ума, сэр. Лейтенант Веркрамп, сэр.

Упоминание о Веркрампе вывело коменданта из состояния глубокой и трагической задумчивости.

— Веркрамп! — снова зашумел он. — Ну погодите, я еще доберусь до этой скотины! Четвертую негодяя! Где он?!

В Форт-Рэйпире, сэр. Он свихнулся.

До коменданта не сразу дошел полный смысл этих слов.

— Вы хотите сказать…

— У него мания величия, сэр. Он считает себя Богом.

Комендант не поверил своим ушам. Считать себя Богом после того, как натворил подобный хаос — нет, это было непостижимо.

— Так значит, Веркрамп считает себя Богом? — задумчиво произнес комендант.

Сержант Брейтенбах немного помолчал, а потом поделился своими соображениями на этот счет.

— Мне кажется, с этого-то все и началось, — сказал сержант. — Он хотел показать, на что он способен.

— Да уж, показал, дальше некуда, — с трудом выдавил комендант, оглядывая в очередной раз кабинет.

— Он чокнулся на идее греха, сэр. Он хотел, чтобы полицейские не спали больше с черными бабами. Ну, вы знаете…

— Знаю.

— Так вот, он начал с того, что стал лечить их электрошоком. Показывать им фотографии голых черных баб и…

Коммандант Ван Хеерден остановил сержанта.

— Не продолжай, — сказал он. — Не могу этого слушать.

Он встал с кресла, подошел к письменному столу, открыл один из ящиков и достал бутылку бренди, которую хранил на всякий случай. Налив себе стакан и выпив, он снова взглянул на сержанта.

— Ну, а теперь начинай с самого начала и рассказывай, что тут вытворял Веркрамп. — Выслушав рассказ сержанта, коммандант грустно покачал головой.

— Значит, его лечение не дало эффекта? — спросил он.

— Я бы так не сказал, сэр. Оно не дало того эффекта, который хотели получить. Я хочу сказать, что сейчас невозможно заставить полицейского переспать с черной. Мы пытались это сделать, но они приходят просто в невменяемое состояние.

— Вы пытались заставить полицейских переспать с черными? — переспросил коммандант, живо представив себе, как ему придется оправдываться в суде и объяснять, почему его подчиненным вменялись в служебные обязанности половые сношения с чернокожими женщинами.

Сержант Брейтенбах утвердительно кивнул.

— Но у нас ничего не получилось, — сказал он. — Гарантирую, что ни один из этих двухсот десяти ни когда больше не ляжет с черной.

— Двухсот десяти?! — воскликнул коммандант, пораженный размахом деятельности Веркрампа.

— Так точно, сэр. Половина полицейских стали педиками, — подтвердил сержант. — Но ни один из них не станет теперь спать с черными.

— Ну хоть это слава Богу, — произнес коммандант, пытаясь отыскать какую-то отдушину в свалившихся на него бедах.

— Они, однако, не хотят спать и с белыми. Похоже, в результате лечения у них выработалось отвращение к женщинам вообще. Видели бы вы, сколько у нас сейчас лежит писем с жалобами от жен полицейских.

Коммандант заявил, что не желает ни слышать об этих жалобах, ни видеть их.

— А что это за история со взрывающимися страусами? — спросил он. — Она тоже связана с манией величия Веркрампа?

— Не знаю, — ответил сержант. — Это дело рук коммунистов.

Коммандант вздохнул.

— Опять коммунисты? — усталым голосом произнес он. — Вам о них, конечно, ничего разузнать не удалось?

— Ну, кое-чего мы добились, сэр. У нас есть показания свидетелей, которые видели, как несколько человек кормили страусов «французскими письмами»…[63] — Сержант остановился. Комендант уставился на него, вытаращив глаза.

— Кормили «французскими письмами»? — переспросил он. — Зачем, черт возьми?

— В презервативах была взрывчатка, сэр. «Фэзелайтс».[64]

— Что значит «Фэзелайтс»? — спросил комендант, гадая, какая еще гадость может скрываться за этим названием.

— Это марка презервативов, сэр. У нас есть описание внешности человека, который купил двенадцать дюжин таких презервативов. К нам явились двенадцать женщин, которые заявили, что запомнили его.

— Двенадцать дюжин для двенадцати женщин? — переспросил комендант. — Неудивительно, что они его запомнили. Такое не забывается.

— Все двенадцать были в магазине, когда он пытался купить столько презервативов, — объяснил сержант. — Кроме того, у нас есть показания пяти владельцев аптек. Их описания сходятся с тем, что говорят эти женщины.

Комендант попытался представить себе человека, способного кидаться на всех женщин подряд.

— Ну, далеко он уйти не мог, — сделал в конце концов вывод комендант. — После такого у него просто не хватило бы сил.

— Так точно, сэр, — подтвердил сержант. — Он не ушел. Человек, внешность которого отвечает имеющимся у нас описаниям, и отпечатки пальцев которого соответствуют отпечаткам на некоторых пакетиках из-под французских писем, был найден мертвым в туалете кинотеатра «Мажестик».

— Ничего удивительного, — сказал комендант.

— К сожалению, мы не смогли установить его личность.

— Истощен до неузнаваемости, — предположил комендант.

— Он был убит взорвавшейся там бомбой, — пояснил сержант.

— Вы хоть кого-нибудь задержали? — Сержант кивнул.

Лейтенант Веркрамп приказал арестовать тридцать шесть человек, подозреваемых в организации бес — порядков, сразу же после первых взрывов.

— Хоть что-то, — приободрился комендант. — Признаний от кого-нибудь добились?

— Но сержант не мог сказать ничего определенного.

— Ну, мэр говорит… — начал было он.

— А мэр тут при чем? — перебил коммандант, которого снова охватили самые скверные предчувствия.

— Он один из подозреваемых, сэр, — неохотно признался сержант. Лейтенант Веркрамп говорил…

Коммандант вскочил из-за стола, лицо его было бледным от бешенства.

— Слышать не хочу, что говорило это дерьмо! — заорал коммандант. — Стоило мне уехать на десять дней, и полгорода взорвано, половина полиции превращена в педерастов, половину городского запаса презервативов скупает какой-то маньяк, а Веркрамп арестовывает мэра, мать его… Начхать мне на то, что он говорит! Меня куда больше интересует, что он делает!

Внезапно коммандант замолчал.

— Выкладывайте, что там еще у вас? — потребовал он.

Сержант Брейтенбах, заметно нервничая, продолжил свой доклад.

— В тюрьме есть еще тридцать пять подозреваемых, сэр. Среди них настоятель городского собора преподобный Сесиль, управляющий «Барклайз бэнк»…

— О Господи! — простонал коммандант. — И всех их, конечно, допрашивали?

— Так точно, сэр, — ответил сержант Брейтенбах, отлично знавший, чем вызван последний вопрос коммандант. — Ими занимались все последние восемь дней. Мэр признался в том, что ему не нравится правительство, однако продолжает утверждать, будто не взрывал телефонную станцию. Единственного ценного признания мы добились только от управляющего «Барклайз бэнк».

— От управляющего? И что же он натворил? — по интересовался коммандант.

— Мочился с плотины Хлуэдэм, сэр. За это полагается высшая мера наказания.

— Смертная казнь за то, что помочился с плотины? Никогда не думал.

— По закону 1962 года о саботаже, сэр. Преднамеренное загрязнение источников водоснабжения, объяснил сержант.

— Н-да, — заметил коммандант. — Возможно, в законе так и написано. Но если Веркрамп полагает, что может отправить на виселицу управляющего «Барклайз бэнк» только за то, что тот помочился с плотины, он, должно быть, и в самом деле сошел с Ума. Съезжу в Форт-Рэйпир, посмотрю на этого негодяя.

Лейтенант Веркрамп, помещенный в клинику для Душевнобольных в Форт-Рэйпире, все еще страдал от перевозбуждения, вызванного совершенно неожиданными результатами его экспериментов в области шокового лечения и

борьбы с терроризмом. Однако мания величия, когда он возомнил себя богом, постепенно уступила место мании преследования: теперь он боялся всего, что было хоть как-то связано с птицами. Доктор фон Блименстейн сделала из этого собственные выводы.

Элементарный случай вины на сексуальной почве в сочетании с комплексом страха перед кастрацией, — объяснила она сестре, когда Веркрамп категорически отказался от ужина, состоявшего из фаршированной курицы и французского салата.

— Унесите это! — кричал Веркрамп. — Хватит с меня!

Столь же непреклонно отвергал он и пуховые подушки, и вообще все, что хотя бы отдаленно напоминало о существах, которых доктор фон Блименстейн неизменно называла «наши пернатые друзья».

— Никакие они мне не друзья, — возражал Веркрамп, с тревогой глядя на сидевшего за окном на ветке зобастого голубя.

— Надо нам все-таки разобраться в этом до конца, — сказала доктор фон Блименстейн. Веркрамп испуганно посмотрел на нее.

— И не говорите об этом! — воскликнул он. Доктор фон Блименстейн истолковала его реакцию как проявление еще одного симптома, на этот раз страха перед смертью. Когда же она спросила лейтенанта, не приходилось ли тому сталкиваться с проявлениями гомосексуализма, Веркрамп откровенно запаниковал.

— Да, — с отчаянием в голосе признался он наконец, когда докторша потребовала определенного ответа.

— Расскажите мне об этом.

— Нет, — светил Веркрамп, у которого все еще стоял перед глазами бывший хукер Бота, напяливший на себя желтый парик. — Ни за что.

Доктор фон Блименстейн продолжала настаивать.

— Мы никогда не добьемся никакого результата от лечения, если вы не перестанете бояться собственных подсознательных страхов, — уговаривала она. — Вы должны быть со мной абсолютно откровенны.

— Да, — ответил Веркрамп, который приехал в Форт-Рэйпир вовсе не для того, чтобы с кем-нибудь тут откровенничать.

Но если из дневных разговоров со своим подопечным доктор фон Блименстейн вынесла впечатление, что в основе его нервного срыва лежат сексуальные проблемы, то наблюдение за пациентом ночью натолкнуло ее на мысль, что, возможно, причины эти кроются совершенно в ином. Дежуря около его постели и прислушиваясь к бормотанию лейтенанта во сне, докторша подметила некую новую для себя закономерность. На протяжении большей части ночи Веркрамп вскрикивал во сне, поминая при

этом бомбы и секретных агентов, причем особенно сильно его почему-то беспокоил двенадцатый номер. Припомнив, что всякий раз, когда на Пьембург накатывала очередная волна взрывов, она насчитывала их именно двенадцать, врачиха ничуть не удивилась, что руководитель службы безопасности города бредит этой цифрой. Но с другой стороны, из бормотания Веркрампа во сне у нее сложилось впечатление, что секретных агентов у него было тоже двенадцать. Она решила, что утром расспросит лейтенанта об этом поподробнее.

— Что скрывается за цифрой двенадцать? — спросила она на следующий день, когда пришла с обходом. Веркрамп побледнел и затрясся.

— Я должна знать, — настаивала врачиха. — Это в ваших же интересах.

— Не скажу, — ответил Веркрамп, который хоть и тронулся умом, но четко понимал: не в его интересах распространяться о том, что скрывается за этой цифрой.

— Я вас спрашиваю как врач, — продолжала настаивать докторша, — все, что вы мне расскажете, останется только между нами.

Но лейтенанта Веркрампа ее слова не убеждали.

— Не знаю, что за ней может скрываться, — ответил он. — Ничего об этом не знаю.

— Так, — сказала врачиха, отметив про себя, что пациент встревожился, когда она заговорила об этой цифре. — Тогда расскажите мне о вашей поездке в Дурбан.

Теперь она уже не сомневалась, что нащупала причины помутнения рассудка Веркрампа. Его реакция доказывала это бесспорно. Когда наконец бормочущего что-то нечленораздельное лейтенанта препроводили назад в постель и дали ему успокоительное, доктор фон Блименстейн была уверена, что вылечить это расстройство она сумеет. Теперь она начала раздумывать уже о том, какую пользу может извлечь для себя из того, что ей удалось узнать. У нее в голове снова зашевелилась мысль о замужестве — впрочем, никогда не покидавшая врачиху.

Заботливо укрыв Веркрампа одеялом и подправив постель, она продолжила свои расспросы:

— Скажите, а правда, что жену нельзя заставить давать показания против ее супруга?

Веркрамп подтвердил, что это действительно так, и доктор фон Блименстейн вышла из палаты, загадочно улыбаясь. Когда час спустя она вернулась, пациент был готов объяснить, почему его так волнует цифра двенадцать.

— Было двенадцать заговорщиков, и они…

— Чепуха, — отрезала врачиха, — полная чепуха. Было двенадцать секретных агентов, все они работали на вас, и их-то вы и вывезли на машине в Дурбан. Так?

— Да. То есть нет. Не так, — завопил Веркрамп.

— Слушайте меня внимательно. Бальтазар Веркрамп, если вы будете врать и дальше, я вам сделаю специальный укол, после которого говорят только правду, и мы получим от вас полное признание. Да так, что вы сами ничего не заметите.

Состояние Веркрампа было близким к панике.

— Нет! — закричал он. — Вы не имеете права!

Доктор фон Блименстейн выразительным взглядом обвела комнату, похожую скорее не на палату, а на тюремную камеру.

— Здесь, — сказала она, — я могу делать все, что сочту нужным. Вы — мой пациент, а я ваш врач, и, если вы будете сопротивляться, я прикажу надеть на вас смирительную рубашку, и вам не останется ничего другого, как подчиниться. Так вот, вы согласны поде литься со мной вашими проблемами? И помните: от меня ваши секреты никуда не уйдут. Я вам врач, и никто не может заставить меня рассказать о том, о чем я говорю со своими пациентами. Этого может по требовать только суд. Тогда, конечно, я вынуждена буду говорить под присягой. — Докторша выдержала паузу, а затем продолжила: — Но вы ведь сказали, что жену нельзя заставить давать показания против мужа, не так ли?

Альтернативы, выбирать из которых предстояло сейчас Веркрампу, потрясли его еще сильнее, нежели взрывающиеся страусы и «голубые» полицейские. Он лежал и думал, что же предпринять. Если он откажется признать свою ответственность за беспорядки в городе и за серию взрывов, то докторша сделает ему этот укол и все равно вытянет из него всю правду, но он при этом лишится ее благорасположенности и поддержки. Если же он признает свою ответственность, то уйти от ответа перед законом сможет, только пойдя к алтарю. Похоже, что выбора у него на самом-то деле и не было. Веркрамп судорожно сглотнул, нервно оглядел комнату — как будто смотрел на нее в последний раз — и попросил стакан воды.

— Вы согласились бы выйти за меня замуж? — спросил он наконец.

Доктор фон Блименстейн ласково улыбнулась.

— Конечно, дорогой. Конечно, согласилась бы, — и в следующее мгновение Веркрамп очутился в ее объятиях, ее губы сильно прижались к губам лейтенанта. Веркрамп закрыл глаза и подумал, сколько еще лет может прожить доктор фон Блименстейн. Но все же это лучше, решил он, чем отправиться на виселицу.

Когда комманданг Ван Хеерден приехал в Форт-Рейпир, чтобы проведать лейтенанта, дальнейший его путь, как и следовало ожидать, оказался сопряжен с преодолением чудовищных препятствий. Первым из них стал человек, сидевший за столом справок в комнате для посетителей. Этот человек решительно отказывался чем бы то ни было помочь коммандантe. Из-за нехватки вспомогательного персонала в больнице доктор фон Блименстейн посадила сюда кататонического шизофреника, руководствуясь тем, что его физическая и умственная неподвижность окажется в данном случае полезной. И действительно, после разговора с ним давление у коммандантa резко подскочило.

— Я требую свидания с лейтенантом Веркрампом! — орал комендант на неподвижного кататоника и был уже готов прибегнуть к насилию, как в комнату вошел очень высокий человек с неестественно бледным лицом.

— По-моему, лейтенант лежит в отделении «С», — сказал он коммандантe. Ван Хеерден поблагодарил его и отправился в это отделение, но, придя туда, обнаружил, что в нем содержатся женщины, страдающие маниакальной депрессией. Коммаддант вновь вернулся к справочному бюро, и после его очередной безуспешной попытки вступить в общение с сидевшим там кататоником тот же самый высокий и худой человек, который снова случайно заглянул в комнату, уверенно сказал коммандантe, что лейтенант должен быть в отделении «Н». Комендант отправился туда. На этот раз он не смог установить, чем страдают больные этого отделения, но с чувством облегчения отметил про себя, что у Веркрампа, по-видимому, какое-то иное заболевание. Окончательно выйдя из себя, комендант вновь направился в справочную, но по дороге в коридоре столкнулся с высоким человеком.

— Что, и там его нет? — удивился тот. — Тогда он точно должен быть в отделении «Е».

— Решите наконец, где он, — сердито зашумел комендант. — Вначале вы называете одно отделение, потом другое, теперь третье.

— Вы подняли интересный вопрос, — ответил ему высокий.

— Какой вопрос? — недоуменно переспросил комендант.

— Насчет того, чтобы собрать свой ум,[65] — ответил высокий. — Ответ на этот вопрос прежде всего предполагает, что мы можем провести различие между умом и мозгом. Если бы вы сформулировали его иначе: «соберите свой мозг», то выводы из такой постановки вопроса были бы совершенно другими.

— Послушайте, — ответил комендант, — я приехал

навестить лейтенанта Веркрампа, а не заниматься тут с вами логикой. — Он развернулся и двинулся дальше по коридору в поисках отделения «Е», но когда отыскал его, то узнал, что в нем содержатся только чернокожие пациенты. Чем бы ни был болен Веркрамп, скорее всего, в отделение «Е» его поместить не могли. Комендант вновь повернул назад к справочной, бормоча себе под нос, что убьет этого высокого, если только увидит его еще раз. Но внезапно столкнулся с доктором фон Блименстейн, которая ехидно заявила ему, что он находится в больнице, а не в полицейском участке и должен вести себя соответственно. Несколько поумерив свой пыл при виде властной докторши, комендант последовал за ней в ее кабинет.

— Так, и чего же вы хотите? — спросила она, усевшись за стол и окидывая коменданта холодным взглядом.

— Я хочу увидеть лейтенанта Веркрампа, — ответил комендант.

— Вы ему кем приходитесь — отцом, родственником, опекуном? — поинтересовалась врачиха.

— Я — офицер полиции, и я расследую преступление, — ответил комендант.

— Тогда, наверное, у вас есть ордер? Я бы хотела взглянуть на него.

Комендант заявил, что ордера у него нет.

— Я — комендант полиции Пьембурга, а Веркрамп — мой подчиненный. Для встречи и разговора с ним мне не требуется ордера, где бы он ни находился.

Доктор фон Блименстейн снисходительно улыбнулась.

— Вы просто не знакомы с больничными правилами, — сказала она. — Мы очень внимательно смотрим, кто приходит навещать наших пациентов. Мы не можем допустить, чтобы случайные люди возбуждали наших больных или же задавали им вопросы по работе. В конце концов, проблемы у Бальтазара возникли оттого, что он переработался, а ответственность за это, как мне ни прискорбно, лежит, на мой взгляд, на вас.

Комендант был настолько поражен тем, что Веркрампа здесь называют Бальтазаром, что даже не нашелся, что ответить.

— Если бы вы сказали мне, какие вопросы вы хотите ему задать, возможно, я смогла бы вам чем-нибудь помочь, — продолжала врачиха, чувствуя, что инициатива находится в ее руках.

Комендант много о чем хотел бы порасспросить лейтенанта Веркрампа. Он, однако, понял, что сейчас об этом лучше не упоминать. И потому просто сказал, что хотел бы выяснить, не может ли Веркрамп пролить какой-нибудь свет на причины

происшедших в городе взрывов.

— Понятно, — сказала доктор фон Блименстейн. — Но, если я правильно вас поняла, вы вполне удовлетворены тем, как действовал лейтенант в ваше отсутствие?

Ван Хеерден решил, что если он хочет поговорить с самим Веркрампом, то единственный способ добиться этого — потворствовать настроению и прихотям докторши.

— Да, — ответил он. — Лейтенант Веркрамп сделал все, что смог, чтобы прекратить беспорядки.

— Отлично, — поддержала доктор фон Блименстейн, — рада это слышать от вас. Понимаете, очень важно, чтобы у наших пациентов не возникал комплекс вины. Проблемы Бальтазара во многом проистекают из того, что у него есть такой застарелый комплекс вины и неполноценности. Нельзя же, чтобы в результате наших неосторожных высказываний этот комплекс еще больше усилился.

— Конечно, — согласился комендант, в душе полностью согласный с тем, что в основе проблем Веркрампа лежит именно вина.

— В таком случае, я надеюсь, что вы абсолютно удовлетворены его работой, считаете, что он действовал в сложившейся обстановке профессионально и предельно ответственно. Я вас правильно поняла?

— Безусловно, — ответил комендант, — он не смог бы сделать большего, как бы ни старался.

— Ну, в таком случае, полагаю, я могу разрешить вам свидание, — сказала доктор фон Блименстейн и выключила стоявший у нее на столе диктофон. Она встала из-за стола и вышла в коридор. Комендант двинулся за ней, интуитивно чувствуя, что его каким-то образом обвели вокруг пальца, хотя и не понимая, в чем и как именно. Поднявшись несколько раз по лестнице, они вошли в другой коридор.

Подождите здесь, — сказала врачиха, — я предупрежу его, что вы хотите с ним поговорить. — Оставив коменданта в маленькой первой комнатке, она прошла дальше, в палату, где лежал Веркрамп.

— А у нас гость, — весело сказала она. Веркрамп съежился на кровати.

— Кто? — спросил он слабым голосом.

— Один из старых друзей, — ответила врачиха. — Он просто хочет тебя кое о чем спросить. Комендант Ван Хеерден.

Веркрамп смертельно побледнел.

— Ни о чем не волнуйся, — сказала доктор фон Блименстейн,

присаживаясь на краешек кровати и беря его за руку. — Если не хочешь, можешь не отвечать ни на какие вопросы.

— Конечно, не хочу, — с чувством произнес Вер крамп.

— Ну и не надо, — сказала врачиха, доставая из кармана какую-то бутылочку и кусочек сахару.

— Это еще-что? — нервно спросил Веркрамп.

— То, что поможет тебе не отвечать на вопросы, дорогой, — сказала врачиха и сунула кусочек сахара ему в рот. Веркрамп прожевал его и повернулся на спину.

Через десять минут комендант, пытавшийся успокоить нервы, снова разгулявшиеся из-за долгого ожидания, чтением какого-то автомобильного журнала, услышал ужасающие вопли. Казалось, кто-то из пациентов переживает просто-таки адовы муки.

В комнату вошла доктор фон Блименстейн.

— Он готов с вами встретиться, — сказала она, — но предупреждаю, что обращаться с ним надо очень мягко. Сегодня у него один из самых легких дней, по этому не надо его ничем расстраивать, ладно?

— Хорошо, — ответил комендант, стараясь перекричать нечеловеческие вопли. Докторша отперла дверь в палату, и комендант осторожно заглянул внутрь. То, что он там увидел, заставило его мгновенно отпрянуть назад в коридор.

— Не волнуйтесь, — сказала врачиха и втолкнула его в палату. — Только спрашивайте его в мягкой форме и старайтесь ничем не выводить его из себя. Она заперла за комендантом дверь в палату, и Ван Хеерден оказался в маленькой комнате, один на один с кричащим, суетливо мечущимся по палате существом, черты лица которого — когда коменданту удавалось их разглядеть — чем-то напоминали лейтенанта Веркрампа. Заостренность этих черт, тонкий нос, горящие яростью глаза — все это вроде бы было как у Веркрампа. На этом, однако, сходство кончалось. Веркрамп никогда не кричал подобным образом. Если бы коменданту сказали раньше, что человек вообще в состоянии издавать подобные звуки, то он бы не поверил. У Веркрампа никогда не вываливался наружу язык, он не мельтешил так из стороны в сторону. А главное, Веркрамп никогда не имел привычки так цепляться за решетки на окнах.

В ужасе комендант вжался в ближайший к двери угол. Он понял, что приехал сюда зря. Уж что-что, но факт сумасшествия лейтенанта Веркрампа был несомненен.

То бормоча, то выкрикивая нечто бессвязное, Веркрамп оторвался наконец от оконной решетки и спрятался под кроватью, продолжая и оттуда кричать и время от времени

высовываться, чтобы схватить коменданта за ноги. Комендант с трудом отбился от него, и Веркрамп снова метнулся через всю комнату к окну и повис на решетке.

— Откройте! Выпустите меня отсюда! — заорал комендант и неожиданно для себя самого стал барабанить в дверь столь же неистово, что почти сравнялся в своем бешенстве с Веркрампом. Через смотровой глазок в двери на него уставился чей-то холодный взгляд.

— Вы выяснили все, что хотели узнать? — спросила доктор фон Блименстейн.

— Да, да! — в отчаянии прокричал комендант.

— И Бальтазару не придется как-либо отвечать за все происшедшее?

— Отвечать? — воскликнул комендант. — Конечно, он не может отвечать. — Ему показалось даже странным, что у кого-то может возникнуть подобный вопрос.

Доктор фон Блименстейн отперла дверь, и комендант вылетел в коридор. Позади него Веркрамп все еще висел на окне, и глаза его горели яростным огнем, который комендант отнес исключительно на счет его неизлечимой болезни.

— У него сегодня один из хороших дней, — сказала врачиха, запирая дверь в палату и поворачивая назад к своему кабинету.

— А что с ним? — поинтересовался комендант, подумав про себя, какими же должны быть в этом случае плохие, трудные дни.

— Легкая депрессия, следствие слишком большого перенапряжения на работе.

— Господи Боже мой, — сказал комендант, — вот уж легким это я бы никак не назвал.

— У вас просто нет опыта общения с душевно больными, — ответила врачиха. — Вы смотрите глазами неспециалиста.

— Ну, не знаю, — произнес комендант. — И вы полагаете, он когда-нибудь поправится?

— Безусловно, — ответила докторша. — Через несколько дней он будет как огурчик.

Комендант Ван Хеерден решил не спорить со специалистом. Со всей вежливостью, продиктованной, в частности, и его внутренним убеждением, что врачу придется иметь дело с абсолютно неизлечимым случаем, комендант поблагодарил ее за помощь.

— Если возникнет необходимость, не стесняйтесь, звоните мне в любое время, — сказала на прощание врачиха.

Комендант покинул больницу, страстно молясь в душе, чтобы такая необходимость никогда у него не возникла. Лейтенант Веркрамп продолжал бесноваться в своей палате. В

этот день он впервые в жизни попробовал ЛСД.[66]

Глава тринадцатая

Если посещение клиники для душевнобольных в Форт-Рэйпире дало коммандантуВан Хеердену возможность заглянуть в иррациональные глубины человеческой психики — что стало для него новым и жутковатым открытием, — то последующие встречи укрепили его во мнении, что за время его отсутствия все в Пьембурге изменилось в худшую сторону. Тридцать шесть человек, что с трудом выползли из камер и теперь выслушивали глубочайшие извинения и искренние сожаления коммандантa, уже не производили впечатления выдающихся, внушающих уважение к себе общественных деятелей, какими они были всего две недели тому назад. Первым делом коммандант решил поговорить с глазу на глаз с мэром города, однако глаза у мэра настолько почернели и заплыли, что он ничего не видел. Как объяснил сержант из службы безопасности, произошло это потому, что мэр бился головой о дверь камеры и ударился о дверную ручку. Поскольку, однако, на дверях камер не было изнутри никаких ручек, такое объяснение представлялось маловероятным. Да и вообще мэр был далеко не в лучшем состоянии. На протяжении восьми дней ему не давали садиться, заставляя стоять с надетым на голову мешком, и не давали отправлять ни общественные обязанности, ни личные надобности. В результате он распространял вокруг себя своеобразные запахи, а кроме того, пребывал в заблуждении, будто председательствует на каком-то официальном банкете.

— Я крайне сожалею, что так получилось, — начал коммандант и поднес к носу платок.

— Для меня большая честь присутствовать на этом собрании, — вяло пробормотал мэр.

— Я хотел бы принести мои… — продолжил коммандант.

— Самые искренние поздравления по… — перебил его мэр.

— По поводу этого прискорбного случая, — сказал коммандант.

— Не каждому из нас достается честь…

— Когда вас посадили под замок…

— Послужить общественному благу наилучшим образом…

— Подобное больше не повторится.

— Я искренне надеюсь…

— О, черт… — коммандант окончательно запутался и замолк. В конце концов с помощью трех охранников мэр подписал заявление, что не имеет жалоб по поводу обращения с ним, — заявление, которое он не мог ни прочесть, ни даже просто

увидеть, — и выразил благодарность полиции, предоставившей ему на эти дни свою защиту. После чего мэра вынесли в уже поджидавшую «скорую» и отпустили домой.

Другие заключенные не проявили, однако, такого же здравомыслия, а один или два приняли коммандант за нового, еще более изощренного следователя.

— Знаю, чего вы от меня хотите, заявил управляющий «Барклайз бзнк», когда его ввели в кабинет коммандант. — Хорошо, признаюсь. Я — член англиканской церкви и коммунист.

Коммандант испытывал некоторую неловкость, глядя на управляющего. Лицо у того было все в ссадинах и кровоподтеках, колени непрерывно сводило судорогой от долгого стояния.

— В самом деле? — с сомнением в голосе переспросил коммандант.

— Нет, конечно, — ответил управляющий, вдохновленный этой ноткой сомнения. — Я практически почти не хожу в церковь. Только вместе с женой, когда она на этом настаивает, а она у меня баптистка.

— Понимаю, — сказал коммандант. — Но вы — коммунист?

— О Боже, — простонал управляющий, — разве мог бы я возглавить банк, если бы был коммунистом?

Коммандант пододвинул ему бланк расписки, снимающей с полиции всяческие претензии.

— Распишитесь, и мне будет безразлично, кто вы, — раздраженно буркнул он. — Если не подпишете, я вам предъявлю обвинения в подрывной деятельности.

— В подрывной деятельности? — ужаснулся управляющий. — Но я же не совершил ничего противозаконного.

— По вашему собственному признанию, вы мочились с плотины Хлуэдэм. По закону 1962 года это является подрывным актом.

— Помочиться с плотины?

— Загрязнение общественных источников водоснабжения. По закону за это полагается смертная казнь.

Управляющий поставил свою подпись на бланке, и его проводили к выходу.

Когда коммандант закончил аналогичные процедуры со всеми задержанными, был уже поздний вечер. У него, однако, так и не сложилось представления, что могло послужить причиной потрясших город взрывов. Правда, после того как взорвались страусы, повредя попутно немало общественных мест, новых взрывов в городе больше не было. Но общественность обрела бы полную уверенность в своей безопасности лишь после того, как были бы задержаны виновники прежних взрывов. Коммандант

вышел из тюремного здания, уселся в машину и приказал Элсу ехать в полицейское управление.

Поднимаясь по лестнице и проходя мимо стола дежурного, где сейчас один из полицейских опрашивал человека, у которого угнали машину, комендант внезапно понял всю сложность положения, в котором он оказался. Ему предстояло поддерживать порядок и безопасность в городе, где вся полиция была полностью деморализована. Он должен был бороться против неизвестных заговорщиков, обладавших столь отлаженной организацией, что они располагали возможностью делать свои бомбы из взрывчатки, украденной в самой же полиции. Кроме того, за исключением трупа, обнаруженного в туалете кинотеатра. «Мажестик», они не оставили ни единого следа. Справиться с подобными задачами в таких условиях не смог бы и самый выдающийся полицейский. Комендант Ван Хеерден не страдал иллюзиями и знал, что сам он — не выдающийся.

Он распорядился, чтобы ему принесли ужин из греческого ресторана и приказал вызвать сержанта Брейтенбаха.

— Веркрамп постоянно говорил о каких-то секретных агентах, — спросил комендант, когда сержант прибыл. — Что вам о них известно?

— Мне кажется, он потерял с ними всякий контакт, — ответил сержант.

— Ну, он потерял всякий контакт не только с ними, это уж точно, — с чувством заметил комендант, у которого перед глазами все еще стоял тот Веркрамп, кого он видел в больнице. — А кто-нибудь еще хоть что-то знает об этих агентах?

— Никак нет, сэр.

— Должны же быть какие-то записи, — настаивал комендант.

— Они сожжены, сэр.

— Сожжены? Кем?

— Веркрамп сам сжег их, когда свихнулся.

— Что, абсолютно все записи?

Сержант Брейтенбах утвердительно кивнул.

У него было досье, которое называлось «Операция „Красный мятеж“». Я никогда не заглядывал в это досье, но знаю, что он сжег его в ту ночь, когда стали взрываться страусы. На него это очень сильно подействовало, сэр. Я имею в виду взрывающихся страусов. После того как один из них взорвался на улице прямо напротив нашего здания, сэр, лейтенант мгновенно переменился.

— Н-да, тут у нас с информацией не густо, — сказал комендант, заканчивая ужин и вытирая рот. — А знаете, — продолжал он, откидываясь в кресле, — мне все время не давал

покоя один вопрос: зачем понадобилось коммунистам устанавливать микрофоны в моем доме? Веркрамп считал, что они надеялись до быть нечто, компрометирующее меня. Вряд ли. Я ни чего такого не делаю.

— Так точно, сэр, — ответил сержант. Он нервно оглядел кабинет. — А как вы думаете, сэр, лейтенант Веркрамп когда-нибудь поправится?

Комендант Ван Хеерден заверил его, что не имеет на этот счет никаких сомнений.

— У него нет ни малейших шансов выбраться оттуда. Вот нистолечки, — жизнерадостно заявил он.

Сержант Брейтенбах вздохнул с явным облегчением.

— В таком случае, полагаю, вы должны знать: эти микрофоны установили там вовсе не коммунисты, сэр. — Сержант выдержал паузу, чтобы смысл сказанного лучше дошел до начальника.

— Вы хотите сказать… — начал комендант, на глазах багровея.

— Это Веркрамп, сэр, — поспешно вставил сержант.

— Этот негодяй напичкал мой дом микрофонами? — заорал комендант. Сержант Брейтенбах тупо кивнул и замолк, дожидаясь, пока комендант выпустит весь пар.

— Он говорил, что получил соответствующий приказ из БГБ, сэр, — добавил сержант, когда комендант несколько успокоился.

— Из БГБ? — переспросил комендант. — Приказ из БГБ? — в его голосе зазвучало беспокойство.

— Так он говорил, сэр. Однако не думаю, чтобы это было на самом деле так, — сказал сержант.

— Понимаю, — сказал комендант, пытаясь сообразить, с чего бы БГБ вдруг заинтересовалось его личной жизнью. Мысль об этом могла встревожить кого угодно. Те, кем начинало интересоваться БГБ, часто выбрасывались впоследствии из окон десятиэтажного здания БГБ в Йоханнесбурге.

— Мне кажется, сэр, это как-то связано с его сумасшествием, — продолжал сержант. — Вся его борьба за чистоту наших рядов.

Комендант затравленно посмотрел на Брейтенбаха.

— О Боже, — проговорил он, — значит, все рассуждения Веркрампа о коммунистах и их агентах — всего лишь предлог, чтобы выяснить, есть у меня с кем-нибудь роман или нет?

— Так точно, сэр, — подтвердил сержант Брейтенбах, преисполненный решимости ни при каких обстоятельствах не говорить, с кем именно, по мнению лейтенанта, был у коменданта роман.

— Ну, в таком случае Веркрампу здорово повезло, что он угодил в психушку. Иначе быть бы ему разжалованным в рядовые.

— Так точно, сэр, — ответил сержант. — Сегодня ночью взрывов не будет. — Ему очень хотелось сменить тему разговоров и уйти от обсуждения вопроса о личной жизни коменданта. Ван Хеерден посмотрел в окно, в которое до сих пор не вставили стекло, и вздохнул.

— И прошлой ночью не было взрывов. И позапрошлой. Ни одного взрыва с тех самых пор, как Веркрамп очутился в дурдоме. Странно, не правда ли? — спросил комендант.

— Очень странно, сэр.

— Все происшествия совпали почему-то с периодом, когда тут командовал Веркрамп, — продолжал комендант. — Вся взрывчатка была позаимствована из арсенала полиции. Действительно очень странно.

— Вы думаете о том же, что и я? — спросил его сержант.

Комендант Ван Хеерден пристально посмотрел на него.

— Я об этом не думаю, чего и вам советую, — ответил он. — Об этом и помыслить невозможно. — Комендант замолк, взвешивая про себя те поразительные выводы, которые вытекали из сообщенного сержантом Брейтенбахом. Если коммунистические агенты не имели никакого касательства к установке микрофонов в его доме… Комендант прервал ход своих мыслей в этом направлении. А Бюро государственной безопасности — какова его роль во всей этой истории? Но и это направление рассуждений показалось коменданту тоже опасным.

— Одно мне ясно. Мы должны отыскать заговорщиков и представить их перед судом — или не усидеть мне в этом кресле. Общественность начнет возмущаться нашим бессилием, и кого-то понадобится отдать ей на съедение. — Комендант устало поднялся.

— Поеду спать, — сказал он. — На сегодня достаточно.

— Я хотел сказать вам еще кое о чем, что, мне кажется, вас заинтересует, — сказал сержант. — В связи с этими взрывами. Я тут кое-что посчитал. — Он положил перед комендантом листок бумаги. — Вот, взгляните. Каждый раз было двенадцать взрывов. Верно? — Комендант Ван Хеерден кивнул. — За день до того, как вы уехали в отпуск, лейтенант Веркрамп приказал изготовить двенадцать новых ключей к полицейскому арсеналу. — Сержант замолчал. Комендант снова уселся за стол и обхватил голову руками.

— Продолжайте, — сказал он, помолчав какое-то время. — Давайте уж разберемся до конца.

— Так вот, сэр, — продолжал сержант, — я опросил тех, кто забирал донесения из тайников от тайных агентов. Получается, что этих агентов было тоже двенадцать.

— Вы хотите сказать, что Веркрамп сам организовал эти взрывы? — спросил комендант, впрочем, понимая всю бесполезность своего вопроса. Мнение сержанта Брейтенбаха было и без того очевидно.

— Похоже так, сэр, — ответил сержант.

— Но зачем?! Какой в этом смысл, черт побери? — воскликнул в отчаянии комендант.

— Мне кажется, он еще раньше сошел с ума, сэр, — сказал сержант.

— Сошел с ума? — закричал комендант. — Сошел с ума?! Да он был сумасшедшим с самого начала!

Когда комендант Ван Хеерден добрался наконец до постели, он уже сам пребывал почти в таком же состоянии. Полученные за день впечатления не могли пройти без последствий. Ночью коменданту снились взрывающиеся страусы и «голубые» полицейские, среди которых почему-то оказалась одетая лишь в цилиндр и сапоги миссис Хиткоут-Килкуун верхом на огромной черной кобыле. Все пространство было испещрено воронками от взрывов, а где-то на заднем плане стоял и демонически улыбался Элс. Комендант провел беспокойную ночь, мечась во сне, непрерывно ворочаясь с боку на бок и вздрагивая.

Виновник всех обрушившихся на коменданта несчастий тоже провел ночь крайне беспокойно и неприятно в своей палате в Форт-Рэйпире. Правда, эта ночь была не такой скверной, как то, что ему пришлось пережить накануне под влиянием ЛСД. Но все же она оказалась достаточно трудной, чтобы убедить доктора фон Блименстейн — нет худа без добра, — что она дает своему пациенту слишком мощные дозы лекарств.

Один лишь констебль Элс спал спокойно. Оказавшись в одиночестве в квартире Веркрампа, которую он якобы охранял, констебль быстро обнаружил имевшийся у лейтенанта запас порнографических журналов, пролистал их, а потом отправился спать, мечтая о констебле Боте, желтый парик которого произвел на него большое впечатление. Один или два раза он подергался во сне, как дергается спящая собака, которой снится охота. Утром Элс встал и подъехал на машине к дому коменданта. Сдержанная ругань, донесшаяся до него с кухни, позволяла предположить, что коменданту пришлась не по вкусу редакционная статья в утренней газете.

— Так я и знал, так я и знал, — шумел комендант, размахивая «Зулулэнд кроникл», статья в которой в

оскорбительной форме обвиняла полицию в некомпетентности, в пытках невинных людей и в неспособности вообще поддерживать законность и порядок в городе. — Следующим делом они потребуют судебного расследования. Страна катится ко всем чертям! Как, черт побери, я могу поддерживать законность и порядок, когда половина моих подчиненных — скурвившиеся педерасты?

Миссис Руссо была шокирована.

— Ну и выражения у вас, — резко заметила она. — Даже у стен бывают уши, между прочим.

— Вот именно, — столь же резко и энергично согласился с ней комендант. — Да будет вам известно, вот уже месяц как я живу в доме, который впору сравнить с трибуной в каком-нибудь конференц-зале. Тут везде натыкано больше микрофонов, чем…

Договорить миссис Руссо ему не дала.

— Подобного я от вас и выслушивать не желаю, — заявила она.

Стоя под окном, констебль Элс усмехался про себя и с нарастающим удовольствием прислушивался к спору, разгоравшемуся все жарче. В конце концов коменданту удалось уговорить миссис Руссо остаться его экономкой, но только после того, как он извинился за критику в ее адрес. С этим комендант и отправился на работу.

В полицейском участке коменданта поджидала целая группа недовольных женщин.

Их с трудом удалось убедить дать ему пройти по лестнице.

— Делегация жен полицейских, сэр, — объяснил сержант Брейтенбах.

— Какого черта им нужно? — требовательно спросил комендант.

— Это по поводу мужей, что стали «голубыми», — ответил сержант. — Они пришли требовать удовлетворения.

— Удовлетворения? — воскликнул комендант. — Как же я, черт побери, могу их всех удовлетворить?!

— Вы меня не так поняли, — пояснил сержант, — они хотят, чтобы вы как-то привели их мужей в норму.

— Ах вот оно что. Ну ладно, зови их, — устало проговорил комендант. Сержант вышел и через минуту вернулся в сопровождении двенадцати крупных и явно рассерженных женщин, которые немедленно обступили коменданта.

— Мы пришли, чтобы заявить официальную жалобу, — сказала самая крупная из них, по всей видимости, игравшая в группе роль лидера.

— Да, — сказал комендант, — я понимаю.

— По-моему, вы ничего не понимаете, — ответила женщина.

Комендант взглянул на нее и решил про себя, что все-таки он понимает причины их жалобы.

— Насколько я понимаю, вопрос касается ваших мужей, — сказал он.

— Совершенно верно, подтвердила крупная женщина. — Наши мужья были подвергнуты эксперименту, в результате которого они утратили свои мужские достоинства.

Комендант записал эту жалобу на листе бумаги.

— Ясно, — сказал он. — Ну и что вы от меня теперь хотите?

Женщина неприязненно поглядела на него.

— Мы хотим, чтобы вы безотлагательно исправили это положение, — заявила она. Комендант откинулся в кресле и уставился на нее.

— Исправил бы?

— Именно, — с чувством подтвердила женщина. Комендант задумался о том, как ему следует вести себя дальше, и решил, что можно прибегнуть к лести.

— Мне кажется, средства излечения находятся в ваших собственных руках, — предположил он, сопроводив свои слова улыбкой вполне определенного смысла. Но говорить этого ему явно не стоило.

— Позор! — зашумели женщины. — Это оскорбительно!

Комендант Ван Хеерден залился краской.

— Пожалуйста, извините, — начал оправдываться он, — вы меня не так поняли… — Но остановить женщин было уже невозможно.

— Что нам теперь — на свечи и морковки переходить, да?! — закричала одна.

— Женщины, женщины! Вы не так меня поняли, — изо всех сил пытался успокоить их комендант. — Я хотел только сказать, что если вы все вместе…

Сквозь обрушившуюся на него лавину выкриков комендант Ван Хеерден пытался донести до женщин мысль, что если только они все вместе соберутся и твердо встанут…

— Возьмите себя в руки! — заорал он, когда кричащие женщины окружили его стол. Сержант Брейтенбах и два полицейских, не успевших еще стать «голубыми», восстановили в кабинете порядок.

В конце концов основательно потрясенный комендант пообещал женщинам, что постарается по возможности помочь им.

— Можете быть уверены, что я из кожи вон вылезу, лишь бы ваши мужья возвратились к исполнению своих супружеских обязанностей, — заверил комендант, и женщины цепочкой

вышли из кабинета. Пока они спускались вниз по лестнице, констебль Элс успел поинтересоваться у некоторых, не может ли он быть им чем-нибудь полезен, и договорился на вечер о трех свиданиях. Когда женщины ушли, комендант приказал сержанту Брейтенбаху достать фотографии голых мужчин.

— Придется проделать все снова, чтобы вернуть их в исходное состояние, — пояснил он.

— Белых мужчин или цветных, сэр?

— Тех и других, — сказал комендант. — Чтобы на этот раз все было наверняка.

— Может быть, нам лучше вначале проконсультироваться у опытного психиатра? — спросил сержант.

Комендант Ван Хеерден задумался над этим предложением.

— А откуда вообще у Веркрампа появилась мысль о подобном лечении? — спросил он.

— Он читал книгу какого-то профессора по имени Айс Инк. [67]

— Странное имя для профессора, — сказал комендант.

— Странный профессор, — уточнил сержант. — Мне все-таки кажется, что нам бы стоило обратиться за помощью к хорошему психиатру.

— Пожалуй, — неохотно согласился комендант. Единственным психиатром, которого он знал, была доктор фон Блименстейн, и коменданту очень не хотелось обращаться к ней за помощью.

Ближе к полудню, однако, его точка зрения по этому поводу изменилась. Его посетила делегация представителей делового мира Пьембурга, предложившая сформировать отряд добровольцев из граждан, готовых содействовать полиции в ее пока что безуспешных попытках защитить от террористов жизнь и собственность граждан города. Комендант получил также судебные повестки от адвокатов, представлявших интересы мэра и еще тридцати пяти известных в городе граждан, в которых предъявлялись претензии за незаконное задержание и пытки их клиентов. И в довершение всего ему позвонил верховный комиссар полиции Зулулэнда, потребовавший немедленного задержания лиц, организовавших серию взрывов.

— Вы лично, Ван Хеерден, отвечаете за это! — кричал комиссар, который уже не один год искал предлог, чтобы отправить коменданта в отставку. — И я хочу, чтобы вы это поняли. Вы лично несете ответственность за все происшедшее. Либо вы работаете по-настоящему и можете показать результат, либо я вас отправляю в отставку. Понятно?

Не понять этого было невозможно. Когда комендант положил трубку телефона, вид у него был такой, как у загнанной в угол крысы.

За следующие полчаса стало совершенно очевидно, что угрозы, высказанные верховным комиссаром, возымели действие.

— Плевать мне, кто они такие! — шумел комендант на сержанта Брейтенбаха. — Любые одиннадцать человек, которые соберутся вместе, должны быть немедленно арестованы!

— Даже если это будут мэр и старейшины города, сэр? — спросил сержант.

— Нет! — еще громче заорал комендант. — Мэра и старейшин не трогать! Все остальные подозрительные группы задерживать!

Но сержант Брейтенбах и на этот раз проявлял свойственные ему колебания.

— Думаю, что мы таким образом нарвемся на неприятности, сэр, — заметил он.

— На неприятности?! — возмутился комендант. — А сейчас, по-твоему, у меня их нет?! Я и так повис на ниточке! И если ты думаешь, что я позволю этому чертову комиссару оборвать эту ниточку, то ты сильно ошибаешься!

— Меня волнует БГБ, сэр, — сказал сержант. — БГБ?

— Агенты лейтенанта Веркрампа были скорее всего сотрудниками Бюро государственной безопасности из Претории, сэр. Если мы их арестуем, не думаю, чтобы БГБ это понравилось.

Комендант в растерянности посмотрел на него.

— Ну и что же, по-твоему, я должен делать? — спросил он, и в голосе его зазвучали истерические нотки. — Комиссар требует, чтобы я арестовал организаторов взрывов. Ты утверждаешь, что если я это сделаю, то против меня ополчится все БГБ. Что же мне, черт побери, делать?

На этот счет сержант Брейтенбах не имел ни малейшего понятия. В конце концов комендант отменил собственное приказание арестовывать всех, кто собирается по одиннадцать человек, и отпустил сержанта. Оставшись в кабинете один, он предался мучительным раздумьям: как справиться с задачей, которая казалась неразрешимой.

Через десять минут он нашел решение. Он уже был готов послать Элса в подвал отобрать среди черных заключенных одиннадцать человек, которые должны были подорваться в угнанном автомобиле, начиненном полицейской взрывчаткой, — это доказало бы, что, когда надо изловить коммунистических заговорщиков, южноафриканская полиция в целом и комендант Ван Хеерден в частности действуют быстро и энергично. Но тут

ему пришло в голову, что в этом плане есть один существенный изъян. По показаниям очевидцев, те люди, которые чем-то кормили страусов, были белыми, Комендант выругался и вновь задумался.

— Веркрамп точно сошел с ума, — пробормотал он себе под нос уже Бог знает в который раз, недоумевая, что же послужило тому причиной. И тут его осенило.

Схватившись за телефон, комендант набрал номер доктора фон Блименстейн и договорился встретиться с ней после обеда.

— Что вы хотите, чтобы я сделала? — переспросила доктор фон Блименстейн, когда комендант изложил ей свое предложение. Она сделала движение, чтобы включить магнитофон, но комендант дотянулся и выдернул шнур из розетки.

— Мне кажется, вы не совсем поняли, — произнес он с мрачной решимостью человека, твердо вознамерившегося добиться взаимопонимания. — Либо вы будете со мной сотрудничать, либо я вытащу отсюда Веркрампа, предъявлю ему обвинение в намеренном уничтожении общественной собственности и в подрывной деятельности и отправлю его под суд.

— Но не можете же вы требовать от меня… — начала врачиха, направляясь к двери. С неожиданной для нее ловкостью она подскочила к двери, распахнула ее и очутилась лицом к лицу с констеблем Элсом. Она поспешно закрыла дверь и вернулась на свое место.

Это возмутительно, запротестовала она. Комендант Ван Хеерден лишь зловеще улыбался.

— Вы не можете арестовать моего Бальтазара, — продолжала она, пытаясь не потерять силы духа перед этой улыбкой. — Только вчера вы мне говорили, что он очень компетентно и с высокой степенью ответственности провел все это дело. Не так ли?

— Компетентно? — рявкнул комендант. — Я вам скажу, насколько это было компетентно. Этот паскудник, ваш чертов Бальтазар, организовал самую крупную серию террористических актов за всю историю страны. Те бандиты, что орудуют возле Замбези, по сравнению с ним просто казаки-разбойники. Он лично ответствен за уничтожение четырех шоссейных мостов, двух железнодорожных линий, трансформаторной подстанции, телефонного узла, четырех бензохранилищ, одной газораспределительной станции, пяти тысяч акров посевов сахарного тростника и радиостанции. И у вас еще хватает наглости говорить мне, что он действовал компетентно?!

Доктор фон Блименстейн безвольно поникла в своем кресле и со страхом смотрела на коменданта.

— У вас нет доказательств, — возразила она, по молчав. — А кроме того, ему плохо.

Комендант Ван Хеерден перегнулся через стол к ней и уставился ей прямо в глаза.

— Правда? — спросил он. — Действительно плохо? Когда он попадет в руки палачу, ему будет куда хуже, поверьте.

Доктор фон Блименстейн охотно поверила. Она закрыла глаза и помотала головой, пытаясь избавиться и от пристального взгляда коменданта, и от возникшей в ее воображении картины того, как ее избранник будет болтаться на виселице. Комендант понял, что попал в точку, и несколько расслабился.

— В конце концов, мы ведь сделаем только то, что они пытались сделать и сами, но потерпели неудачу, — убеждал комендант. — Мы не будем делать ничего такого, что шло бы вопреки их же собственным склонностям.

Доктор фон Блименстейн открыла глаза и с ненавистью посмотрела на коменданта.

— Но мы же с Бальтазаром помолвлены, — сказала она.

На этот раз настала очередь коменданта испытать потрясение. У него перехватило дыхание при одной мысли о том, что эта толстозадая врачиха станет женой обезьяноподобной фигурки, метавшейся вчера на его глазах по палате. Теперь комендант понял причину того малодушного ужаса, который он заметил накануне во взоре Веркрампа.

— Поздравляю, — растерянно проговорил он. — В таком случае тем больше оснований принять мое предложение.

Доктор фон Блименстейн расстроенно кивнула:

— Пожалуй.

— Ну что ж, тогда давайте обсудим детали, — сказал комендант. — Вы переводите в изолированное помещение одиннадцать пациентов, которые предпринимали раньше попытки самоубийства. После этого вы воспользуетесь своим методом лечения, чтобы об учить их марксизму-ленинизму…

— Это невозможно, — сказала врачиха. — Этим методом нельзя никого ничему научить. С его помощью можно только отучить от некоторых привычек.

— Ничего подобного, — возразил комендант. — Приходите ко мне, я вам покажу, чего добился Бальтазар при помощи вашего метода. Он-таки много чему научил моих полицейских. И, поверьте мне на слово, ни от каких привычек он их не вылечил.

Доктор фон Блименстейн попробовала зайти с другой стороны.

— Но я ничего не понимаю в марксизме-ленинизме, — сказала она.

— Жаль, — ответил комендант и стал вспоминать кого-нибудь, кто бы в этом разбирался. Единственный человек, которого он смог припомнить, отбывал двадцатилетний срок в пьембургской тюрьме.

— Ну пусть эта сторона дела вас не волнует, — сказал комендант. — Я подыщу кого-нибудь, кто в этом разбирается.

— А что дальше? — поинтересовалась врачиха. Комендант Ван Хеерден улыбнулся.

— Все, что будет дальше, предоставьте мне. Пусть у вас об этом голова не болит, сказал он и поднялся. Выходя из кабинета, он обернулся и поблагодарил доктора за сотрудничество.

— И помните — мы делаем это ради Бальтазара, для его блага, — произнес он на прощание и направился к машине. Следом за ним шел констебль Элс. Оставшись в своем кабинете одна, доктор фон Блименстейн еще какое-то время раздумывала над той жуткой задачей, которую поставил перед ней комендант. «Ну что ж, в конце концов, это просто разновидность эфтаназии»,[68] — решила она и принялась за составление списка суицидальных пациентов. Доктора фон Блименстейн всегда привлекали те методы лечения душевных заболеваний, что были в свое время разработаны в «третьем рейхе».

У узника пьембургской тюрьмы, к которому сейчас направлялся комендант, были на этот счет другие мысли. Приговоренный к двадцати пяти годам тюрьмы за участие в заговоре, о котором он абсолютно не ведал, Аарон Гейзенхеймер провел уже шесть лет в одиночном заключении, утешая себя мыслью о том, что вот-вот должна произойти революция, которая если и не вернет его в полной мере в прежнее, дотюремное нормальное состояние, то по крайней мере вызволит из заточения. Кроме этой мысли, у него была еще только Библия, единственная книга, которую неудачливому еврею разрешали читать тюремные власти. Поскольку всю свою юность Аарон Гейзенхеймер потратил на скрупулезное изучение трудов Маркса, Энгельса и Ленина и поскольку он к тому же происходил из семьи потомственных раввинов и богословов, неудивительно, что по прошествии шести лет принудительного ознакомления со Священным писанием он превратился в кладезь религиозных и идеологических премудростей. К тому же он был отнюдь не глуп, в чем, к собственному прискорбию, имел возможность убедиться тюремный священник. Проведя всего час в богословском споре с Гейзенхеймером, капеллан вышел из его камеры, сомневаясь в божественном происхождении Христа и уже наполовину

согласившись поместить «Капитал» где-то между первой частью Паралипоменона и Песней царя Соломона.[69] Хуже того, тридцать минут, ежедневно положенные ему на прогулку, Аарон Гейзенхеймер использовал для того, чтобы посещать все или почти все службы в тюремной церкви. Постоянно отпускаемые им при этом критические замечания вынудили капеллана поднять интеллектуальный уровень его проповедей до таких высот, когда эти проповеди стали совершенно непонятны прихожанам церкви, однако продолжали вызывать сильные критические нападки со стороны тюремного марксиста. Начальник тюрьмы, давно уже уставший от постоянных жалоб капеллана, был чрезвычайно обрадован, когда комендант Ван Хеерден заявил ему, что подумывает о переводе Гейзенхеймера в Форт-Рэйпир.

— Делайте с этим негодяем все, что считаете нужным, — сказал он коменданту. — Я буду только рад сбыть его с рук. Он распропагандировал некоторых надзирателей до того, что они нацепили значки с изображением Мао Цзэдуна.

Комендант поблагодарил начальника тюрьмы и отправился в одиночную камеру специзолятора, где сидел заключенный. Тот как раз штудировал жизнеописание Амоса.

— Здесь сказано: «И да смолчат благоразумные, ибо не время говорить», — ответил Гейзенхеймер, когда комендант поинтересовался, есть ли у него жалобы.

Комендант оглядел камеру.

— Немного тесновато здесь, — сказал он. — Как говорится, плюнуть некуда.

— Что ж, пожалуй, можно сказать, что эти слова верно отражают реальность, — ответил Гейзенхеймер.

— Может быть, перевести вас в более просторное помещение? — спросил комендант.

— Timeo Danaos et dona ferentes,[70] — ответил Гейзенхеймер.

— Ты со мной по-кафрски не говори! — рявкнул комендант. — Я тебя спрашиваю, хочешь ли ты в более просторную камеру?

— Нет, — ответил Гейзенхеймер.

— Почему, черт побери, нет? — спросил комендант.

— Здесь сказано: «И спасся человек от льва, и спасся он от медведя, и вернулся к себе домой, и облокотился рукой на стену, и укусила его змея». По-моему, вполне разумно.

Коменданту Ван Хеердену не хотелось вступать в спор с Библией, но он все же не мог взять в толк, почему узник отказывается от более просторной камеры.

— Здесь, наверное, чувствуешь себя очень одиноко? — поинтересовался он.

Гейзенхеймер пожал плечами.

— По-моему, в одиночке всегда так, — философски заметил он.

Комендант вернулся к начальнику тюрьмы и заявил, что не сомневается: Гейзенхеймер спятил. В тот же день марксиста перевели в изолированное отделение психбольницы Форт-Рэйпир, в котором стояли еще одиннадцать коек, а заодно были подготовлены полные собрания сочинений Маркса и Ленина, когда-то конфискованные пьембургской полицией. Передавая эти книги доктору фон Блименстейн, комендант вспомнил, что ему еще предстоит как-то излечить полицейских-гомосеков.

— Да, и вот еще что, — сказал он, выслушав врачиху, сообщившую, что она нашла одиннадцать подходящих пациентов. — Я был бы благодарен, если бы сегодня после обеда вы смогли заглянуть в наш спортзал. Мне нужен ваш совет, как вернуть некоторых «голубых» в норму.

Глава четырнадцатая

Подъезжая к спортзалу, в котором сержант Брейтенбах должен был собрать двести десять протестующих полицейских, коммандант испытывал определенное удовлетворение от того, что дела вроде бы сдвинулись с мертвой точки, и даже в правильном направлении. Безусловно, впереди его еще ждали трудности; но по крайней мере общую обстановку в городе удалось вернуть в норму. День или два уйдут еще на то, чтобы подготовить самоубийц в теории, и тогда их можно будет арестовывать. Правда, коммандант все еще не решил, как практически организовать такое натаскивание. Перед ним на переднем сиденье маячила спина констебля Элса, и, глядя на его затылок — весьма своеобразной формы и цвета, — коммандант ощущал прилив спокойствия и уверенности. Если человеческий гений и изобретательность не смогли подняться до необходимых высот в деле уничтожения нежелательных вещественных доказательств, то констебль Элс, с его угрожающей силой, неспособностью думать и с его везением, несомненно, легко справится с подобной задачей. Коммандант втайне лелеял надежду и на то, что в ходе ее выполнения Элс как-нибудь сгинет и сам. Однако последнее казалось совершенно невероятным: счастье, похоже, постоянно благоволило к констеблю. И оно явно не благоволило ко всем тем, кто пересекал констеблю Элсу дорогу. Коммандант почти не сомневался в том, что Элс сумеет так напортачить в ходе ареста одиннадцати пациентов Форт-Рэйпира, что любые последующие попытки доказать их невиновность будут обречены на провал.

За время поездки до спортзала коммандант Ван Хеерден пришел в прекрасное расположение духа. Чего нельзя было сказать о двухстах десяти полицейских, отнюдь не расположенных проходить вторично уже испытанный ими курс лечения.

— Лапочка моя, да ты ведь понятия не имеешь, что может из всего этого выйти на сей раз, — заявил один из них, обращаясь к сержанту Брейтенбаху. — Согласись, ты же просто-напросто не знаешь, что получится в результате?

Сержант Брейтенбах вынужден был признать, что, учитывая исход первоначального эксперимента, он действительно понятия не имел о возможных итогах второго.

— Но хуже, чем сейчас, вам не будет, — приободрил он полицейских.

— Не уверен, — возразил ему констебль. — А может быть, мы

вообще превратимся в животных?

— Ну, я готов пойти на этот риск, — заявил сержант.

— А о нас, дорогой, ты подумал? Что будет с нами? Не очень приятно себя чувствовать, когда не знаешь, что с тобой произойдет в следующий момент, верно? Меня, во всяком случае, это просто выводит из равновесия.

— А все барахло и причиндалы, которые мы на купили? — поддержал его другой полицейский. — Оно же денег стоит. Все эти лифчики, трусики, и все такое. Назад его у нас никто не примет.

Сержант Брейтенбах в ответ только пожал плечами. Его уже начинало всерьез волновать, каким образом можно будет заставить двести десять человек занять приготовленные для них места в спортзале. Но в этот момент показалась машина с комендантом, и сержант был избавлен от решения столь ответственной задачи.

«Попробую апеллировать к их чувству патриотизма», — подумал комендант, с откровенным отвращением разглядывая желтый парик констебля Боты. Он взял в руки громкоговоритель и обратился через него к толпе гомосексуалистов.

— Солдаты! — прокричал он. Усиленный громкоговорителем, но окрашенный нотками сомнения, его голос разнесся над плацем и улетел в сторону города. — Полицейские Южной Африки! Я понимаю, что пережитое вами не так давно не располагает к тому, чтобы снова повторять этот опыт. Могу только сказать, что я отдал приказ о повторном проведении лечения в интересах всей страны в целом. Оно снова сделает вас теми полноценными мужчинами, какими вы когда-то были. На этот раз лечение будет проводиться под наблюдением профессионального психиатра и без всяких штучек-дрючек. — В этом месте речь коменданта была прервана взрывом громкого хохота, а один особенно придурковатый на вид констебль с наклеенными на глаза крупными искусственными ресницами недвусмысленно подмигнул ему. Комендант Ван Хеерден, уже порядком уставший от всего, что на него свалилось за последние дни, вышел из себя.

— Слушайте, вы, дерьмо собачье! — рявкнул он то, что думал на самом деле, и его многократно усиленный голос был слышен за две мили от плаца. — Я навидался за свою жизнь всяческих мерзавцев, но таких, как вы, еще не встречал. И за что только мне выпало иметь дело с бандой педиков. Привыкли тут жопами крутить! Но ничего, я вас снова научу трахаться как положено! — Комендант перенес все свое внимание на полицейского с искусственными ресницами, грозя, что тот навек заречется

появляться перед ним, комендантом, в подобном виде и что при одном воспоминании об этом у него будет яйца судорогой сводить… В этот момент на площадке перед спортзалом появилась доктор фон Блименстейн и сразу же восстановила порядок. Она медленно, но многозначительно приблизилась к толпе полицейских. Те замолчали и с уважением уставились на ее крупные формы.

— Если не возражаете, комендант, — проговорила она, и при этих словах давление у коменданта мгновенно вернулось почти что в норму, — если не возражаете, я попробую поговорить с ними иначе. Ван Хеерден вручил ей громкоговоритель, и через минуту над площадкой разносился уже ее сладкозвучный голос.

— Мальчики, — начала врачиха, найдя явно более удачную форму обращения. — Я хочу, чтобы вы увидели во мне, — тут она сделала многообещающую паузу, — друга, а не человека, которого надо бояться. — По рядам полицейских пробежала волна нервного ожидания. Перспектива оказаться другом человека, буквально источавшего вокруг себя атмосферу сексуальности — хотя пол этой сексуальности был не сколько неясен, явно понравилась констеблям. Комендант послушал доктора фон Блименстейн еще несколько минут, а затем, удовлетворенный, повернул к выходу, уверенный в том, что теперь все будет в порядке: потрясающий гермафродитизм врачихи оказывал на гомиков неодолимое влияние. Сержанта Брейтенбаха комендант нашел в спортзале. Тот проверял трансформатор.

— Жуткая женщина, — сказал сержант. Было слышно, как доктор фон Блименстейн рассказывала полицейским о радостях, которые может дать им половой контакт с партнерами противоположного пола.

— Будущая миссис Веркрамп, — скорбно произнес комендант. — Он ей сделал предложение.

Сержант воспринял это сообщение как лишнее подтверждение того, что Веркрамп действительно сошел с ума. Оставив сержанта переваривать новость, комендант отправился заниматься решением еще одной проблемы. К нему явилась депутация священников голландской реформистской церкви, присоединивших свои протесты к протестам полицейских.

Комендант проводил их в небольшую комнатку, примыкавшую к спортзалу, и подождал, пока доктор фон Блименстейн рассадит по местам своих пациентов, после чего приступил к разговору с облаченными в черные мантии священниками.

— Вы не имеете никакого права вмешиваться в природу

человека, — заявил преподобный Шлахбалс, когда доктор присоединилась к беседе. — Господь сотворил нас такими, каковы мы есть, а вы пытаетесь изменить его творение.

— Господь вовсе не сотворил их педиками, — сказала врачиха. Ее манера изъясняться укрепила преподобного в убеждении, что докторша — орудие дьявола. — Это сделал человек, и человек должен исправить допущенную ошибку.

Коммандант Ван Хеерден утвердительно кивнул, соглашаясь со сказанным. По его мнению, доктор фон Блименстейн верно ухватила самую суть дела. Но преподобный Шлахбалс думал иначе.

— Если человек способен при помощи научных средств превращать добропорядочных молодых христиан в гомосексуалистов, — доказывал он, — то потом он станет превращать черных в белых. И где мы тогда окажемся? Такие превращения — это угроза для всей судьбы западной цивилизации и христианства на Юге Африки.

Коммандант Ван Хеерден снова кивнул, священник тоже попал в самую точку. Но теперь у доктора фон Блименстейн был свой взгляд на проблему.

— Простите, но вы явно не понимаете природу психологии поведения, — сказала она. — Мы делаем только одно: исправляем ошибки, допущенные ранее. Исправляем тем, что устраняем их. Мы не меняем природу человека.

— Не станете же вы утверждать, что эти молодые люди по своей природе… э-э-э… гомосексуалисты?! — возмутился священник. — Это было бы оскорблением моральных основ, на которых стоит все наше общество!

Доктор фон Блименстейн была с этим категорически не согласна.

— Чепуха, — сказала она. — Полная чепуха! Я говорю только о том, что лечение методом внушения отвращения к чему-либо наиболее эффективно с точки зрения морального воздействия на человека.

Коммандант Ван Хеерден, который к этому моменту уже всесторонне взвесил идею превращения черных в белых при помощи электрошока, высказался в том смысле, что если бы подобное было в принципе возможно, то уже тысячи черных давным-давно должны были бы превратиться в белых.

— Мы всегда применяли против них электрошок, пояснил он. — Это часть нашей обычной процедуры допроса.

На преподобного Шлахбалса слова коммандантa не произвели никакого впечатления.

— Но это же совсем другое дело, — возразил он, — наказание

полезно для души. А то, о чем говорит доктор, — это вмешательство в сотворенное самим Господом.

— По вашему мнению. Бог предопределил, чтобы эти полицейские оставались гомиками? — спросил комендант.

— Безусловно, нет, — ответил священник. — Я только хочу сказать, что доктор не имеет права использовать средства науки, чтобы изменить этих людей. Это может быть сделано только посредством моральных усилий. Усилий, которые должны приложить мы. Надо помолиться. Я сейчас пойду в зал, встану на колени и…

— Пожалуйста, — сказал комендант, — но я не отвечаю за последствия.

— …И помолюсь за то, чтобы Господь простил им их прегрешения, — закончил священник.

В конце концов было решено, что надо испробовать оба способа одновременно. Доктор фон Блименстейи будет проводить свой курс лечения, а преподобный Шлахбалс проведет специальную службу, чтобы вызвать духовное обновление полицейских. Совместные усилия увенчались полным успехом. Правда, поначалу преподобному Шлахбалсу было довольно трудно приспособиться к тому, чтобы читать свою проповедь под аккомпанемент демонстрируемых над его головой слайдов голых мужиков, черных и белых, тем более что размеры изображения были вдвое больше роста священника. И подпевали собравшиеся в зале поначалу тоже довольно скверно. Но доктор фон Блименстейн быстро схватила ритм и стала наиболее энергично нажимать на кнопку как раз тогда, когда по ходу службы надо было взять высокую или сильную ноты. Привязанные к стульям двести десять полицейских давали в такие моменты столь страстный выход своим чувствам, что преподобный Шлахбалс был в восторге.

— Я уже и не помню, когда мне доводилось служить перед столь непосредственными и искренними прихожанами, — говорил он преподобному Дидерихсу, который пришел сменить его через три часа.

— Пути Господни неисповедимы, — ответил преподобный Дидерихс.

Та же мысль пришла в голову и Аарону Гейзенхеймеру, пребывавшему в это время уже в Форт-Рэйпире. Правда, неисповедимость путей он отнес на счет не столько Бога, сколько истории, ход которой был не менее таинственным. Появление одиннадцати пациентов, о состоянии разума которых можно было судить хотя бы по тому, что политическая ситуация на Юге Африки подвигла их на попытку самоубийства, преуспеть в

которой им не хватило сообразительности, — появление этих пациентов дало видному марксисту пищу для размышлений. К этому же его подталкивало и поведение больничных властей, которые не только не чинили никаких препятствий тому, чтобы он познакомил соседей по палате со всеми тонкостями диалектического материализма, но, кажется, стремились прямо подтолкнуть его к этому. Размышляя над столь необыкновенным поворотом в своей судьбе, он пришел к выводу, что полиция хочет получить против него дополнительные материалы и организовать новый судебный процесс. Правда, он никак не мог взять в толк, зачем все это нужно, когда он и так приговорен к пожизненному заключению. Но, каковы бы ни были мотивы, которыми руководствовались тюремщики, Гейзенхеймер решил, что не станет плясать под их дудку, и решительно воздерживался от обсуждения любых вопросов, касающихся коммунизма, со своими новыми товарищами. Однако, чтобы дать выход своей склонности к общению, которая и раньше-то была велика, а за шесть лет одиночного заключения усилилась еще больше, он начал обучать своих соседей по палате Библии и добился в этом таких успехов, что всего за неделю избавил их от суицидального синдрома и обратил в убежденнейших христиан.

— Черт бы его побрал, — выругался комендант, когда доктор фон Блименстейн рассказала ему, что Гейзенхеймер не желает делать то, чего от него ожидали. — Я думал, этот паршивец счастлив будет отравить их мозги марксизмом. А на черта нам двенадцать ревностных христиан: их же за это на скамью подсудимых не отправишь?!

— Ну почему же, — заметила врачиха, — в конце концов вы ведь арестовывали и отдавали под суд архиепископа Йоханнесбурга.

— Там было другое дело, — объяснил комендант, — архиепископ был коммунистом. — Он попытался найти какой-нибудь выход из положения: — А нельзя эту скотину загипнотизировать или что-нибудь в этом духе?

Доктор фон Блименстейн не видела в этом никакой практической пользы.

— Ну пусть он заснет, вы его загипнотизируете, и он проснется уже коммунистом, — сказал комендант. — Под гипнозом можно добиться чего угодно. Я как-то видел, как гипнотизер превратил человека в бревно и даже сел на него.

— Но с представлениями и убеждениями человека при помощи гипноза ничего добиться невозможно, — заметила доктор фон Блименстейн. — Невозможно заставить человека сделать под гипнозом нечто такое, чего он бы не стал делать сам,

без гипноза. Нельзя заставить его поступать вопреки его собственным моральным убеждениям.

— Не думаю, чтобы тот парень, про которого я говорил, хотел бы сам, без гипноза, стать бревном, — возразил комендант. — А что касается моральных убеждений, то, по-моему, у ваших самоубийц много общего с коммунистами. Все коммунисты, с которыми мне доводилось сталкиваться, непременно выступали за то, чтобы предоставить черным право голоса. Что это, скажите на милость, если не склонность к само убийству?

На прощание комендант предупредил доктора фон Блименстейн, что необходимо как можно быстрее найти какой-то выход.

— Скоро из Претории приедет бригада следователей, и тогда все мы окажемся в дерьме, — сказал он.

Ближе к вечеру того же дня у коменданта опять возник спор с преподобным Шлахбалсом, на этот раз из-за намерения врачихи ввести в процесс излечения процедуру демонстрации гомикам изображений обнаженных женщин.

— Доктор хочет привезти сюда девушек из стрип-клубов Дурбана, чтобы те выступили перед полицейскими, — пожаловался преподобный Шлахбалс. — Говорит, что хочет проверить реакцию парней. Я категорически против этого.

— А что, по-моему, неплохая мысль, — заметил комендант.

Священник осуждающе посмотрел на него.

— Возможно, — сказал он, — но я все-таки против. Мужчины — это еще куда ни шло, но обнаженные женщины — это совсем другое дело.

— Ну пусть будет так, как вы предпочитаете, — махнул рукой комендант. Преподобный Шлахбалс покраснел.

— Я вовсе не это имел в виду, — сказал он и вышел.

Комендант разрешил доктору фон Блименстейн провести предложенный ею тест, и под конец дня несколько девиц из Дурбана выступили перед полицейскими со своими обычными номерами. Сержант Брейтенбах ходил в зале между рядами с резиновой дубинкой в руках, следя за тем, чтобы все реагировали на представление так, как надо.

— Тест прошли все, у всех стоит, — доложил он по окончании процедуры.

Комендант Ван Хеерден поблагодарил доктора за помощь и проводил ее до машины.

— Ну мне это не стоило особых трудов, — сказала, прощаясь, доктор. — Напротив, для меня это очень ценный опыт. Не каждая женщина может похвастаться тем, что оказала столь стимулирующее влияние на двести десять мужчин сразу.

— На двести одиннадцать, доктор, — сказал комендант с необычной для него учтивостью, оставив у врачихи впечатление, что и на этом фронте ей тоже удалось одержать победу. Коменданту же в тот момент попал на глаза Элс, выглядевший так, будто они вот-вот бросится насиловать какую-нибудь из девиц стрип-клуба.

— Потрясающая женщина, — сказал ей вслед сержант Брейтенбах. — Не завидую Веркрампу, когда он останется с ней один на один.

— Да, этот брак заключался явно не на небесах, — ответил комендант.

Примерно к такой же мысли пришла в имении «Белые леди» и миссис Хиткоут-Килкуун, размышлявшая о собственном браке с полковником. После мгновений счастья, пережитых ею в лесной лощине, она постоянно обращалась мыслями к коменданту. Мысли полковника тоже все время возвращались к Ван Хеердену.

— Вот негодник! Приехал, изломал мои лучшие розы, загнал насмерть дорогую лошадь, испортил аквариум с тропическими рыбками, отравил Вилли, бедняжку, и в довершение всего прихватил с собой лучшего доезжачего, — переживал полковник.

— Да, мне Харбингер всегда был симпатичен, — нежно проговорила Маркиза.

Но в целом о визите коменданта уже позабыли, и мимолетный взгляд на жутковатую реальность, с которым оказалось сопряжено его кратковременное пребывание в этом доме, сменился новым приступом лихорадочного веселья, при помощи которого члены «клуба Дорнфорда Йейтса» старались вернуться в прошлое. Вся компания съездила в Свазилэнд поиграть в казино в Пиггс-Пике — в память о той истории, что описана в книге «Иона и компания», когда Берри выиграл в казино в Сан-Себастьяне четыре тысячи девятьсот девяносто пять фунтов. Полковник Хиткоут-Килкуун, однако, проиграл сорок фунтов, после чего прервал игру. Всю дорогу назад, а ехали они под страшной грозой, полковник демонстрировал подчеркнутое безразличие к своему проигрышу — чувство, которого он на самом деле вовсе не испытывал. Они заехали было на скачки, но и там им не повезло. В память о Чаке полковник делал ставки исключительно на черных лошадей.

— Синежопая обезьяна, — заявил он после очередного заезда на своем изысканном наречии так, что слышать его могли все собравшиеся на трибунах. — Проклятый жокей ее откровенно сдерживал.

— Надо организовать собственные соревнования, Берри, —

сказал ему толстяк. — Кстати, ведь в «Ионе и компании» есть эпизод с автомобильными гонками.

— Клянусь Ионой, он совершенно прав, — поддержала Маркиза, игравшая в этот день роль Пьера, герцога Падуйского.

— Да, машины назывались одна Пинг, а другая Понг, — подтвердил майор Блоксхэм. — Гонка шла из Ангулемы до По. Между ними двести двадцать миль.

На следующий день на пыльных проселках Зулулэнда можно было наблюдать автомобильные гонки от Веезена до Дагги и обратно, и к моменту их завершения полковник, изображавший Берри, в какой-то мере вознаградил себя за утраты, понесенные в предшествующие дни. Конечно, Веезен никак не походил на Ангулем, а единственным сходством между Даггой и По были лишь видневшиеся в отдалении горы. Но члены клуба восполнили все недостающее силой собственного воображения и прокатились, не обращая по дороге ни малейшего внимания ни на кого и ни на что. Сам Берри и его компания не сумели бы проявить большего безразличия к окружающим. Среди других трофеев полковнику достались две козы и цесарка. Миссис Хиткоут-Килкуун, сидевшая на заднем сиденье «роллс-ройса», изо всех сил старалась играть роль Дафнии, но на этот раз душа у нее не лежала к притворству. Похоже, и у герцога Падуйского тоже: тот настоял, чтобы толстяк остановился в Съембоке, где она купила себе надувной круг. Вечером того же дня миссис Хиткоут-Килкуун сказала полковнику, что наутро собирается в Пьембург.

— Опять к парикмахеру, да? — спросил полковник. — Не перестарайся. Не забудь, у нас завтра вечером «день, когда Берри потерял свои мужские качества».[71]

— Да, дорогой, — ответила миссис Хиткоут-Килкуун.

Утром, едва рассвело, она встала и вскоре была на пути в Пьембург. Когда тяжелая машина плавно катилась вниз от перевала Роой-Нек, миссис Хиткоут-Килкуун чувствовала себя совершенно свободной и на удивление молодой. Подбородок вверх, брови приподняты, веки, наоборот, приспущены, слабая, блуждающая улыбка на ярко-алых губах, уверенная, откинувшись на спинку сиденья, посадка — так она выглядела наиболее привлекательной. И только слегка приоткрытые губы выдавали силу ее желания… Когда сержант Брейтенбах открыл перед ней дверь кабинета коменданта, миссис Хиткоут-Килкуун была еще в игривом настроении.

— Дорогой мой, — произнесла она, едва дверь закрылась, и скользнула к нему через комнату, живое воплощение облаченной в натуральный розовато-лиловый шелк элегантности.

— Ради Бога, — бормотал комендант, стараясь

высвободиться из рук, обвивших его шею.

— Я не могла не приехать, я просто устала ждать, — сказала миссис Хиткоут-Килкуун.

Комендант лихорадочно огляделся вокруг. У него с языка готово было сорваться замечание типа «не дело гадить у порога собственного дома», но он удержался, и вместо этого поинтересовался, как себя чувствует полковник.

Миссис Хиткоут-Килкуун откинулась в кресле.

— Он на тебя разозлен донельзя, — сказала она. Комендант Ван Хеерден побледнел. — Ну, он ведь прав, верно? — продолжала она. — Подумай сам, что бы ты чувствовал на его месте.

Думать коменданту было не нужно: он просто знал.

— И что же он собирается предпринять? — обеспокоенно спросил комендант, перед мысленным взором которого предстала яркая картина: рогоносец-полковник убивает Ван Хеердена. — Кстати, а ружье у него есть?

Миссис Хиткоут-Килкуун снова откинулась назад и рассмеялась:

— Ружье?! Дорогой мой, у него целый арсенал! Разве ты не видел?

Комендант плюхнулся в кресло и тут же снова вскочил. Мало того, что Веркрамп поставил его в прескверне́йшее положение. Теперь возникла угроза уже не его положению, но самой его жизни. Это стало последней каплей, переполнившей чашу. Кажется, обуревавшие его чувства как-то передались миссис Хиткоут-Килкуун.

— Я знаю, что не должна была приезжать, — сказала она то, что собирался произнести и сам комендант, — но я просто должна была тебе рассказать…

— Черт побери, как будто у меня без всего этого забот не хватает! — рявкнул комендант, у которого жажда жизни окончательно взяла верх над всеми теми приличиями, что он пытался соблюдать до сих пор в ее присутствии. Миссис Хиткоут-Килкуун, поняв его по-своему, тоже заговорила иначе.

— А нашей штучке уже больше не нравится мамочка? — пропела она.

Коменданта передернуло. Такие проявления хорошего вкуса случались у него не часто.

— Нравится, — резко ответил он, увидев в употреблении третьего лица возможность как-то спастись от угрозы погибели, снова замаячившей у него перед глазами при упоминании о «нашей штучке». Он уже собирался было сказать, что найдет, с кем переспать, что бы при этом обойтись без ревнивых мужей, как

раздался стук в дверь и вошел сержант Брейтенбах.

— Срочная телеграмма для Веркрампа, сэр, сказал он. — Из БГБ. Я подумал, что надо ее немедленно показать вам. Коммандант выхватил у него из рук листок бумаги и уставился в текст.

«НЕМ КОР САБ ЗПТ ПОДРДЕ ПЬЕМБУРГ ТЧК СРОЧНО АРЕСТ ЗПТ ДОПР КОМЛИБ ТЧК ПОДР ИНФО МЕР ТЧК ГРУ БОР САБ ЗАПТ ПОДРДЕ ВЫЕЗЖАЕТ», прочел он и перевел ничего не понимающий взгляд на сержанта.

— Что, черт возьми, это значит? — спросил он. Сержант Брейтенбах многозначительно посмотрел в сторону миссис Хиткоут-Килкуун.

— Да черт с ней, — зашумел коммандант, — говорите, что тут написано?

Сержант Брейтенбах взглянул на телеграмму:

> «НЕМЕДЛЕННО ИСКОРЕНИТЬ САБОТАЖ ЗПТ ПОДРЫВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЬЕМБУРГЕ ТЧК СРОЧНО АРЕСТОВАТЬ ЗПТ ДОПРОСИТЬ КОММУНИСТОВ И ЛИБЕРАЛОВ ТЧК ПОДРОБНО ИНФОРМИРУЙТЕ О ПРЕДПРИНИМАЕМЫХ МЕРАХ ТЧК ГРУППА БОРЬБЕ САБОТАЖЕМ ЗПТ ПОДРЫВНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ВЫЕЗЖАЕТ».

— О Боже, — простонал коммандант, для которого сообщение о том, что группа следователей из БГБ выезжает, прозвучало подобно смертному приговору.

— И что же нам теперь делать?

Миссис Хиткоут-Килкуун слушала, сидя в кресле, этот разговор, и у нее рождалось ощущение, что она находится в самом эпицентре событий, там, где принимаются далеко идущие решения и где настоящие мужчины мужественно вершат настоящие дела. Это было удивительное, возбуждающее чувство. Пропасть между фантазиями и действительностью, что была создана в ее представлениях многолетним чтением Дорнфорда Йейтса, подыгрыванием полковнику Берри тем, что она изображала Дафнию, и метаниями по черному континенту, — пропасть эта внезапно исчезла. Вот сейчас, здесь вершилось настоящее дело, в чем бы оно ни заключалось, и миссис Хиткоут-Килкуун страстно желала быть его участницей. Ей так долго не доводилось делать что-нибудь стоящее!

— Возможно, я бы могла вам чем-нибудь помочь, — мелодраматически произнесла она, едва за сержантом Брейтенбахом, только что признавшим, что он ничем помочь не может, закрылась дверь.

— Чем? — спросил комендант, которому не терпелось остаться в одиночестве и подумать, кого он мог бы успеть арестовать до приезда следователей из БГБ.

— Я могла бы стать вашей очаровательной шпионкой, — сказала она.

— Очаровательных шпионок у нас полно, — отрезал комендант, — подозреваемых не хватает.

— Каких подозреваемых?

— Одиннадцати лунатиков, которые умели бы пользоваться взрычаткой и ненавидели бы наше государство африканеров настолько, что были бы готовы перевести время на тысячу лет назад, — мрачно произнес комендант и с удивлением увидел, что миссис Хиткоут-Килкуун снова откинула назад свою очаровательную головку и расхохоталась.

— Ну, что такое? — резко спросил он, чувствуя, что сам находится уже на грани истерики.

— Ой, как смешно! — заливалась миссис Хиткоут-Килкуун. — Просто бесподобно! Вы понимаете, что вы сейчас сказали?

— Нет, — признался комендант, глядя, как подкрашенные кудельки мотаются в такт смеху из стороны в сторону.

— Неужто не понимаете? Да клуб же. Одиннадцать лунатиков. Малыш, Берри, Иона… Ой, это просто неподражаемо!

Комендант Ван Хеерден выпрямился за столом, в его налитых кровью глазах зажегся понимающий огонек. Громкий, заливистый смех миссис Хиткоут-Килкуун сильно удивил находившегося в соседней комнате сержанта Брейтенбаха, а в констебле Элсе пробудил воспоминания о других временах и иных местах. Что же касается коменданта Ван Хеердена, то он теперь знал твердо: все его проблемы решены.

— Одним выстрелом двух зайцев, — пробормотал он и нажал кнопку звонка, вызывая сержанта Брейтен баха.

Через двадцать минут миссис Хиткоут-Килкуун, несколько удивленная тем, как энергично ее выпроводили из кабинета коменданта, но все еще фыркая время от времени от смеха при воспоминании о собственной шутке, уже сидела в кресле у парикмахера.

— Давайте для разнообразия сделаем меня на этот раз брюнеткой, — сказала она, интуитивно почувствовав необходимость перемен.

Глава пятнадцатая

В спортзале, который еще недавно был ареной сексуальных преображений, комендант Ван Хеерден инструктировал своих подчиненных.

— Саботажники обосновались неподалеку от Веезена, в особняке под названием «Белые леди», — обрисовывал он обстановку собравшимся. — Их возглавляет бывший полковник британской секретной службы, в прошлом один из ведущих ее агентов, в годы войны входивший во внутренний круг движения Сопротивления. Его заместитель — некий майор Блоксхэм. В качестве прикрытия эта преступная группа использует вывеску клуба, созданного якобы в литературных целях. Группа располагает значительными за пасами оружия и взрывчатки и, на мой взгляд, окажет нам ожесточенное сопротивление.

— А это действительно те люди, которых мы ищем? — спросил сержант Шиперс из службы безопасности.

— Я понимаю, что вас, сержант, это может удивить, — с улыбкой ответил ему комендант. — Но и у нас, у обычной полиции, тоже есть свои агенты и информаторы. Не только служба безопасности способна засылать своих людей в качестве шпионов. — Комендант выдержал паузу, чтобы смысл его слов дошел до всех присутствующих. — На протяжении последнего года констебль Элс, рискуя собственной жизнью, работал в окрестностях Веезена под видом заключенного. (Стоявший рядом с комендантом констебль Элс потупился и скромно покраснел.) Благодаря его усилиям мы смогли проникнуть в одну из коммунистических организаций. Кроме того, — продолжал комендант, не давая возможности кому-нибудь вставить, что констебль Элс не тот свидетель, показаниям которого можно доверять, — на протяжении двух последних недель я сам лично расследовал на месте все обстоятельства. Информация, сообщенная констеблем Элсом, полностью подтвердилась. Могу поручиться, что эти люди — отъявленнейшие враги Республики, они сохраняют беспрекословную верность Британии и действуют абсолютно безжалостно. Во время поездки верхом на мою жизнь было совершено покушение.

— Есть ли у нас еще какие-нибудь подтверждения, что эти люди действительно причастны к преступным акциям, происшедшим в Пьембурге? — спросил сержант Брейтенбах.

Комендант кивнул.

— Хороший вопрос, сержант, — ответил он. — Во-первых, констебль Элс подтвердит в суде, что час то слышал, как

полковник и его сообщники обсуждали необходимость смены правительства Южной Африки. Во-вторых, Элс под присягой покажет, что в те дни, когда в городе происходили взрывы, вся группа утром уезжала из дому и возвращалась только ночью. В-третьих, — и это самое главное, — один из членов группы изъявил готовность стать на процессе свидетелем обвинения и подтвердить, что все, о чем я говорил, верно. Вы удовлетворены, сержант?

— Все это — лишь косвенные доказательства, сэр, с сомнением в голосе произнес сержант Брейтенбах.

— А какие-нибудь прямые улики у нас есть?

— Есть, — уверенно произнес комендант и, по рывшись в карманах, вытащил какой-то небольшой предмет. — Кто-нибудь из вас видел такие штуки? — спросил он. Все присутствующие, конечно же, знали, как выглядят детонаторы, которыми пользуется полиция. — Вот и хорошо, — продолжал комендант. — Это было найдено в конюшнях имения «Белые леди».

— Констеблем Элсом? — спросил сержант Брейтенбах.

— Мной, — ответил комендант, подумав про себя, что надо не забыть отправить вперед Элса, под завязку нагрузив его машину взрывчаткой, капсюлями, детонаторами и презервативами, чтобы, когда приедут сержант Брейтенбах и основная группа, они смогли обнаружить там достаточное количество прямых улик. Комендант объяснил план дома и сада, в заключение распорядившись, что в операции примут участие все наличные бронемашины, двести полицейских с автоматами, сторожевые немецкие овчарки и розыскные доберман-пинчеры. — Не забывайте: мы имеем дело с профессиональными убийцами, — напутствовал он подчиненных. — Это вам не любители.

Когда миссис Хиткоут-Килкуун, пройдя все необходимые процедуры и украсив себя новой прической, выходила из парикмахерской, по центральной улице города как раз проезжала колонна машин, во главе которой шли пять броневиков. Она постояла, глядя на набитые полицейскими грузовики. Грудь ее переполняло восхищение комендантом, способным действовать столь быстро и энергично. Когда последний грузовик с немецкими овчарками повернул за угол, она тоже повернула и направилась в полицейское управление, чтобы еще раз сказать коменданту, как она без него соскучилась. Однако дежурный сержант сообщил ей, что коменданта нет на месте.

— Куда же он уехал? — грустно спросила она. Извините, мадам, но я не имею права этого говорить, — ответил сержант.

— Как же мне это узнать?

— Ну, пожалуй, я бы вам посоветовал поехать за этой колонной, предложил сержант. Миссис Хиткоут-Килкуун вышла на улицу. Она испытывала раздражение и голод одновременно. Чтобы как-то успокоиться, отправилась в кондитерскую, где выпила чашку чая и съела несколько пирожных.

«Зайду еще разок попозже, — решила она, — далеко он уехать не мог». Однако через час, когда она снова заглянула в полицию, ей сказали, что коммандант вернется только на следующий день.

— Как странно! Почему же он мне ничего не сказал? — удивилась она с тем апломбом и самоуверенностью очаровательной представительницы преуспевающего среднего класса, которые много раз произво дили эффект на куда более непоколебимых мужчин, нежели дежурный сержант.

— Пусть это останется между нами, — таинственным голосом проговорил тот, — но они отправились в Веезен. На маневры? — с надеждой спросила миссис Хиткоут-Килкуун.

— Арестовывать саботажников, — ответил сержант.

— В Веезене?!

— Совершенно верно, — подтвердил сержант, — но не говорите никому, что я вам об этом сказал.

Миссис Хиткоут-Килкуун заверила его, что, конечно же, не собирается никому об этом рассказывать, и вышла на улицу. Такой поворот событий поразил ее. Она уже почти дошла до своего «роллс-ройса», когда внезапно осознала смысл и причины происходящего.

— О Боже, — простонала она и бросилась к машине, но оказалось, что ключи от нее куда-то запропастились. Она перерыла всю сумочку, но ключей не было. В состоянии полнейшего смятения и крайнего возбуждения она кинулась назад в парикмахерскую, но через пару минут вышла оттуда ни с чем. Пока она стояла в растерянности, не зная, как поступить, на улице показалось такси.

Миссис Хиткоут-Килкуун остановила его и плюхнулась на сиденье.

— В Веезен, и как можно быстрее, — проговорила она. Водитель обернулся к ней и отрицательно помотал головой.

— Не могу, мадам, — сказал он. — Туда семьдесят миль.

— Я заплачу двойную цену, — отчаянно произнесла миссис Хиткоут-Килкуун и открыла сумочку. — Вот, это за дорогу туда и обратно.

— Хорошо, — согласился водитель.

— Только, ради Бога, быстрее, — поторопила она. — Вопрос

жизни или смерти!

Вскоре они уже тряслись по ухабистой дороге, ведшей в сторону гор. Вспыхивавшие впереди, на горизонте, всполохи молний свидетельствовали, что приближается гроза.

Вокруг полыхали молнии, первые крупные капли дождя застучали по крыше машины. Констебль Элс включил «дворники» и стал пристальнее всматриваться в сгущавшийся мрак. Он ехал, как всегда не заботясь ни о других участниках дорожного движения, ни о безопасности собственной жизни, не думая о том, что если с кем-нибудь столкнется, то в радиусе полумили вокруг не останется ничего живого. Элс предвкушал наслаждение, которое ожидало его вечером. Он возьмет свое за тот тон, которым на протяжении последнего года обращался к нему полковник Хиткоут-Килкуун. «Я ему покажу Харбингера», — думал Элс, и сердце его замирало в ожидании этого момента. К тому времени, когда он доехал до Веезена, уже опустилась ночь. Элс проехал еще немного по основной дороге, а затем свернул с нее к имению «Белые леди». Демонстрируя смелость, вызванную хорошим знанием того, как пьют в этом доме, он заехал прямо на задний двор и заглушил мотор. Чье-то черное лицо заглянуло в кабину. Это был Фокс.[72]

— А-а, Харбингер, — проговорил он. — Вернулся?

— Да, — ответил Элс, — вернулся.

Констебль Элс выбрался из фургона, обошел его и открыл задние дверцы. Потом обернулся и позвал: «Эй ты, кафир! Фокс, иди сюда!» Но ответа не было. Едва только Фокс увидел человека в форме южноафриканской полиции, как немедленно, повинуясь инстинкту самосохранения, которым он был наделен в полном соответствии со своим прозвищем, он изо всех сил рванул через сад и скрылся за деревьями. Неважно, что раньше он знал этого человека под именем Харбингер: Фокс умел чуять смерть, когда она оказывалась с ним рядом. Находившиеся в доме полковник Хиткоут-Килкуун и его гости оказались не столь проницательны.

«Интересно, что стряслось с Дафнией, — думал полковник, одеваясь к вечернему маскараду. — Вечно она опаздывает». Он посмотрелся в зеркало и почувствовал себя умиротворенным. Бледно-розовая жоржетка с длинными рукавами в форме колоколов и с завязанным сбоку черным бархатным поясом облегала его идеально, почти как перчатка. Прическу скрывала широкополая шляпа из итальянской соломки, черные бархатные тесемки которой были завязаны у него под подбородком, а с одной стороны полей, прямо над глазом, свешивалась вниз огромная распустившаяся роза. Туалет завершали белые шелковые чулки и обыкновенные туфли-лодочки. И чтобы не

возникало никаких сомнений в том, кого именно изображает он в этот вечер, на маленьком муслиновом передничке была трафаретом сделана надпись: «Английская роза».

— Просто-таки самый настоящий Берри, — проговорил полковник и на всякий случай заглянул в одиннадцатую главу «Ионы и компании» проверить, не забыл ли он чего. Затем, прихватив вышитую бисером сумочку, спустился вниз к ожидавшим начала веселья гостям.

Я сегодня буду Щеголем, сказал майор Блоксхэм Маркизе, изображавшей Платан-под-мухой.

— Бесподобно, дорогой! — воскликнула пронзительно та.

Появление полковника Хиткоут-Килкууна, одетого под Берри в костюме «Английской розы», было встречено бурными аплодисментами. Полковник подождал, пока стихли раскаты хохота, и обратился к гостям с коротким вступлением.

— Как все вы знаете, — сказал он, — каждый год мы завершаем очередную встречу нашего клуба постановкой одного из самых выдающихся эпизодов из жизни Берри и компании. Сегодня мы разыгрываем одиннадцатую главу книги «Иона и компания», эпизод «день, когда Берри потерял свои мужские достоинства». Рад отметить, что в этом году нас собралось так много.

Сказав еще несколько слов о необходимости высоко нести знамя страны в самых удаленных уголках — что Маркиза восприняла как комплимент в свой адрес, — полковник попросил майора Блоксхэма включить проигрыватель и вскоре уже танцевал с майором танго.

— У Дафнии такие тесные платья, — пожаловался он после одного из резких поворотов.

— У Маркизы тоже, — ответил майор.

С улицы, из темноты, констебль Элс с интересом наблюдал через окно за происходящим. «Всегда хотел узнать, отчего он так помешан на розах», — подумал он, увидев полковника в новом свете.

Элс вернулся к фургону и занялся перетаскиванием в конюшню доказательств попытки полковника свергнуть правительство Южной Африки. К тому времени когда триста фунтов гелигнита были разложены по полкам, не видевшим прежде ничего, кроме смазки для седел, Элс начал уже сожалеть о том, что позволил Фоксу удрать. Положив наконец последнюю картонку с презервативами по соседству с взрывчаткой, Элс закурил сигарету и уселся в темноте подумать о том, что еще полезного он мог бы сделать.

Кажется, вечеринка удалась на славу, — донесся до него с

террасы разговор толстяка и майора Блоксхэма, шумно и долго отливавших на клумбу с бегониями. Элс понял намек и затушил сигарету, однако слова, которые он услышал, навели его на новую мысль. Он потихоньку выбрался из конюшни и некоторое время спустя уже тащил по двору канистры с керосином, которые взял из хозяйственного сарая. Элс вылил содержимое канистр в винный погреб полковника, и керосин бесшумно растекся между бутылок с австралийским бургундским. Чтобы сделать образовавшуюся смесь еще более огнеопасной, он принес не сколько пачек гелигнита и тоже бросил их в погреб. И наконец, чтобы никто не мог уйти из дома, не оставив за собой надежных следов, Элс обильно полил лежавший у входной двери коврик раствором анисового семени, после чего забрался в свой фургон, отъехал к парадному въезду в имение и стал поджидать прибытия главных сил полиции. Он прождал там минут десять, однако никаких признаков полиции не было, и тогда Элс решил вернуться назад и посмотреть, как разворачивается вечеринка.

— Надо же как-то убить время, — проговорил он себе под нос, идя через сад. Видневшийся впереди особняк «Белые леди» был ярко освещен по случаю празднества, излучая вокруг атмосферу гордого одиночества и осмотрительной развязности. Танго сменилось следующим танцем. Полковник не танцевал, как и Маркиза, а майор Блоксхэм и толстяк спорили о том, что следует класть в коктейль, называющийся «гланды мартышки». Не обращая никакого внимания на устроенные полковником цветочные бордюры, Элс обошел в темноте вокруг дома и выбрал окно, через которое было отлично видно все происходящее внутри. Устроившись возле этого окна, он стал с интересом рассматривать «Английскую розу». В этот самый момент Маркиза подняла взгляд и увидела его.

Коммандант Ван Хеерден, ехавший во втором броневике, мучился мыслью о том, правильно или неправильно он поступил, дав Элсу триста фунтов взрывчатки и отправив его вперед. С одной стороны, Элс был единственным, кто знал расположение дома и других построек. С другой, думал коммандант, если бы Элс устроил там взрыв, звук донесся бы до нас. Немного утешала его и мысль о том, что было бы неплохо, если бы Элс не справился с порученной задачей. Тогда не понадобились бы никакие аресты, не было бы необходимости допрашивать потом обвиняемых, да и самого Элса не стало бы. Коммандант в очередной раз задавался вопросом, верно ли он поступил, прислушавшись к словам миссис Хиткоут-Килкуун. В конце концов он пришел к выводу, что как ни рассуждай, а особого выбора у него не было. Коль скоро ей хватило глупости

рассказать мужу, что ему наставили рога, и коль скоро полковник грозился теперь убить сотрудника южноафриканской полиции, притом ответственного сотрудника, то за последствия этого полковник должен был винить только самого себя. Комендант, правда, не помнил точно, говорила ли миссис Хиткоут-Килкуун о том, что ее муж грозился убить его; но коменданту было более чем достаточно и одного подозрения. Но самым главным было то, что личность полковника пришлась бы весьма ло вкусу Бюро государственной безопасности. После еврейских миллионеров, родители которых эмигрировали когда-то из Петрограда, БГБ из всех подозреваемых предпочитал англичан старого закала, сохранивших верность англиканской церкви. Нескрываемое презрение полковника к африканерам заставит умолкнуть голоса тех, кто мог бы счесть его полностью невиновным. А его участие в Сопротивлении в годы войны и знакомство со взрывчатыми веществами делали полковника именно тем типом подозреваемого, какой БГБ разыскивало на протяжении вот уже многих лет. Комендант вспомнил об английском флаге, развевавшемся перед особняком «Белые леди». Одно это в глазах БГБ сделает полковника и его клуб сборищем предателей.

И наконец, чтобы окончательно успокоить последние угрызения совести, комендант вспомнил о судьбе своего деда, убитого англичанами после сражения у Паардебурга.

«Око за око, зуб за зуб», — подумал комендант и приказал водителю сделать остановку около полицейского участка в Веезене. Там он настоял на том, чтобы к нему немедленно прибыл командовавший этим участком сержант.

— Полковник Хиткоут-Килкуун коммунист?! — переспросил сержант, появившийся в конце концов прямо в пижаме. — Нет, это какая-то ошибка!

— Информация, которой мы располагаем, доказывает, что он — саботажник, подготовленный британской разведкой, — заявил комендант. — Вы проверяли, чем он занимался в годы войны?

— В годы… — начал было сержант, и тут до него дошло, какую ошибку он допустил. — Нет.

— Я оставляю себе копии всех документов, какие отсылаю в штаб службы безопасности. На всякий случай: вдруг они там потеряют, — сказал комендант.

— Поразительно, сколько раз они теряли документы, которые я им посылал. — Комендант обвел комнату взглядом, в котором легко читалось одобрение. — Мне нравится, что у вас тут порядок, сержант. Пора двигать вас дальше. Главное, не забывайте оставлять себе копии своих донесений.

Комендант вышел. Сержант только сейчас обратил

внимание, сколь внушительные силы были брошены на арест полковника Хиткоут-Килкууна. На него это произвело потрясающее впечатление. Как бы для того, чтобы окончательно доказать, что полковник был коммунистическим подрывным элементом, прошедшим подготовку в английской разведке, со стороны «Белых леди» раздались вдруг звуки перестрелки. Комендант Ван Хеерден поспешно нырнул в броневик, а сержант вернулся к себе в кабинет и сел за машинку составлять донесение о полковнике. Задача оказалась проще, чем он ожидал, благодаря забывчивости коменданта, впопыхах оставившего на столе копию собственного донесения на этот счет.

Колонна бронемашин тронулась дальше, а сержант остался излагать на бумаге свои подозрения. Дата на документе свидетельствовала, что его доклад был отослан еще полгода тому назад.

— Лучше поздно, чем никогда, — подумал сержант, ударяя по клавишам пишущей машинки.

Такой же точки зрения придерживался и водитель такси, на котором ехала миссис Хиткоут-Килкуун.

— Лед на дороге, — ответил он на ее просьбу ехать как можно быстрее.

— Чепуха, — возразила миссис Хиткоут-Килкуун, — ночь теплая.

— Здесь прошла буря с градом, мадам, и теперь на дороге и остатки града, и грязь. Чертовски скользко. — и в подтверждение своих слов на следующем повороте он пустил машину слегка юзом.

— Если слетим с обрыва, вам ведь от этого пользы не будет, — сказал водитель, выравнивая машину на дороге.

Сидевшая на заднем сиденье миссис Хиткоут-Килкуун была уверена, что пользы ей теперь вообще ждать неоткуда. Легкая неуверенность, всегда сопровождавшая ежемесячную процедуру выбора новой прически, сменилась приступом мучительнейшей неопределенности. Одно дело мелодраматические полупризнания, добавлявшие некоторую остроту в скуку повседневной жизни. И совсем другое — кавалькада броневиков, грузовиков с вооруженными полицейскими и своры служебных собак. «У него слишком много достоинств», — подумала она, вспоминая во всех подробностях причины, вызывавшие такую озабоченность со стороны ее любовника. Масштабы его реакции свидетельствовали о чрезмерной его преданности ей, не говоря уже о пугающем отсутствии чувства юмора.

— Я ведь только пошутила, — прошептала она. Слова

таксиста заставили ее заволноваться еще сильнее.

— Похоже, здесь прошла целая армия, — сказал он, с трудом ведя машину по дороге, вдрызг разбитой тяжелыми грузовиками. — Не удивлюсь, если выяснится, что тут даже танки прошли.

— А я так удивлюсь, — ответила миссис Хиткоут-Килкуун и, предчувствуя недоброе, уставилась вперед, в темноту.

Ее муж в этот момент тоже всматривался в темноту из гостиной особняка «Белые леди», и его предчувствия были даже еще более скверными. Внезапный громкий вскрик Маркизы, увидевшей за окном чье-то лицо, дал «Английской розе» возможность продемонстрировать рыцарский дух, призванный восстановить уверенность полковника в своих мужских достоинствах — уверенность, несколько подорванную отсутствием интереса к нему со стороны Маркизы.

— Я сейчас разделаюсь с этой скотиной! — воскликнул полковник и устремился к себе в кабинет со всей скоростью, какую позволяли тесные одеяния его жены. Через мгновение он выскочил оттуда со спортивным ружьем в руках. — Вот как надо поступать с теми, кто вторгается в чужое жилище! — заявил полковник и выстрелил в сад.

Точность выстрела несколько удивила констебля Элса, мчавшегося в этот момент через расположенную перед домом лужайку. Полковник целился в аккуратно подстриженный куст, находившийся ярдах в двадцати правее бегущего Элса, — с пьяных глаз куст этот показался полковнику незваным гостем. Однако пуля, ударившись о камень, срикошетила и противно просвистела над головой у Элса. Констебль нырнул под кусты и расстегнул кобуру. На фоне ярко освещенного окна ему был отлично виден полковник, всматривавшийся в темноту сада. Элс тщательно прицелился чуть выше плеча полковника, выстрелил и получил огромное удовольствие от того ужаса и оцепенения, в которые поверг весь дом его преднамеренный промах. Свет во всем доме погас, было слышно, как полковник приказывает всем лечь на пол. Элс тем временем отполз в сторону и спрятался в кустах азалии, откуда он мог следить за задней дверью дома. Сражение за «Белых леди» началось.

— Господи Боже, это же восстание, черт побери! Туземцы восстали! — прокричала «Английская роза», когда третья пуля, на этот раз с другого направления, влетела в дом из сада и разбила стоявшую на камине вазу. С мстительностью, проистекавшей от осознания того, что кафры, как выяснилось, пользуются не дубинами и копьями, а более современным оружием, полковник приготовился защищать свой уголок западной цивилизации от

наступления варварских орд, приход которых он всегда считал рано или поздно неизбежным. Члены «клуба Дорнфорда Йейтса», немедленно протрезвевшие от близости неминуемого кровопролития, набились в кабинет, где майор Блоксхэм раздавал ружья и патроны. Неожиданно обнаружив командирские качества, проявить которые раньше ему ни когда в жизни не доводилось, полковник распределил имевшиеся у него в наличии силы по позициям.

— Малыш, ты займешь переднюю. Тоби — кухню, — скомандовал он. — Остальные — в библиотеку и столовую. И стрелять непрерывно!

— А мне что делать? — спросила Маркиза.

— Раздавать боеприпасы и держать порох сухим, — раздраженно прокричал полковник.

Маркиза заползла в кабинет и стала раздеваться. Уж коль черные орды неизбежно придут, нет никакого смысла продолжать и дальше изображать из себя мужчину.

— Хуже смерти ничего не будет, — пробормотала она в темноте.

— Вы о чем? — шепотом переспросил ее майор Блоксхэм.

— Я говорю, что в темноте все кошки серы, — от ветила Маркиза.

— Это уж точно, — согласился майор, сам лихорадочно пытавшийся сбросить с себя костюм Щеголя.

Констебль Элс лежал в кустах азалии и слушал грохот выстрелов, непрерывно раздававшихся из дома. Ночка будет веселой. Теперь он в этом не сомневался.

Комендант Ван Хеерден, ехавший во втором бронетранспортере, был настроен не столь жизнерадостно. Одно лишь понимание того, что он въезжает в район, в котором констебль Элс ведет боевые действия, вызывало в памяти коменданта мрачные картины прежних катастроф, вызванных инициативами Элса.

«Этот идиот может начать стрелять и по своим», — подумал комендант, когда сержант Брейтенбах спросил его, какие будут приказания.

— Открывайте огонь с самой дальней дистанции, — приказал он сержанту. — Близко никому не подходить. — Двести полицейских спешились и замаскировались в кустах, высаженных по границе имения «Белые леди», и открытый ими мощный огонь слился со стрельбой, которую вели Элс и члены «клуба Дорнфорда Йейтса».

— Может быть, выдвинуть туда бронетранспортеры? — спросил сержант Брейтенбах.

— Ни в коем случае! — ответил комендант, пришедший в ужас от одной мысли о том, что ему придется оказаться в непосредственной близости от констебля Элса и трехсот фунтов взрывчатки, не говоря уже о воинственно настроенном полковнике с его богатым арсеналом. — Сперва подавим их огнем, а потом возьмем штурмом.

— Подавим так подавим, — согласился сержант, наблюдая, как огонь полицейских срезает аккуратными валками высаженные полковником декоративные живые изгороди. Запертые на заднем дворе гончие полковника тоже стали все громче подавать голос, что в сочетании с лаем полицейских собак, сидевших пока в грузовиках, придавало происходящему дополнительное оживление.

До большинства из запершихся в доме его защитников стало постепенно доходить, что они окружены со всех сторон и что черные орды вооружены новейшим автоматическим оружием. Маркиза решила, что ей тут больше делать нечего. Покинув свой пост, она пробралась наверх, чтобы надеть чистое белье в ожидании своей кошмарной участи. Тут-то и сразила ее автоматная очередь. Маркиза пала первой жертвой сражения за «Белых леди».

Зулус-дворецкий, который до тех пор находился на кухне и у которого было больше присутствия духа, выбрался из дома, прокрался к телефону-автомату на окраине Веезена и набрал номер оператора.

— Соедините меня с полицией! — потребовал он. Но оператор была не из тех, кто позволяет себя учить.

— Ты как разговариваешь, кафир! — зашумела она. — Если что нужно, так попроси как следует!

— Да, миссис, — дворецкий мгновенно перешел на тот подобострастный гон, которого от него ждали. — «Скорую помощь», пожалуйста, миссис.

— «Скорую» для белого или для черного? — спросила оператор.

Дворецкий задумался над этим вопросом.

— Для белого, миссис, — ответил он наконец.

— Случайно не для тебя ли? — уточнила оператор. — Кафров в «скорой помощи» для белых не возят. А то потом приходится дезинфицировать машину.

— Нет, миссис, не для меня, — заверил ее дворецкий. — Для моего белого хозяина.

— Куда присылать?

— К «Белым леди», — ответил дворецкий.

— К какой белой леди?

— В особняк «Белые леди», — сказал дворецкий. Донесшиеся звуки новой вспышки перестрелки подтверждали, что его просьба более чем своевременна.

— Это я знаю, кафир, — закричала оператор. — Сама знаю, что белые леди живут в особняках, а не в хижинах, как вы. Имя этой белой леди? Зовут ее как?

— Миссис Хиткоут-Килкуун, — ответил дворецкий.

— Ты что, сразу этого не мог сказать? — продолжала шуметь оператор. Дворецкий повесил телефонную трубку и вышел во мрак ночи, где его белые хозяева убивали друг друга с совершенно непостижимой для него яростью.

«Незачем мне попадать в эту переделку», — подумал он и осторожно зашагал к центру Веезена. Время от времени над головой у него свистели пули, и тогда дворецкий пригибался. На главной улице его остановил полицейский и потребовал документы.

— Ты арестован, — заявил полицейский, когда дворецкий признался, что документов у него с собой нет. — Нечего тут бродить всяким дикарям среди ночи без документов.

— Да, босс, — ответил дворецкий и послушно полез в полицейский фургон.

Прибытие основных сил полиции вызвало у констебля Элса смешанные чувства. Тот факт, что он оказался теперь на своего рода ничейной земле, между двумя противостоящими силами, каждая из которых защищала западную цивилизацию, не доставлял ему особой радости. Спереди беспорядочно палил полковник, сзади ему отвечали автоматные очереди. Лежа под градом сыпавшихся на него от этой стрельбы листьев, Элс начал уже подумывать о том, что следует как-то заявить о своем присутствии. Он прополз под азалиями до угла дома, оттуда со всех ног промчался через задний двор и готов был уже чиркнуть спичкой, чтобы поджечь керосин, который он налил в винный погреб, как вдруг сообразил, что тем самым он поставит под угрозу и вещественные доказательства, столь тщательно приготовленные им в конюшне, и свою собственную жизнь. Поэтому он отыскал поливной шланг, притащил его в конюшню и стал обливать водой заготовленный на полках гелигнит. Он был так поглощен этой работой, что не заметил, как через двор тяжело перебежала какая-то массивная фигура и скрылась в темноте где-то за псарней. Будучи уверен, что теперь-то он предпринял все необходимые предосторожности, Элс закрыл ворота конюшни и незаметно пересек двор по направлению к дому.

«Сейчас я их выкурю», — подумал он, чиркая спичкой, бросил

ее в керосин и кинулся в укрытие. Огромная вспышка пламени озарила ночное небо, а вслед за ней в погребе под особняком «Белые леди» прогремел мощный взрыв. Констебль Элс лежал под кустом азалии и с удовлетворением смотрел на результат своих усилий. Позади него полицейские прекратили стрельбу. Продолжать ее не было никакой необходимости. Обитатели особняка «Белые леди» прекратили сопротивление, лишь время от времени где-то под многотонными развалинами раздавался хлопок лопающейся бутылки австралийского бургундского. «Ночь, когда Берри потерял свои мужские достоинства», подошла к концу.

Полковник Хиткоут-Килкуун не остановился, чтобы обернуться и бросить последний взгляд на свой горящий дом. Он мчался сломя голову через открытое пространство, думая только о том, где бы скрыться, и проклиная попутно неизвестно куда запропастив-шуюся жену. Если бы она была тут, ничего бы не произошло, бормотал он, имея в виду не столько ее личные способности, сколько ее тесно сидевшее на нем нижнее белье, бежать в котором было до невозможности болезненно. Подгоняемый криками, приветствующими взрыв его дома, и злостью на соседей, которых не разбудили звуки учиненного туземцами сражения, «Английская роза», не разбирая дороги, домчался до леса и принялся сдирать с себя пояс и белье жены.

— Скорее, а то лопну, — приговаривал он, пока минут через десять не сообразил, что уж что-что, а перспектива лопнуть в этом одеянии ему не грозит. В конце концов он решил, что если немного поспит, то мышцы расслабятся и избавиться от этих предметов туалета будет легче. Полковник забрался под куст и затих.

Коммандант Ван Хеерден с чувством удовлетворения и одновременно сожаления, обозревал из башни броневика то, что осталось от имения «Белые леди».

— Ну что, сержант, теперь не сомневаетесь в том, что они действительно диверсанты? — спросил он сержанта Брейтенбаха.

— Нисколечко, — ответил сержант. — Там в конюшне столько гелигнита, что можно было бы взорвать половину Пьембурга.

Коммандант Ван Хеерден поспешно нырнул в броневик. Было слышно, как он скомандовал водителю отъезжать отсюда ко всем чертям подальше. Сержант Брейгенбах обошел бронетранспортер и подошел к задней его дверце.

— Не волнуйтесь, — сказал он коммандану, — не взорвется. Кто-то его весь облил водой.

— Точно? — переспросил коммандант. Сержант Брейтенбах

заявил, что не быть ему на этом месте, если не так, после чего комендант вылез из броневика и уставился на дымящиеся развалины. — Пожалуй, стоит вызвать пожарных, — сказал он. — Хватит с нас взрывов. И кроме того, надо как можно быстрее произвести подсчет тел.

— Сколько там должно было быть подозреваемых? — спросил сержант.

— Одиннадцати хватит, — ответил комендант и снова забрался в бронетранспортер, чтобы немного поспать.

У въезда в то, что когда-то было ее имением, такси миссис Хиткоут-Килкуун остановили сержант и несколько полицейских, вооруженные автоматами.

— Извините, мадам, — сказал сержант, — но приказ есть приказ. Въезд запрещен.

— Но я тут живу! — Несмотря на охватившее ее отчаяние, миссис Хиткоут-Килкуун все же попыталась изобразить подкупающую улыбку.

— Больше не живете, — ответил сержант. — В этом доме никто уже жить не сможет.

Миссис Хиткоут-Килкуун поплотнее закуталась в жакет: ее внезапно охватила дрожь. Вдобавок ко всем ее несчастьям таксист отказывался везти ее дальше, пока она не заплатит.

— Но мне нечем платить, — умоляла она. — Вот все, что у меня осталось, — и она показала на поднимавшиеся над азалиями клубы дыма, от которых ночь становилась еще темнее.

— Вы обещали мне двойную плату за то, чтобы я вас сюда довез, — требовал таксист. — Я за просто так не езжу.

— Мне нечем платить, — устало проговорила миссис Хиткоут-Килкуун.

— Посмотрим, — ответил шофер и развернул машину. Отъехав на полмили, он съехал с дороги и пере брался на заднее сиденье.

— Ну что ж, так будет честно, — пробормотала миссис Хиткоут-Килкуун, чувствуя, как его грубые руки неуклюже путаются у нее в белье.

Глава шестнадцатая

Чувства констебля Элса, наблюдавшего за концом «Белых леди», не были столь противоречивы, как у коммандантa. Ему вообще несвойственна была раздвоенность натуры. Если он о чем и сожалел, то только о том, что его усилия выкурить обитателей особняка завершились столь всесокрушающим успехом. Он все же надеялся, что пламя заставит хотя бы некоторых из оставшихся в живых членов «клуба Дорнфорда Иейтса» спасаться бегством через открытую степь, и тогда их можно было бы, не торопясь, перестрелять там по-человечески. Особенно сожалел Элс о том, что ему не удалось как следует проститься со своим недавним хозяином. Ему очень хотелось отправить «Английскую розу» на тот свет, притом растянув этот процесс по возможности дольше и сделав его предельно невежливым, чего, по его мнению, полковник вполне заслуживал.

Не успел еще остыть пепел, а констебль Элс уже рылся на пожарище, собирая и пересчитывая трупы и лично желая убедиться, что ошибок или неопознанных не будет. Ему удалось найти даже оплавившиеся украшения миссис Хиткоут-Килкуун, и потому, когда розыски были завершены, Элс был уверен, что кое-кого не хватает.

Бродя по пожарищу, он снова и снова пересчитывал тела.

— Здесь только одиннадцать, — доложил он сержанту Брейтенбаху, неприязненно наблюдавшему за его действиями.

— А какая разница, — бросил сержант.

— По-моему, существенная, — ответил Элс. — Должно быть тринадцать.

— Он посчитал что-то в уме. — Нет, неверно, — сказал он наконец. — Еще одного не хватает.

— Сколько было в доме слуг? — спросил сержант.

— Я только людей считаю, — обиделся Элс, — кафры не в счет.

— Так кого же не хватает?

— Похоже, полковника, — огорченно произнес Элс. — Ловкий, поганец. Вечно улизнет.

Сержант Брейтенбах заметил, что это не такое уж плохое качество, но все же направился к броневику и постучал в дверь.

— Ну что там такое? — сонным голосом отозвался комендант.

— Элс говорит, что полковник удрал, — сказал сержант и поразился мгновенной перемене в поведении коменданта Ван Хеердена.

— Собак сюда! — лихорадочно завопил комендант. — Пускайте собак! Во что бы то ни стало найти негодяя! Пока сержант Брейтенбах отдавал распоряжения проводникам доберман-пинчеров, констебль Элс отправился на псарню, и вскоре вся гравийная площадка перед бывшим домом была заполнена рычащими полицейскими собаками и гончими, причем те и другие явно оспаривали право друг друга находиться в этом месте. Оказавшийся в центре этой волнующейся массы комендант Ван Хеерден, пораженный и раздраженный тем, что муж миссис Хиткоут-Килкуун все еще на свободе и теперь, видимо, обозлен вдвойне, старался, как мог, избежать укусов.

— Джейсон, лежать! Снарлер, лежать! — тщетно выкрикивал он, стараясь воспроизвести ту волшебную формулу, которая так прекрасно сработала тогда в лесной лощине. На этот раз она оказывалась бесполезной. Занятые собственными делами, гончие рычали и кидались друг на друга все ожесточеннее, и комендант уже было подумал, что они загрызут его до смерти. Но тут подъехал на своей маленькой коренастой лошадке Элс, ведя в поводу гнедую кобылу миссис Хиткоут-Килкуун. Комендант с благодарностью взгромоздился в седло и огляделся вокруг.

— Пожалуй, меня можно назвать предводителем, — с гордостью произнес он. Элс протрубил в рог, и своры двинулись из ворот в поле.

— Предводителем чего? — поинтересовался Элс, когда они тронулись вслед за собаками.

Кхшмандант посмотрел на него как на идиота.

— Полицейской охоты, разумеется, — ответил он и, пришпорив гнедую, поскакал вслед за гончими, которые уже уловили запах «Английской розы». Смесь «Шанели № 5» и анисового семени, конечно, невозможно было не уловить. Ее почувствовали даже доберман-пинчеры, зловеще мчавшиеся следом за гончими. Занимался рассвет, и собаки увеличили темп.

То же самое сделал и полковник Хиткоут-Килкуун, не расслабившийся после сна и потому не сумевший избавиться от жестоких объятий корсетов своей супруги. Когда он неуклюже ворочался в зарослях, пытаясь скинуть с себя эту гадость, полковник услышал звук рога, в который протрубил Элс, и безошибочно понял смысл этого сигнала. Когда первые гончие показались на горизонте, примерно в миле от этого места, полковник покинул свое убежище и устремился к реке. На бегу он содрал с себя те причиндалы костюма «Английской розы», которые удалось сорвать. Бледно-желтая жоржетка, ее колоколоподобные рукава, шляпка из итальянской соломки и

маленький передник — все они остались валяться в вельде, как трогательные и жалкие напоминания об имперских мечтах. Добежав до берега реки, полковник на секунду замешкался, а потом бросился в воду. «Надо сбить их со следа», — подумал он, вынырнув на поверхность, и замер, предоставив течению спокойно нести себя вниз.

— Улизнул! — воскликнул Элс, когда гончие сгрудились кучей над обрывками брошенной полковником одежды.

— Вижу, — ответил комендант, брезгливо разглядывая рваные куски чего-то розового. — А ты уверен, что это не костюм майора Блоксхэма? — спросил Ван Хеерден. — Он говорил, что обычно носит розовое.

Но Элс вместе с гончими был уже у реки и что-то вынюхивал в воздухе.

— Вот он куда направился, — решил наконец Элс, указывая вниз по течению, и, подудев в рог, двинулся вдоль берега реки. Комендант Ван Хеерден не спеша поехал за ним следом.

Встало солнце, и вместе с ним к коменданту внезапно пришло чувство сожаления. Торопиться было уже некуда и незачем. Элс взял след, почуял кровь, и комендант по собственному долгому опыту знал, что теперь жертва от него не уйдет. А кроме того, от претензий со стороны БГБ он себя обезопасил. Все ошибки и просчеты Веркрампа похоронены под развалинами имения «Белые леди». Сейчас, когда у него были одиннадцать трупов и триста фунтов взрывчатки в качестве прямых улик, никто не посмеет сказать, будто бы он, комендант, сработал неоперативно. Наконец-то он почувствовал себя в безопасности, и вместе с этим приятным ощущением к нему вернулось стремление к благородным поступкам. Несомненно, погоня по пересеченной местности за пожилым полковником, переодетым женщиной, было занятием не для джентльмена. В этом было что-то презренное, что-то подлое и отталкивающее. Бросив последний раз взгляд вслед бесхвостым доберман-пинчерам, чьи силуэты зловеще мелькали среди ив, комендант развернул гнедую и медленно поехал назад, по направлению к дому. По дороге ему навстречу попался бронетранспортер, в котором ехал сержант Брейтенбах. Комендант, движимый ожившими в нем самыми благородными порывами, направил сержанта в противоположную сторону.

— Они вон туда поскакали, — крикнул ему комендант и посмотрел вслед бронетранспортеру, уносившему сержанта, пока они не скрылись за холмом. Откуда-то издалека, со стороны реки снова донесся звук рога, в который трубил Элс, и коменданту послышалось, будто бы кто-то крикнул: «Догнал!» Вслед за этим

до него долетели лай и визг собак.

Миссис Хиткоут-Килкуун провела ночь на заднем сиденье такси, наблюдая через плечо таксиста за тем, как ночное небо постепенно окрашивается в малиновый цвет. При этом она столь страстно реагировала на действия шофера, что у того не осталось ни малейших сомнений: ей нравится то, что и как он делает. Когда ночь окончательно угасла, угасли и силы миссис Хиткоут-Килкуун. Она затихла, а таксист уснул. Освободившись от него и выбравшись из машины, она первым делом подумала, не обыскать ли ей его карманы, чтобы найти хоть немного денег, но потом отвергла эту мысль. В доме ее ждало нечто гораздо большее. Когда броневики выехали со двора, кинувшись в погоню за ее мужем, миссис Хиткоут-Килкуун привела в порядок платье, пробралась через живую изгородь и подошла к развалинам. Гора обуглившегося мусора не имела ничего общего с особняком, который стоял тут еще совсем недавно. Однако миссис Хиткоут-Килкуун волновало не прошлое, а будущее. Не просто же так сменила она в свое время пригород Южного Лондона на опасную и лишенную комфорта жизнь в Африке. Она поднялась по ступенькам, на которых ей доводилось приветствовать так много гостей, — каким-то образом они все еще хранили остатки тепла бывшего уюта этого дома, — и осмотрела руины. Затем, ловко переступая между останками своих старых друзей, прошла в свою бывшую спальню и начала копаться там в золе и пепле.

Услышав звуки рога, полковник Хиткоут-Килкуун выбрался из реки и скрылся под деревьями. Продравшись через кусты, он вскоре оказался у подножия высокого и крутого обрыва. Дальше идти было некуда. Лай гончих на противоположном берегу реки слышался все ближе. Полковник, затаив дыхание, постоял, прислушиваясь, а затем повернул вдоль обрыва в поисках места, где можно было бы спрятаться. Вскоре он нашел такое место под нависавшей скалой. Заглянув под нее, он обнаружил там нечто напоминавшее пещеру, довольно темную и глубокую, в которую вело узкое входное отверстие. «Чем-нибудь бы его завалить», — подумал полковник. Внезапно его осенило, как это можно сделать. Жаль, что такие озарения приходят обычно лишь на склоне жизненного пути. Он выскочил из пещеры и принялся изо всех сил выдергивать из земли куст колючки. Куст не поддавался. Лай собак меж тем становился все ближе. Подгоняемый этим явным признаком приближающейся опасности, полковник в конце концов с корнем выдрал куст из земли с таким усилием, что если бы не корсеты его жены, этого усилия скорее бы не выдержал не

куст, а он сам. Забравшись в пещеру, он втащил куст за собой. «Через колючку не пролезут», — мрачно подумал он и скрючился в темноте, даже не подозревая о том, что стены пещеры испещрены рисунками, изображающими сцены охоты — правда, не такой, что разворачивалась сейчас.

На берегу реки констебль Элс и гончие снова что-то вынюхивали. Было совершенно непонятно, куда подевался тот, кого они преследовали. Элс прикинул, как поступил бы он сам, окажись он на месте полковника, и быстро пришел к выводу, что постарался бы скрыться в густых зарослях на противоположном берегу реки. Пришпорив лошадь, Элс въехал в воду и поплыл через реку, свора гончих последовала за ним. Через несколько минут гончие уже снова взяли след на другом берегу и устремились цепочкой в лес. Элс с трудом продрался через заросли следом за ними. Когда он выбрался на открытое место, то вся свора, высунув языки, вертелась вокруг куста колючки, абсолютно противоестественно торчавшего из глубины пещеры. Элс спешился и внимательно осмотрел это место. Доберман-пинчеры злобно зарычали, а гончие, напротив, радостно приветствовали его, впрочем, не дождавшись взаимности от того, кого они считали своим хозяином. Не обращая на собак никакого внимания, Элс распихал свору, подошел к кусту колючки вплотную и стал изучать его. Через минуту торжествующее «Догнал!» разнеслось вдоль обрыва, эхом отразившись от него.

В своем укрытии полковник Хиткоут-Килкуун услышал этот крик. Голос кричавшего показался ему чем-то знакомым. В душе полковника затеплилась надежда. Если снаружи был действительно Харбингер, тогда он спасен. Полковник принялся выталкивать куст, чтобы выбраться наружу, но в приоткрывшееся было отверстие тут же бросились три доберман-пинчера. Морды их были злобно оскалены. Полковник поспешно втянул колючку назад и попытался что-то крикнуть Харбингеру, но его слова утонули в лае собак.

Констебль Элс уселся перед пещерой на камень и закурил. Торопиться ему было некуда. «Подстрелить его нельзя», — подумал Элс, вспоминая, что полковник был ярым противником охоты на лис с ружьем; надо раздобыть терьера. Но терьера не было, и Элс начал перебирать в уме, чем его можно было бы заменить. Вскоре он уже искал что-то среди камней, разбросанных здесь и там вдоль обрыва. Задача была явно непростой. К тому же поднялось солнце и становилось все жарче. Но полчаса спустя Элс нашел то, что искал. Он схватил большую змею, гревшуюся на выступе скалы, и, держа ее за хвост, пробрался назад к пещере. Собаки попятились. Посмеиваясь, Элс

бросил змею на куст колючки и посмотрел, как она скользнула в темноту. Через минуту куст затрясло, как будто в конвульсиях, из-за него послышались вопли, и облаченный только в корсет полковник выскочил из своего убежища, промчался по каменистому подножию обрыва и скрылся в зарослях.

— Держи его! — закричал Элс и с довольной улыбкой поглядел на свору, бросившуюся в погоню. «Дурачок, — подумал он, — даже не знает, что травяные змеи безвредны». Рычание и крики, донесшиеся из кустов, свидетельствовали, что охота подошла к концу. Распихивая в стороны собак, Элс приблизился к жертве и достал нож.

Когда комендант, не торопясь, доскакал назад до «Белых леди», открывшийся ему вид резанул его по сердцу острой и незабываемой болью. Этот вид напомнил ему о героинях книг того автора, чей портрет украшал когда-то столовую особняка. Правда, миссис Хиткоут-Килкуун не была такой тонкой и стройной, как эти героини, а окружавший ее ореол был скорее мрачным, нежели светлым и сияющим. Но эти мелкие отличия меркли перед образом трагического горя, который выражала вся ее фигура. Комендант оставил лошадь у ворот, пересек гравийную площадку, подошел и встал рядом с ней. Только тогда миссис Хиткоут-Килкуун подняла свежезавитую головку.

— Они все там… — начала она, и поток слез скрыл ее очаровательные черты. Комендант Ван Хеерден посмотрел на труп, лежавший у ее ног, и покачал головой.

— Это не Берри, Дафния, — тихо проговорил он. — Это Малыш. Но миссис Хиткоут-Килкуун была вся в своем горе и не расслышала его слов.

— Мое драгоценное сокровище… — воскликнула она, бросившись на пепелище, и стала лихорадочно разгребать пепел. Комендант опустился рядом с ней на колени и снова грустно покачал головой.

— Их больше нет, дорогая моя, — прошептал он и был поражен новым приступом горя, потрясшим супругу полковника. Проклиная себя за отсутствие такта и за то, что в такой момент он назвал ее дорогой, комендант осторожно вложил ее руку в свою.

— Они уже в лучшем мире, — проговорил он, глядя прямо в ее глубокие серые глаза. Миссис Хиткоут-Килкуун надменно оттолкнула его.

— Лжете, — закричала она, — не могут они там быть. Кроме них, у меня ничего не осталось! — И, не жалея свои холеные руки, стала снова рыться в мусоре и пепле. Рядом с ней, не в

силах скрыть обуревавшие его чувства, стоял на коленях и наблюдал за происходящим комендант.

Он все еще пребывал в этой позе и за этим занятием, когда некоторое время спустя к ним подъехал на своей коренастой лошадке Элс и помахал чем-то в воздухе.

— Мое! Мое! — с торжеством прокричал он и спешился. Комендант глянул на него сквозь слезы, заливавшие его лицо, и махнул рукой, показывая, что Элсу лучше сейчас удалиться. Но Элс не был наделен ни чувствительностью, ни тактом коменданта. Он легко взбежал по ступенькам, запрыгнул на пепелище и помахал чем-то под носом у коменданта.

— Взгляните! Неплохо, а? — прокричал он. Комендант Ван Хеерден в ужасе закрыл глаза.

— Ради бога, Элс, всему же есть время и место… — закричал он как помешанный, но Элс уже мазнул его этой штукой по лбу и по щекам.

— Причастились! — шумно радовался Элс. — Причастились!

Комендант в ярости вскочил на ноги.

— Скотина! — заорал он. — Грязная скотина!

— Я думал, вам понравится, — по его тону было ясно, что Элс искренне обиделся. То, что комендант отверг его причастие, даже оскорбило Элса до глубины души. Но и миссис Хиткоут-Килкуун, кажется, была оскорблена не меньше. Пока комендант поворачивался к ней, чтобы принести извинения за вопиющее отсутствие у констебля Элса хорошего вкуса, вдова полковника сама вскочила на ноги.

— Вор! Это мое! — закричала она и стремительно и яростно бросилась на Элса. — Верни немедленно! У тебя нет на это никаких прав! — Комендант должен был согласиться, что ее требования абсолютно справедливы, хотя ему был крайне неприятен тот факт, что она сочла возможным их предъявить.

— Верни, — крикнул он Элсу, — это действительно ее. Но прежде чем Элс успел вручить ей свой омерзительный сувенир, миссис Хиткоут-Килкуун, по-видимому, движимая стремлением получить более полноценную компенсацию за утраченное, бросилась на констебля и принялась рвать на нем брюки.

— О Господи! — поразился комендант, а Элс от неожиданности упал спиной на пепелище.

— Помогите! — закричал Элс, явно поняв смысл нападения вдовы так же, как и комендант.

— Мое! Мое! — выкрикивала миссис Хиткоут-Килкуун, вцепляясь в нижнее белье Элса. Комендант Ван Хеерден закрыл глаза и попытался не слышать вопли, которые издавал Элс.

«Это же надо дойти до такого», — подумал он. Женская

ярость, которой кипела сейчас миссис Хиткоут-Килкуун, никак не сочеталась в его представлении с тем ее изнеженным образом, который он так долго лелеял. Но вот наконец с торжествующим возгласом вдова полковника поднялась на ноги. Комендант открыл глаза и посмотрел на странный предмет, который она держала в руках. Он с радостью отметил про себя, что предмет оказался вовсе не тем, что он ожидал увидеть. В руке у миссис Хиткоут-Килкуун был зажат потемневший кусок металла, на неровной поверхности которого тут и там что-то поблескивало. Хотя то, что она держала, было исковеркано и частично оплавилось, но в этих поблескивающих каменьях комендант узнал отдельные части прежних украшений миссис Хиткоут-Килкуун. Она стояла, прижимая к груди большой слиток металла, и на глазах превращалась в ту женщину, которую комендант знал раньше.

— Дорогие мои! — воскликнула она, и на этот раз голос ее был окрашен неподдельной радостью. — Мои драгоценнейшие!

Комендант свирепо повернулся к Элсу, который все еще лежал ничком, приходя в себя от пережитого потрясения.

— Сколько раз я тебя предупреждал, чтобы ты ничего не крал? — загремел комендант. Элс слабо улыбнулся и поднялся на ноги.

— Я только хотел, чтобы они не пропали, — ответил он, пытаясь оправдаться.

Комендант отвернулся от него и пошел вслед за миссис Хиткоут-Килкуун вниз по ступенькам.

— У вас есть машина? — спросил он, демонстрируя внимание и заботу. Миссис Хиткоут-Килкуун отрицательно помотала головой.

— Тогда я прикажу вызвать такси, — сказал комендант.

Лицо миссис Хиткоут-Килкуун залила смертельная бледность.

— Шутите, — пробормотала она и свалилась без чувств ему в объятия.

«Бедняжка, — подумал комендант, — как же она испереживалась». Он осторожно взял ее на руки и отнес в бронетранспортер. Укладывая ее на пол броневика, комендант заметил, что она продолжала сжимать слиток сведенной судорогой рукой.

«Хватка, как у английского бульдога», — отметил он и закрыл дверцу бронемашины.

К тому моменту, когда колонна полицейских машин двинулась наконец из «Белых леди» в обратный путь, миссис Хиткоут-Килкуун пришла в себя и уже могла сидеть. Конечно, она

была глубоко потрясена внезапными переменами в своей судьбе, и потому комендант тактично не затрагивал эту тему. Вместо этого он занялся подготовкой документов и перебирал в уме то, что обязательно должен был сделать.

Сержант Брейтенбах и еще несколько человек были оставлены охранять место преступления и фотографировать запасы взрывчатки и запалов, разложенные на полках в конюшне. Потом эти фотографии будут переданы в печать. Коменданту предстоит представить полный отчет о всех событиях верховному комиссару полиции, а копию — в Бюро государственной безопасности. После этого он сможет заявить прессе, что в зародыше подавлен еще один революционный заговор, нацеленной на разрушение Республики. Возможно, он даже проведет специальную пресс-конференцию. Подумав, однако, он решил этого все же не делать: журналисты отнюдь не облегчали жизнь южноафриканской полиции, и нечего было им помогать, снабжая их информацией, К тому же у него были и более важные дела, нежели забота об общественном мнении.

Например, неясно было, что теперь делать со вдовой полковника. Конечно, он всячески сочувствовал ей и ее тяжкой нынешней доле. Но при этом комендант сознавал, что те неприятные действия, которые он оказался вынужден предпринять, вполне могли положить конец расположенности, которую она когда-то испытывала по отношению к нему. Когда колонна уже приближалась к Пьембургу, комендант спросил миссис Хиткоут-Килкуун о ее планах на будущее.

— Планы? — переспросила миссис Хиткоут-Килкуун, очнувшись от молчаливой задумчивости, в которую она была погружена всю дорогу. — Нет у меня никаких планов.

— Ну, у вас же наверняка есть какие-нибудь друзья в Умтали, — с надеждой в голосе спросил комендант. — Они о вас, безусловно, на первых порах позаботятся.

Миссис Хиткоут-Килкуун кивнула.

— Наверное, — сказала она.

— Во всяком случае, это лучше, чем камера в полиции, — сказал комендант и объяснил, что обязан задержать ее как важную свидетельницу. — Впрочем, если вы дадите мне слово, что не уедете из страны… — добавил он.

Вечером того же дня у таможенного поста возле моста через Бейт остановился «роллс-ройс».

— Имеете что заявить? — спросил родезийский таможенник.

— Да, — с чувством ответила миссис Хиткоут-Килкуун. — Хорошо снова оказаться дома, среди своих.

— Верно, мадам, — заметил таможенник Ван дер Мерве и

махнул рукой, показывая, что она может проезжать. Опустилась ночь, и, чтобы не заснуть за рулем, миссис Хиткоут-Килкуун стала напевать вслух.

— Правь, Британия, морями! Бритту не бывать рабом! — весело горланила она, пока ее машина не сшибла в канаву какого-то африканца, ехавшего на велосипеде. Останавливаться миссис Хиткоут-Килкуун не стала: она чувствовала себя слишком уставшей. — Будет знать, как ездить без света, — подумала она и сильнее нажала на акселератор. В отделении для перчаток гремело и перекатывалось ее сокровище: золото и алмазы.

Всю последующую неделю коммандант был слишком занят, чтобы обеспокоиться внезапным исчезновением миссис Хиткоут-Килкуун. Группа следователей, прибывшая из центральной службы безопасности в Претории, выехала в Веезен разбираться на месте в происшедшем.

— Допросите там как следует владельца магазина, — посоветовал им коммандант. — Он многое может рассказать.

Сотрудники службы безопасности попробовали допросить его и были взбешены его категорическим отказом говорить на африкаанс.

— Я легавых навидался, и с меня хватит, — заявил им владелец магазина. — Одного так я отсюда просто выставил, а сейчас выставлю и вас. Здесь Малая Англия. Проваливайте отсюда ко всем чертям.

Следователи возвратились в Преторию, подтвердив, что коммандант безукоризненно провел все дело и упрекнуть его не в чем. Тот факт, что при осмотре трупы мужчин оказались одеты в женскую одежду, а единственная женщина Маркиза в остатки какой-то портупеи, лишь подтвердил обоснованность утверждений коммандант, что люди, ставшие жертвами действий полиции, готовили заговор против Республики. Действия коммандант во всем этом деле получили благоприятный отклик даже на уровне кабинета министров.

— Вот что значит угроза терроризма. Теперь все избиратели будут на нашей стороне, — заметил министр юстиции. — Эх, перед каждыми бы выборами да подобный случай.

Лейтенант Веркрамп, все еще продолжавший пребывать в больнице в Форг-Рэйпире, отнесся к завершению этого дела с несколько иной стороны. Теперь, когда у него не было больше причины притворяться душевнобольным, Веркрамп вновь обрел достаточную ясность мысли, чтобы расценить свое предложение доктору фон Блименстейн выйти за него замуж как результат временного помутнения рассудка.

— Я же был ненормальный, — ответил он врачихе,

напомнившей ему об их помолвке.

Доктор фон Блименстейн укоризненно посмотрела на него.

— И это после всего, что я для тебя сделала, — про говорила она.

— Да уж, действительно сделала. Лучше бы не делала, — ответил Веркрамп.

— А я уже наметила такое прекрасное свадебное путешествие, — с сожалением протянула врачиха.

— Без меня, — ответил Веркрамп. — Я уже напутешествовался, до конца жизни хватит.

— Это твое окончательное слово? — спросила докторша.

— Да, — ответил Веркрамп.

Доктор фон Блименстейн вышла из палаты и приказала дежурной медицинской сестре надеть на Веркрампа смирительную рубашку. Через десять минут это было сделано. Тем временем доктор фон Блименстейн уединилась в кабинете с больничным священником.

Когда после обеда комендант Ван Хеерден приехал в Форт-Рэйпир поинтересоваться состоянием Аарона Гейзенхеймера, его встретила доктор фон Блименстейн, одетая, по мнению коменданта, весьма нарочито. На ней была яркая цветочная шляпка и костюм из акульей кожи.

— Куда-нибудь собираетесь? — спросил ее комендант. За всеми перипетиями последнего времени он совершенно позабыл о предстоящем бракосочета нии Веркрампа.

— Мы едем в свадебное путешествие[73] в Мюйзенберг, — ответила врачиха.

Комендант Ван Хеерден выпрямился в кресле.

— А Веркрамп уже хорошо себя чувствует? — спросил он.

Доктор фон Блименстейн, все еще находившаяся под впечатлением галантности, проявленной комендантом во время их последней встречи, не уловила скрытый смысл его вопроса.

— Нервы еще немножко шалят, но самую малость, — ответила она. Но, думаю, это пройдет безо всяких последствий. — Она немного поколебалась, а потом все же продолжила, — я понимаю, что прошу от вас слишком многого, но не согласились бы вы быть нашим шафером?[74]

Комендант Ван Хеерден не знал, что и ответить. Его привлекала возможность хоть в какой-то степени способствовать соединению брачными узами человека, принесшего ему столько неприятностей, с женщиной, любить которую было совершенно невозможно. Доктор фон Блименстейн в роли миссис Веркрамп — такого и врагу не пожелаешь.

— Надеюсь, он отказался от мысли о возвращении на

прежнюю должность? — с надеждой в голосе спросил комендант. Доктор фон Блименстейн с удовольствием рассеяла все его сомнения.

— Не волнуйтесь, — сказала она. — Как только мы возвратимся из свадебного путешествия, Бальтазар сразу же выйдет на работу.

— Понимаю, — сказал комендант вставая. — В таком случае мне лучше переговорить с ним прямо сейчас.

— Он в отделении гипнотерапии, — сказала врачи ха, когда комендант уже выходил из комнаты. — Передайте ему, что я скоро приду.

Комендант вышел в коридор и спросил у дежурной сестры, как найти это отделение. Проводив его и открывая перед ним дверь в палату, сестра улыбнулась.

— Вот ваш счастливчик,[75] — сказала она, пропуская коменданта внутрь. Веркрамп сидел на постели в окружении невероятного количества хризантем.

— И вы тоже? — простонал Веркрамп, когда комендант вошел и сел на стул возле кровати.

— Просто заглянул узнать, не надо ли тебе чего, — сказал комендант. — Я и понятия не имел, что ты женишься.

— Я не женюсь, — ответил Веркрамп. — Меня женят.

— Я смотрю у тебя по такому случаю даже новая смирительная рубашка, — произнес комендант, не расположенный обсуждать щекотливые темы.

— Она уже скоро не понадобится, — сказала сестра. — Ведь правда? — Сестра взяла шприц и, откинув одеяло, перевернула Веркрампа на живот.

— Не хочу!.. — закричал было Веркрамп, но сестра уже воткнула иглу ему в спину. Когда содержимое шприца было перекачано и сестра вынула иглу, комендант испытал прилив заметного возбуждения, а Веркрамп, напротив, погрузился в странную тупую апатию.

— Вот и порядок, — сказала сестра, снова переворачивая его на спину и развязывая смирительную рубашку. — Больше эта противная штука нам не понадобится, да?

— Да, — ответил Веркрамп.

Сестра улыбнулась коменданту и вышла из палаты.

— Послушай, — спросил комендант, пораженный тем, чему он только что стал свидетелем, — ты и вправду не хочешь на ней жениться?

— Хочу, — сказал Веркрамп. Комендант, который уже собрался было убеждать его, что если он не хочет жениться, так и не надо, оказался в замешательстве.

— Мне показалось, ты говорил, что не хочешь, — переспросил он.

— Да, — сказал Веркрамп.

— У тебя же еще есть время передумать, — убеждал комендант.

— Да, — сказал Веркрамп.

— Черт возьми, — в растерянности проговорил комендант. — Быстро же ты, однако, меняешь точку зрения.

— Да, — сказал Веркрамп. В этот момент возвратилась сестра, принесшая обручальное кольцо.

— И часто он начинает вот так талдычить на все «да-да-да»? — спросил ее комендант, опуская кольцо в карман.

— Это новый метод лечения, — объяснила ему сестра. — Его изобрела доктор фон Блименстейн.

— И в чем же он заключается? — поинтересовался комендант.

— Синдром повторений, вызываемый химическим путем, — объяснила сестра.

— Да, — сказал Веркрамп.

— О Боже, — произнес комендант, до которого внезапно дошел истинный смысл подобного лечения. Если доктор фон Блименстейн была в состоянии подобным образом отправить к алтарю Веркрампа (вопреки его собственному желанию) и при помощи химии заставить его там сказать «да», значит, ей было подвластно что угодно. Комендант Ван Хеерден живо представил себе возможные последствия этого. Сотни вполне уважаемых и ни в чем неповинных граждан можно будет заставить признаться в осуществлении подрывной деятельности, членстве в коммунистической партии, в обучении террористов и в любом ином преступлении. Хуже того, доктор фон Блименстейн была не из тех женщин, что способны проявлять колебания, когда речь зайдет о карьере ее мужа, и она станет двигать эту карьеру любыми, в том числе и столь сомнительными, средствами. Комендант задумался над тем, чем это может обернуться со временем лично для него как начальника полиции. В этот момент появилась невеста в сопровождении больничного священника и нескольких пациенток, которых она мобилизовала на роль подружек невесты. Магнитофон заиграл свадебный марш, и комендант, вложив потихоньку обручальное кольцо в руку Веркрампа, выскользнул из палаты. Он не собирался быть шафером на свадьбе, которая означала бы конец его собственной карьеры. Он вышел на улицу, на площадку, где гуляли больные, и начал расстроенно бродить среди них, проклиная иронию судьбы, спасшей его от последствий предпринятой Веркрампом попытки

подсидеть своего коменданта, но спасшей только для того, чтобы теперь добиться его отстранения другим способом. Пусть бы уж Веркрамп сам полностью расхлебывал все результаты деятельности его секретных агентов: это было бы лучше, чем позволить ему жениться на докторе фон Блименстейн! Комендант лихорадочно пытался сообразить, что можно было бы сделать, чтобы расстроить этот план хотя бы в самую последнюю минуту. В этот момент он и обратил внимание на шум и суету возле отделения гипнотерапии, где рыдающую доктора фон Блименстейн выводили из импровизированной часовни.

Комендант Ван Хеерден поспешил туда.

— Что стряслось? — нетерпеливо спросил он.

— Он сказал «да», — ответила сестра. Доктор фон Блименстейн истерически рыдала.

— По-моему, он и должен был это сказать, — недоумевал комендант.

— Да, но не тогда, когда священник спрашивает, может ли кто-либо из присутствующих назвать причину, по которой священный союз этой пары не может быть заключен, — объяснила сестра. По лицу коменданта расплылась широкая улыбка.

— Ну что ж, — жизнерадостно произнес он, — значит, Веркрамп все-таки не сумасшедший. Похлопав безутешную врачиху по спине и произнеся что-то вроде «нельзя вечно только выигрывать», он вошел в палату поздравить несостоявшегося жениха.

У констебля Элса оказались сложности иного рода. В полиции раздался телефонный звонок. Звонил специалист по набиванию чучел из пьембургского музея. Голос его звучал почти истерически.

— Он хочет, чтобы я сделал из него чучело, — втолковывал таксидермист дежурному сержанту.

— А что такого? Почему не сделать чучело из лисьего хвоста? — переспросил сержант, который никак не мог взять в толк причины, вызвавшие такое перевозбуждение у звонившего.

— Я же вам втолковываю, что это не лисий хвост. Это фаллос, — кричал таксидермист.

— Что фальшивое? — переспросил сержант.

— Ничего не фальшивое. Самый настоящий фаллос![76]

— Знаете, что-то вы путано объясняете, — сказал сержант.

Таксидермист глубоко вздохнул и попытался объяснить еще раз. В конце концов дежурный сержант соединил его с комендантом, который мгновенно понял, о чем говорит звонящий.

— Не волнуйтесь, — постарался успокоить его

комендант, — я немедленно сам займусь этим делом.[77] Таксидермист с отвращением посмотрел на телефон.

— Будьте так любезны, — сказал он и с облегчением положил трубку. Комендант потребовал не медленно прислать к нему Элса.

— Я полагал, что больше об этой мерзости не услышу, — начал комендант, когда Элс предстал перед ним. Тот стоял потупившись.

— Я хотел сохранить его на память, — оправдывался он. — Установить его на подставку.

— На подставку?! — заорал комендант. — Ты с ума сошел! Забудь об этом, понял?!

Элс ответил, что постарается.

— И вот еще что, — предупредил его комендант. — Если ты мне снова попадешься с этой штукой, я составлю на тебя протокол.

— За что? — поинтересовался Элс.

— За оскорбление нравственности, — злобно прорычал комендант. Элс отправился избавляться от своего трофея.

Неделя проходила за неделей, в Пьембурге постепенно восстановилось неторопливое течение жизни, а воспоминания о взрывающихся страусах и прочих происшествиях отошли в область местных преданий. Комендант не имел ничего против того, чтобы о взрывах забыли как можно скорее. Оглядываясь на события тех дней, он все больше поражался пропасти, что разделяла реальную жизнь и литературу. От усиленного чтения пользы не жди, думал он, вспоминая, какую судьбу уготовило полковнику Хиткоут-Килкууну и членам «клуба Дорнфорда Йейтса» чрезмерное увлечение литературой. Вместо этого комендант занялся утверждением традиций английского джентльменства на практике. Свора гончих, принадлежавшая прежде полковнику, была отправлена на полицейскую псарню, где у вновь прибывших завязались самые дружеские отношения с доберман-пинчерами. Во главе псарни был поставлен констебль Элс, умевший поразительно хорошо ладить с собаками. Комендант приобрел лошадь, сшил на заказ малиновый охотничий костюм, и дважды в неделю можно было видеть, как он отправляется за город вместе со сворой гончих и с восседающим на коренастой лошаденке Элсом, а впереди них мчится, пытаясь спасти свою жизнь, один из заключенных с подвешенным у пояса мешочком анисового семени. Иногда комендант приглашал на такую охоту и доктора фон Блименстейн, которая тоже любила верховую езду. Комендант считал, что сейчас, когда Веркрамп ее

бросил, он таким образом хоть чем-то помогает бедной женщине. Да и в любом случае, полагал он, разумнее поддерживать с ней добрые отношения.

В целом комендант пребывал в мире и согласии с жизнью и с самим собой. Что бы там ни произошло в прошлом, но ценностям Западной Цивилизации в Пьембурге до сих пор ничто не грозило, а сам комендант надежно стоял на страже традиций, бравших начало из сокровенных глубин в сердце настоящего английского джентльмена.

notes

Примечания

1

Англо-бурская война 1899—1902 гг., война Великобритании против бурских республик Южной Африки — Оранжевого Свободного государства и Трансвааля. Закончилась превращением их в колонии Англии.

2

Крюгер Паулус (1825—1904) — президент бурской республики Трансвааль в 1883—1900 гг.; в период англо-бурской войны один из руководителей сопротивления буров английским войскам.

3

Африканеры — они же буры — белые потомки переселенцев на Юге Африки, в нынешней ЮАР.

4

Англо-буро-зулусская война 1838—1840 англичан и голландцев за колонизацию Юга Африки против коренного населения — зулусов.

5

Имеется в виду провозглашение республики Конго 15 августа 1960 г.

6

Марка бронетранспортера, находящегося на вооружении южноафриканской полиции.

7

Игра слов: может быть понято и как «познакомили с боссом», то есть «с хозяином». BOSS, Bureau of State Security — Бюро государственной безопасности (далее — БГБ) ЮАР. Двусмысленность этого созвучия неоднократно обыгрывается в книге и дальше.

8

Законы периода апартеида в ЮАР, запрещавшие как семейные, так и любые внебрачные связи между белой и небелой частями населения страны.

9

Коэффициент умственного развития по 100-балльной шкале.

10

Игра слов: использованное понятие «blackballed» означает «забаллотированный», но и «с черными яйцами», что может быть понято также как намек на происхождение.

11

Считается основателем первых поселений, организованных английской Ост-Индской компанией (1600—1858 гг.) в 1652 г. на территории нынешней Капской провинции ЮАР.

12

Игра произношения: «an attic of colack» — в данном случае переводится как «да чердак…»; «an attack of colic» «приступ колик».

13

Игра слов: «Dornford Yates Club» может быть переведено как «Клуб Дорнфорда Йейтса», но и как «Клуб дорнфордских трепа».

14

Игра слов: название фирмы «Bury & Co» может переводиться как «Бэри и компания», но и как «Похоронное бюро».

15

Игра слов: brassiere — лифчик, здесь как «магазин женского белья»; brasserie — пивная (франц.).

16

«Coitus interruptus» (псевдолат.) — прерывание полового акта.

17

Здесь: «завершение века и эпохи» (франц.).

18

Высадка англо-американского десанта через Ла-Манш в Нормандии 6 июня — 24 июля 1944 г., ставшая открытием второго Фронта в Европе. Крупнейшая морская десантная операция второй мировой войны: силы вторжения насчитывали более 2, 8 миллиона человек.

19

Игра слов: «…I am becoming Berrier and Berrier» — перекличка с названием одной из книг Дорнфорда Йейтса — «Berry & Co», — которую читал коммандант. Здесь: «Я становлюсь все более похожим на Дорнфорда Йейтса и его героев».

20

«Веггу» — ягода или же любой плод, в котором объем мясистой части намного превосходит объем и величину косточек (например виноград, томат, арбуз и т. п.).

21

Игра слов: «spade» может означать не только «тесак», но и «лопата».

Здесь: … хоть что-то собой представляют (франц.)

23

Общий термин для обозначения повстанческих движений местного населения в 50—60-х годах.

24

Название фермы.

25

Игра слов: «whipper-in» имеет также значения «лошадь, приходящая на скачках последней» и «человек, который кнутом вбивает в кого-либо» умение, желаемое поведение и т. п.

26

Игра слов: в названии плана «Red Rout» слово «rout» имеет значение «мятеж», но также и «сброд, шайка», и «незаконное сборище», и «разгром, беспорядочное бегство», и «обращенный в бегство противник».

27

Денежная единица ЮАР.

28

Игра слов: в данном случае «White Wash» может быть также понято и как «очковтирательство», «замазывание недостатков», и как «реабилитация», и «переливание из пустого в порожнее»

29

Чуть больше девяти литров.

30

Бурский язык, на основе диалектов голландского.

31

То есть после 1894 года: королева Виктория (1819—1901) царствовала в 1837—1901 гг.

32

Пуантилизм — манера письма в живописи: мелкими мазками правильной формы, наподобие точек или квадратиков.

33

Игра слов: «grub» имеет значение не только «личинка», но и «литературный поденщик», «компилятор», «книжный червь».

34

Аналогичная игра слов: «worm» — не только «червяк», но и «жалкое существо», «презренный человек», «ничтожная личность».

35

Terminal — нечто конечное, заключительное, завершающее, предельное, а также повторяющееся через строго определенные промежутки времени.

36

Игра слов — Obscurity — темнота, мрак, но и безвестность, забвение.

37

Игра слов: в зависимости от интонации фраза «Any questions?» может быть понята как вопросительная: «Есть вопросы?» или как распоряжение: «Вопросы — любые».

38

Административный центр и главный город Мозамбика в период господства Португалии. С 3 февраля 1976 г. переименован в Мапуту и стал столицей независимого Мозамбика.

39

Спенсер Герберт (1820—1903) — английский философ, один из родоначальников позитивизма. В сфере теории познания разрабатывал ту точку зрения, что принимаемое человеком за истину является результатом осмысления всего предшествующего опыта соответствующей расы. Сторонник политического либерализма, невмешательства государства в права и интересы личности.

40

Игра слов: «chicken» не только «петушок», но и «полковник».

41

Игра слов: название книги — «Perishable Goods» — может быть понято также и как «скоропортящиеся товары», и как «ненадежные доказательства».

42

Игра слов: фразу «Hold it a moment» «Погодите минутку» — можно понять и дословно: «Подержите его немного».

43

Аналогичная игра слов: «You're taking this thing too far» здесь: «…принимаете слишком близко к сердцу» — можно понять и как «Вы слишком глубоко принимаете эту вещь».

44

Игра слов: «We'll cut out the peruses…» может быть понято как «пенисы мы отрежем».

45

«Рафинированные», но может быть понято и как «продувные» (франц.).

46

«В которых она чувствовала себя более или менее уверенно» (франц.)

«Совершенно обязательны» (франц.).

Здесь: «дела» (франц.).

49

До встречи! (франц.)

50

Говяжье филе под шубой по-страсбургски. (франц.)

51

Здесь: …что она знает, как выйти из любого затруднительного положения (франц.).

52

Игра слов: «Gergonzola» — горгонзола, сорт овечьего сыра. Очевидно, Маркиза хотела сказать «Gorgon» — Горгона, здесь: «уродина, страшилище».

53

Игра слов: «off colour» может означать «имеющий нездоровый, болезненный вид», «чувствующий себя не в духе», «непристойный, неприличный», «имеющий сомнительную репутацию», а также «неполноценный, очень низкокачественный».

54

Игра слов: фраза «and only man is vile» может быть понята и буквально: «гнусный подлец этот мужик», тем более что она произнесена в форме полувопроса.

55

Игра слов: практически неприкрытый намек на гомосексуализм «майора» Блоксхэма.

56

Игра слов: «the Underground» может быть понято и как «подполье», и как «подземка» — название лондонского метро. По аналогии «the Inner Circle» может означать и «внутренний круг» подполья, то есть его высшее руководство, и кольцевую линию метро в самом центре Лондона.

57

Одна из самых престижных гостиниц в центре Лондона.

58

Игра слов: имя «Els» произносится так же, как слово «else» — здесь: «кто-то».

59

Игра слов: «queer» — «странный», «чудаковатый», но и «гомосексуалист».

60

Южноафриканская степь.

61

Игра слов: «dell» «лощина», но и «девка, потаскушка»; «concussion» «сотрясение», но и «принуждение к чему-либо посредством угроз или насилия».

62

Игра слов: во фразе «you died intestate» «ты умер, не оставив завещания», — последнее слово звучит почти как «interstate» то есть умер «на территории штата», не в городе.

63

French letter — иносказательное обозначение пакетика с презервативом и самого презерватива.

Игра слов: название марки презервативов произносится как сочетание, которое можно было бы перевести «легкие, как пух».

65

Игра слов: выражение «make up your mind» означает «сделайте выбор», «решите, чего вы хотите». Но если воспринимать его дословно, то оно может быть понято и как «соберите свой ум», «примиритесь с самим собой».

Диэтиламид, наркотическое вещество галлюциногенного действия.

67

Игра слов: «Айс Инк» звучит почти так же, как фамилия автора книги, которую читал Веркрамп, — Эйзенк, — но означает «ледяные чернила».

Безболезненное умерщвление безнадежно больных, предпринимаемое из соображений гуманности. — Прим. перев.

69

Одна из книг Библии.

Бойся данайцев, дары приносящих (лат.).

71

Игра слов: выражение «He's given us the slip» может быть также понято и дословно: «он оставил нам лифчик, комбинацию, детский фартучек».

Фокс (Fox) означает «лисица». — Прим. перев.

73

Игра слов: «Trip» означает и «путешествие», и «галлюцинации под влиянием наркотика».

74

Игра слов: «best man» «шафер», но может быть понято и как «человек, взявший над нами верх».

75

Игра слов: «счастливчик, избранник» или «человек, который взял над нами верх».

Игра, построенная на близости произношения слов «phallus» «фаллос», «false» «фальшивое, ненастоящее» (читается «фолс») и «fox» — «лисица» (читается «фокс»).

77

Игра слов: соответствующая фраза может быть понята и дословно, как «я сам возьму это в руки».